

СОЧИНЕНІЯ И ПЕРЕВОДЫ

13.3

СТУДЕНТОВЪ

13.3

ИМПЕРАТОРСКАГО Харьковского
Университета, читанныя 1821 года
Юня 30 числа по окончаніи экза-
меновъ ихъ.

56460

Перевод.
1850

ВЪ ХАРЬКОВѢ,
ВЪ Университетской Типографіи,
1821 года.

Им. Гос. Ун-т
НАУЧНАЯ БИБЛИОТ.
им. Горького

Съ дозволенія Цензуры

I. Разсужденіе о возрожденіи.

Студента Дружкевича.

Человѣкъ естествонный въ настоящемъ его состояніи есть не то, чѣмъ онъ былъ и чѣмъ быть долженъ. Онъ былъ образъ несозданнаго. Онъ созданъ мудрымъ, неворочнымъ, чувствительнымъ; но разумъ его возгордился, воля уклонилась отъ закона, а сердце прилѣпилось къ плѣнію. Онъ возмечталъ, возпропился, преснувилъ законъ Творца и унизился съ сего времени; внѣшнее возпоржествовало надъ внутреннимъ, вещественное надъ духовнымъ, духовная природа человѣка повредилась, нарушилась въ немъ гармонія, перемѣнилось назначеніе. Онъ палъ, и падшій уже долженъ достигать цѣли своей посредственно, чрезъ возрожденіе въ жизнь духовную и преспѣяніе въ оной Благодатію совершаемое.

Странна и непонятна для человѣка плотскаго мысль о возрожденіи. Доколѣ свѣтъ небснаго ученія непросвѣтивъ чувствительностію помраченнаго взора, дополъ онъ съ Никодимомъ будеть вопрошавъ: какъ можеть родиться человѣкъ, будучи старъ, и какъ можеть преусиѣвать въ жизни юность, кпо почти окнчили жизнь естественную и уже спойли надъ опверзшіемъ гроба. Разсмотрѣніе сего вопроса будеть предметомъ моего разсужденія.

Сѣмя Божественной натуры въ человѣкѣ дополъ не возродится и не можеть возрѣсти, доколѣ не мочеть

еть покрывающей его прахъ чувственности и плѣннѣя. Апостоль Павелъ говоритъ: еже сѣши не оживеть аще не умреть. И такъ возрожденію въ жизнь духовную должна предшествовать смерть человѣка естественнаго, то есть плотскаго, чувственнаго.

Вопервыхъ человѣкъ долженъ умереть умомъ самому себѣ и міру. Чтобы усмотрѣть необходимость умерщвленія ума, слѣдуетъ только обратишь вниманіе на помраченіе его и слабость въ сужденіи о вещахъ духовныхъ, на гордость и самолюбіе мудрыхъ вѣка сего, на тѣ неправые и отъ истинны удалющіе пути, по которымъ руководствуется человѣка мірское мудрованіе. Дѣятельный умъ человѣческой потерѣвши чистоту свою въ первомъ паденіи, лишившись возможности сообщаться съ существами высшаго духовнаго міра, обратился къ плѣнному, чувственному міру. Человѣкъ чрезъ развратность чувствъ заглушивъ свой разумъ, удался до чрезвычайности отъ перваго образа духовнаго своего состава, время отъ времени, болѣе и болѣе переходилъ отъ внутренняго къ наружному, отъ духовнаго къ чувственному и изказивъ понятіе о Божествѣ, котораго какъ врожденнаго ему не могъ совершенно истребить въ душѣ своей, повергнулся въ идолопоклонство. По мѣрѣ того, какъ должно ствовало возрастать просвѣщеніе, разпространялось невѣжество и заблужденіе рода человѣческаго. И существа мыслящіе такъ глубоко погрязли въ своемъ заблужденіи, что міръ духовный казался имъ вымышленною сказкою. Надобно было превратить все духовное въ плѣсное и удаленное отъ чувствъ, обратишь въ самую чувственность. Чтобы понимать существо Божіе, надобно было его представлять въ чув-

ственномъ видѣ, подвергнувъ его слабостямъ человеческой падшей натурѣ свойственнымъ. И самые шѣ, кои хотѣли оплечиться опъ толпы обыкновенной, самые мудрые изъ людей, гоняясь за истинною, уклоняясь опъ нее, заблуждали. Имъ невозможно было пріобрѣсти истиннаго понятія о Богѣ, которое всегда остается за предѣлами чувствъ; поелику и самыя отвлеченныя ихъ понятія были все еще шѣсны. Вотъ помраченіе ума съ самаго его начала! Но оно осталось одинаковымъ во всѣ послѣдующія вѣки до нашихъ временъ, и самый Христіанинъ ходящій по плоти, а не по духу, мудреющая по стихіямъ міра а не по Христу, сколько же не имѣетъ чистаго понятія о Богѣ, какъ и люди невѣдущіе Христіанства.

При всей слабости своей умъ человека естественнаго никогда не думалъ обращаться опъ себя къ неизчерпаемому источнику премудрости, дабы тамъ нашли пособіе къ урочеванію своей слабости. Онъ даже не познаетъ своего заблужденія. Проникаетъ во внутренность природы, открываетъ ея сокрытые законы, измѣряетъ небо, разматриваетъ планеты, изчисляетъ ихъ бѣгъ, представляетъ себѣ прошедшее и будущее, всему ищетъ причинъ, всему полагаетъ законы; но все относя къ самому себѣ, все обращая въ собственность, мечтаетъ, гордо печетъ по пупу заблужденій и бѣдственно погрязаетъ въ топкихъ болотахъ эгоизма. И спасительная истинна будучи содержитъ нечестіемъ и неправдою человеческою въ неправдѣ, находясь подъ властію прихотей едва едва подобно опдаленному свѣту въ хаосѣ изъ мрака сіяла и мудрые вѣка сего, слѣпыя вожди слѣпыхъ, никогда бы

не узрѣли сего во мракѣ мерцающаго свѣта, естли бы лучь новой благодати не просвѣщиль ихъ разсудка.

Единъ Богъ есть источникъ премудрости и разума чистѣйшаго. Естли чья мудрость не свыше, естли кто не наученъ помазаніемъ отъ Святаго, которое всѣхъ насъ учить, ничего не пріять отъ Ошца свѣшова; таковаго мудрость естль земная, мудрость человѣческая, мудрость сатанинская: нѣсмы сѣя мудрость свыше нисходяща, но земна, душевна, бѣсовска. Доколѣ такова мудрость мѣрская духъ человѣчскій плѣннымъ содержитъ, дошолѣ не можеть онъ быль причастнымъ мудрости небесной; поелику просвѣщеніе свѣша Благодати естль выше чувствъ и разума человѣческаго. Гдѣ сѣяеть свѣшъ благодатный, тамъ свѣшъ естешвенный — шма по словамъ Св. Писанія исчезаетъ; коебо общеніе свѣшу со шмою?

И пакъ чловѣкъ естешвенный долженъ опвергнушь собственную мудрость, опложиль гордость ума, забышь суешное познаніе всего того, чѣмъ онъ въ пакъ называемомъ большомъ свѣшѣ стараетъ казаться пріятнымъ и любезнымъ, словомъ, онъ долженъ умереть умомъ самому себѣ и мѣру. Простота ума очищенная отъ предрасудковъ, дѣтская довѣренность швердо повинующаяся воли Ошца Небеснаго, радостное упованіе, каковое шолько одинъ очищенный умъ имѣть можеть, вошъ шайншвенная печать знаменующая новаго чловѣка на первомъ шагу вступленія его въ жизнь духовную Христіанскую, ежели онъ живя для мѣра мудрствуя о себѣ шолько и о мѣрѣ быль уже посѣдѣвшимъ старцемъ, закоснѣлымъ въ заблужденіяхъ и предрасудкахъ: то здѣсь ему должно содѣлаться младенцемъ; поелику онъ не можеть еще

полнѣ часъ вмѣспитъ въ себѣ всего высокаго Христова ученія. И сами Апостолаы по словамъ Христовымъ должны были питаться самою слабѣйшею пищею, питались млекоу, а не брашны, пока духъ Свяшый не снишелъ на нихъ; ему должно себя всего и во всемъ ввѣрить единственному наставнику, благодатному Евангелію Христову.

Первыя понятія Христіанина младенца, подобно какъ и младенца челоуѣка, раскрываются посредствомъ воспитанія и ученія Благодати. Обратимъ на минушю вниманіе наше на младенца при самомъ развитіи въ немъ первыхъ идей. Не зная, что онъ, гдѣ онъ, все находить для себя новымъ, все ему кажется непонятнымъ; тогда нужна ему во всемъ помощь другихъ, тогда возрождающійся умъ его, равно какъ и самая жизнь, согрѣвается одноу нѣжностію родительскоу, никогда и ничемъ неуплашимоу. Онъ ищетъ понятій, но по новостии предметовъ и по слабости еще не развитшихся способностей не открываетъ ничего, и одна только родительская внимательность съ нѣжноу заботливостію напечатлѣваетъ въ умѣ и сердцѣ его первыя идеи. Не все ли для челоуѣка плоскаго должно показаться также темнымъ и неиспытуемымъ, когда онъ обратитъ свой взоръ въ міръ духовный? Тамъ увидитъ онъ и небо ново и землю нову и всѣ предметы покажутся ему таинственными Героглифами, къ испытанію коихъ всей челоуѣческой мудрости не достатъ. Здѣсь то онъ обращается къ свѣту Благодати, который яснымъ лучемъ разгоняетъ мракъ невѣдѣнія, раскрываетъ въ немъ первоначальныя идеи, основныя понятія вещей духовныхъ. Блаженъ, кто въ самомъ началѣ своего возрожденія собирая въ умѣ

своемъ драгоцѣнныя сокровища мудрости небесной, сохранишь умъ свой непорочнымъ и чистымъ отъ примѣса злыхъ и лукавыхъ внушеній свѣта. Онъ не долго останеся въ сѣспоянїи младенчества; но быстро пошечель по пути Христовомъ къ совершенству истиннаго Христїанства и изъ преддверїя святищеннаго храма, гдѣ въ крещенїи водою и духомъ, онъ вспомошествоемый благодатїю очистишь свой умъ силою небесною, вступишь во святилище приближающее его къ благодатному соединенїю съ Богомъ. И такъ новый Христїанинъ повседневно исправляясь и утверждаясь въ правилахъ Христїанскихъ, достигалъ высшей степени духовнаго просвѣщенїя. По силѣ дѣйствующей въ немъ Благодати ученїя Христова онъ возрастаетъ духомъ, возрастаетъ и умомъ, до того уже, что совѣты мудрости небесной силится, такъ сказать, повѣрять собственными, хотя слабыми опытами.

И уже юный неопытный человекъ, когда прошли дни его младенчества, злые и невозвратные дни безпечности, вырывается изъ рукъ наставниковъ, удаляется отъ родственной любви, отъ ласкъ материнской нѣжной заботливости, которая малѣйшїя желанїя его предупреждала. Оставляя домъ родительской онъ прощается съ милою невинною простою и вмѣстѣ съ вѣрностїю, искренностїю пускается въ путь неизвѣстный исполненный спремнинами и камнями прешкновенїй: такъ и юный Христїанинъ воспитанный въ нѣдрахъ Евангельскаго ученїя вступаетъ въ опасное и пространное поприще жизни. Здѣсь по встрѣчанїю съ нимъ безчисленные соблазны спрассей и обворожающїе юность пороки, влекущїе за со-

бою пагубное разслабленіе силъ душевныхъ и тѣлесныхъ. Съ сими по противниками юному Хриспіанину должно имѣть непрестанную борьбу. По сему по пупи усланному сѣтями заблужденій онъ долженъ шеспировать, гдѣ на каждомъ шагу представился взорамъ его чудное смѣшеніе добра и зла, цѣлипельнаго бальзама и ядовитой оправы, гдѣ обманчивая фортуна обольщаетъ его льстивыми обманами величія, счастья и славы, уполяетъ радостями и веселіемъ, а юномъ опраляетъ всю сладость жизни. Вотъ поприще подлежащее юности Хриспіанину. И какъ здѣсь искать пупи праваго, гдѣ все покрыто ложнымъ блескомъ, кошорый ослабнвшій взоръ спранника въ минуточку исчезаетъ; гдѣ столько же пупей къ счастью и блаженству, сколько спраспей; гдѣ одно и тоже принимаешь въ минуточку тысячу различныхъ видовъ; гдѣ спранники за однимъ и тѣмъ же идутъ въ различныя спороны и ничто иное суть какъ ослабленные рабы міра, радостно несущіе свои оковы и любящіе свое порабоженіе? Какъ искать согласія сердца съ разумомъ, гдѣ сколько свирѣпствуетъ бурь увлекающихъ первую и столько минупныхъ метеоровъ, служащихъ ослабленіемъ послѣднему? Но не одни только сии суть противники кромѣ видимыхъ домашнихъ его враговъ міра и плоти; ему должно противоборствовать невидимому духу злобы, сильному и спрашному хитрыми и лукавыми обольщеніями или гоненіями и враждою міра.

Уже ли просвѣщенный свѣтомъ благодати покорился ложной силѣ своихъ гонителей? уже ли позволилъ чувствовать своимъ обольститься сладострастіемъ, сею ядовитою оправою, услаждающею одну минуточку?

уже ли предпочтешь онъ сокровища мѣра благамъ нескончаемымъ, безцѣннымъ общованіямъ вѣры? уже ли вознесенный наверхъ величія и славы возмечтаешь онъ и презришь меньшихъ брагій Христовыхъ?

Нѣтъ, нѣтъ! сынъ благодати, и вѣры не отдастъ себя во власть сихъ грозныхъ бурь. Юный, неопытный, но рѣшительный, крѣпкій, твердо полагающійся на поборяющую по немъ силу Христову взирая на начальника и совершителя вѣры Иисуса, бодрственно пролившихся и кипрымъ обольщеніямъ и злобнымъ нападеніямъ и лютымъ досажденіямъ враговъ своихъ. При свѣтѣ руководствующей его благодати отъ него не сокроются въ тысячи различныхъ видахъ измѣняющихся враги его. Онъ обрѣтаетъ всеоружіе Божіе и прѣметъ его, да возможеть пролившихся въ лютыя минуты нападенія; его броня есть правда, его препоясаніе есть истинна, его щипъ вѣра, шлемъ спасеніе, мечъ глаголь Божій, а безпрестанное возношеніе мыслей и сердца къ Богу есть недремлющая спржа огняющая кипрыхъ враговъ его. Побѣда его несомнѣнна и сія по самая побѣда составляетъ вѣторичную смерть челоѣка естествонаго. Здѣсь умираетъ онъ волю самому себѣ и мѣру. Тогда по сила враговъ его ослабѣвать начинаеть, сила спрасней ушихаетъ, естество перспнаго челоѣка падаетъ и лукавый бѣжитъ отъ лица юнаго но крѣпкаго побѣдителя своего. Ибо Христіанинъ не самъ дѣйствуетъ, но возмощаетъ о Господѣ въ державѣ крѣпости его. Онъ во всемъ волю Божію предпочитаетъ своей волѣ, угашаетъ самолюбіе, убиваетъ вожденія плоти, убѣгаетъ сладострастія въ мѣрѣ, словомъ онъ отвергаетъ самого себя, и симъ образомъ побѣждаетъ себя, мѣрѣ и діавола. И шакъ къ

возрожденію грѣховной природы, къ обновленію вѣщаго наружнаго человѣка коренное средство есть самоопроверженіе. Находясь въ состояніи сего самоопроверженія человѣкъ болѣе не наслаждается чувственностію; такъ что человѣкъ наслаждается самымъ терпѣніемъ своимъ и подобно Апостолу Павлу сладѣ хвалился паче о немощахъ своихъ.

Пусть тогда враги Христіанина поженуть его по пернїямъ или стрѣминамъ. Самыя орудїя на погубленіе его ими подышныя онъ обратитъ во спасеніе свое и въ пагубу ихъ самымъ. Пусть низвергнетъ превратный мїръ его съ высоты величія и славы, пусть преслѣдуетъ его неблагодарностію, окажетъ ему несправедливостъ помя обидную для мїролюбцевъ. Онъ узритъ здѣсь верховную премудростъ, которая испытуетъ сыновъ человѣческихъ, возвышая одного на развалинахъ счастья другаго. Изъ презрѣнія къ нему свѣта онъ научается самъ презирать свѣтъ. Несправедливостъ людей напоминаетъ ему утѣшительнѣйшую мысль, что онъ служилъ Владыкѣ правосуднѣйшему и нелицепріятнѣйшему, у котораго все, что ни творилъ человѣкъ, изочтено, который не только не забываетъ трудовъ и заслугъ его; но и самыя желанія его за благо прїемлетъ. Взвѣсивъ человѣкъ на гнусную измѣну мїра, познаетъ, сколь мало причинъ сожалѣть о лишеніи его сладостнѣйшихъ удовольствій. Тогда повергшись въ объятія вѣры, чувствуетъ онъ, что всѣ безпокойства его, неразлучныя съ натурою человѣческою, превращаются въ сладкую тишину, лучъ свѣта проникаетъ въ душу его, отрада льется въ сердце его и изгоняетъ вонъ горестъ. Сколь сладки покажутся ему тогда и самыя горести добродѣтели, подагающія въ

душѣ основаніе мира и пишины духовной. Такъ духъ отрощеннаго человѣка бываетъ всѣхъ напастей міра надежда достиженія совершеннаго соединенія съ Богомъ концемъ всѣхъ желаній, даетъ ему крылья возлѣтѣть выше сѣтей міра чувственнаго, а совершенное отверженіе воли своя и покореніе ея въ волю Божію, беспрестанное упражненіе ума въ Евангельскомъ ученіи освобождаетъ его совершенно отъ ветхой природы, очищаетъ сердце отъ всѣхъ сквернъ прирожденныхъ по словамъ Христовымъ: Аще пребудете къ словеси моему воистинну ученицы мои будете и познаете истинну и истинна свободилъ вы. Въ семъ состояніи при плаковой дѣятельности Христіанина каждая минута есть шагъ къ высшей степени совершенства духовной жизни.

И уже крѣпкій воинъ Христовъ побѣдившій лукаваго, достигшій высшей степени просвѣщенія благодатнымъ свѣтомъ Христовымъ, умиривши себя отъ вѣбъ, въ шихомъ упованіи на благость Божію и непреложность обѣщаній, приближается къ концу своего назначенія. Въ его сердце, чистое отъ всякія скверны, проникаетъ числѣйшая любовь къ Богу. Любовь есть совершенство натуры Божественнаго возрожденія; безъ нея всѣ подвиги Христіанской жизни суть ничтожны по словамъ Св. Павла: и аще раздамъ вся имѣнія моя и аще предамъ тѣло мое воеже сожещи, любви же не имамъ, никакая польза ми есть. Любовь чистая, совершенная есть освященіе членовъ Христовыхъ чадъ Божіихъ, любовь николи же опадающая, нищущая своихъ силъ, отвергающая всякую собственность, стремящаяся къ Богу единственно для него; любовь въ ней же нѣтъ страха, которая ненавидилъ

грѣха, бѣжитъ отъ него, не изъ страха наказанія, но отъ того, что онъ прошивенъ источнику всякаго добра; таковая любовь есть душа новаго возродившагося духовнаго человѣка, по мѣрѣ, которой онъ является уже достигшимъ въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова. Она раздираетъ внутреннюю завѣру, изпаканную первымъ оппаденіемъ, и человѣкъ вступая во святыя святыхъ, соединяется съ Богомъ не въ одномъ только вѣденіи идеальномъ, не въ словахъ только или мысляхъ, но въ живой Божественной силѣ тайно дѣйствующей въ человѣкѣ. Совершенною любовію познавши Бога, онъ бываетъ единъ духъ съ Господемъ, едино плѣсо со Христомъ.

Такъ, одна любовь къ Существу Высочайшему есть всѣхъ благихъ нашихъ начало. Любя его мы любимъ страну нашего опчества, гдѣ сердце наше вышедшее изъ нѣдръ небытія въ первой разъ его познало. Любя его мы любимъ благодѣтельствующихъ и покровительствующихъ насъ, коимъ оно благодѣтельствуетъ щедрошами своея руки, любимъ и всѣхъ человѣковъ какъ самихъ себя; ибо и всеобщій нашъ Отецъ любитъ насъ яко чада своихъ. Любя его мы и въ жизни сей бываемъ блаженны и нѣкогда не лишимся мзды своея; но насладимся исполненіемъ непреложныхъ его обѣщаній.

II. Объ отношеніяхъ между Словес- ностію (*Les Belles-Lettres*) и Науками (*Les Sciences*).

(Переводъ съ Французскаго).

Студента Алаторцова.

Словесность (*les Belles-lettres*) и Науки (*les Sciences*), раздѣляющъ обыкновенно ученыхъ людей на два различные класса. — Одни изъ нихъ проходя пріятное и разнообразное поле учености соснавляютъ классъ Липператоровъ; другіе углубляясь въ знанія возвышеннѣйшія и полезнѣйшія соснавляютъ классъ любителей Наукъ. Расположеніе вкуса къ упражненію въ одномъ родѣ занятій, служитъ часто предубѣжденіемъ проптиву занятій въ другомъ. А посему можетъ случиться, что Липператоръ и занимающійся Науками, не будутъ чувствовать различія ихъ трудовъ. — Если дѣло идетъ о причинѣ упадка просвѣщенія и испорченности вкуса, то послѣдній возложитъ вину на упражненія въ Словесности, которая кажется ему слишкомъ господствующею, а первый на успѣхи въ Наукахъ кажуціеся ему слишкомъ быстрыми. — Да будетъ мнѣ позволено предупредить сіе неосновательное обвиненіе, и показать, что Словесность и Науки, не должны быть чужды другъ другу, и что они имѣютъ между собою тѣснѣйшія связи.

Люди не могутъ вести однообразной родъ жизни. — Различіе вкуса, многообразность дарованій, разборчивость, нужда, случай, призываютъ каждого гражданина къ особливимъ занятіямъ. Отсюда происходитъ общій порядокъ, ясно показывающій, что разныя состоянія людей, служатъ къ взаимному себя поддержанію, а не къ разрушенію и уничтоженію. — Бывъ разнообразны до безконечности, и часто, по видимому, противуположны другъ другу, они образуютъ удивительное цѣлое: они составляютъ какъ бы множество стезей, ведущихъ къ одной цѣли.

Сіе правило столь справедливое для всѣхъ состояній въ Государствѣ, въ особенности справедливо для общества любителей Наукъ и Словесности. Ахъ! по какой причинѣ не могутъ имѣть они того же преимущества, которое имѣютъ всѣ состоянія въ мірѣ, чтобы дѣйствовать для блага общественнаго, не вредя другъ другу? — Не находились ли, между сими, двумя родами занятій, меньшей противуположности, нежели между прочими? —

Музы были сестры — онѣ жили вмѣстѣ — онѣ составляли одинъ хоръ; между тѣмъ однѣ изъ нихъ господствовали надъ Поэзіею и Исторіею, другія надъ Логикою, Геометріею и Астрономіею. — Гомеръ и Гезіодъ призывали ихъ въ своихъ Поэмахъ и Пизогоръ принесъ имъ въ жертву Гекатомбу въ признательность за открытіе, сдѣланное имъ при нахожденіи въ прямоугольномъ преугольникѣ равенства квадрата ипопенузы съ квадратами прочихъ двухъ боковъ. — Не будемъ же различать того, что наши учителя сочетали съ такою мудростію.

Литтераторъ и занимающійся Науками — всегда соперники и всегда друзья; ихъ достоинство будучи главною причиною соревнованія, служить только къ тѣснѣйшему между ими союзу. Они сходствуютъ единообразіемъ занятій, превосходствомъ познаний, благородствомъ цѣлей, тихую и уединенную жизнь, взаимными нуждами и часто общою выгодною. — И такъ не надобно опасаться, чѣобы они хотѣли или могли возвыситься на униженіи другъ друга; они будутъ, какъ и всегда бываешь, идти на равнѣ въ цвѣтущихъ Государствахъ.

Вспомнимъ прекрасный вѣкъ Аѳинъ и Рима, куда мы по справедливости непрестанно обращаемъ свои мысли, какъ къ средоточію изящнаго вкуса. — Изученіе Словесности не дѣлало тамъ никакого вреда Наукамъ, а изученіе Наукъ умѣло придавать Словесности новой блескъ. —

Греція не была никогда въ столь блистательномъ состояніи, какъ во время монархическаго правленія Персіи, и тогда только произошли изъ ея нѣдра, какъ ошъ изобильнаго источника, столько чудесныхъ произведеній въ Наукахъ и Литтературѣ. Почти въ одно время появились въ ней чрезвычайные образцы во всѣхъ родахъ занятій. — Геродотъ, Фукидидъ, Ксенофонтъ, и Ктезіасъ, касательно Истории; Пиндаръ — Лирической Поэзіи; Софокль, Еврипидъ и Аристофанъ — Театра; Аншифонъ, Лизіасъ и Исократъ — Краснорѣчія; Демокритъ — Физики и Математики; Сократъ и Платокъ — Метафизики и Нравственной Философіи; Иппократъ — Медицины; Мепонъ, Евклемонъ и Евдоисъ касательно Астрономіи. — Словесность и Науки подъ руководствомъ сихъ

великихъ людей шли всегда согласно и служили другъ другу взаимною подпорою, для лучшаго споспѣше- ствованія къ общему благу. Греція одолжена всемъ своимъ блескомъ сему щасливому спеченію. Еспьли бы она имѣла людей приспраспныхъ къ одному поль- ко роду занятій, она была бы незнаема, или даже презираема отъ своихъ сосѣдей; но поелику она съ одной стороны занималась Грамматикою, Краснорѣ- чіемъ, Поэзією, Исторією и Крипикою, а съ дру- гой усовершенствовала Математику, Философію, Полицику и Тактику, и поелику симъ средспвомъ она могла приводить въ дѣйствіе все дарованія, и могла удовлетворить всемъ нуждамъ и вкусу, по скоро присоединила къ неизблемому достоинству бли- щательнѣйшую славу. —

Царствованіе Августа, вознесшее Римъ на высо- чайшую степень величія, было также благопріятно для наукъ и Словесности. — Римляне имѣли уже вре- мя воспользоваться сообщеніемъ съ Греками; они едва успѣли ихъ побѣдить, какъ уже содѣлались ихъ уче- никами. Съ того времени сии два народа начали одинъ давать уроки въ Римѣ, другой приходилъ для обра- зованія даже въ самыя Аѳины. Ихъ ученіе ограничи- валось всегда Словесностію и Науками. Успѣхи въ томъ и другомъ родѣ были удивительны. — Величай- шіе люди наипаче появились въ царствованіе Августа, многіе даже при дворѣ сего Государя. Мecenать пред- ставлялъ ему таковыхъ, не отличая ученаго отъ Поэ- та, Орапора отъ Философа. Августъ удостоивалъ всехъ своею дружбою; онъ осыпалъ ихъ благодѣянїя- ми; различіе ихъ дарованій не полагало различія въ знакахъ его милости. — Два рода людей не могли ему

нрависься, говоритъ Свепоній, мнимые оспроумцы, гоняющіеся за ложнымъ блескомъ словъ, и ученые глупо приверженные къ стариннымъ выраженіямъ, вышедшимъ уже изъ употребленія въ вѣкъ образованнѣйшемъ. — Впрочемъ все то, что относилось до Литтературы и Наукъ, было для него важно и любезно. — Онъ самъ занимался Поэзіею, Краснорѣчіемъ и Философіею. — Римъ и вся Имперія принимали участіе во вкусѣ двора. Словесность и Науки были равнобѣрно уважаемы; и Римъ господствуя уже надъ Аѳинами силою оружія, хотѣлъ еще имѣть преимущество надъ нимъ гораздо лестнѣйшее, состоящее въ пріятной учености и глубокихъ познаніяхъ.

Виргилій жившій въ то время, не говоритъ о Римлянахъ своего вѣка, но о предшествовавшихъ столѣтіяхъ, влагая въ уста своего оракула сїи слова:

Excudent alii spirantia mollius aera,
Credo, equidem, vivos ducent de marmore vultus.
Orabunt causas melius, coelique meatus.
Describent ratio, et surgentia sidera dicent.
Tu regere imperio Populos Romane memento,
Haec tibi erant artes, pacisque imponere morem,
Parcere subjectis, et debellare superbos. — V.

и. е. „Уступимъ другимъ славу прудисься надъ мѣталлами, оживлять мѣдь, и влагать душу въ мраморъ. Пусть они превосходятъ насъ въ Краснорѣчьи, пусть превосходятъ въ искусствѣ описывать, съ помощію различныхъ инструментовъ, печеніе свѣщилъ небесныхъ, и въ справедливости предсказывать ихъ явленія. — Римляне! Вамъ предоставлено искусство управлять вселенною, кротко щадить покоренныхъ, и усмирать мятежниковъ.“ —

И такъ справедливо, что древніе Римляне пренебрегали изученіе Изящныхъ познаній, какъ пустую и малозначущую забаву; они старались даже препятствовать введенію ихъ въ Государство, какъ опасному учрежденію. Но въкъ Августа содѣлалъ изъ нихъ пріятное и полезное занятіе. Щасливый переворотъ случившійся не съ одними Римлянами. Многіе народы испытывали его. Они попеременно были врагами и обожателями Словесности и наукъ. — Замѣшимъ однакожь, что ни какой народъ, никогда въ особенности не предпочиталъ отдѣльно одного рода занятій другому. Или отвергали ихъ въ одно время, или занимались ими вмѣстѣ: ясное доказательство неразрушимой связи, вѣчно ихъ соединяющей. Неожиданно, что бы я изобразилъ вамъ всѣ вѣки и всѣ различныя Государства, въ которыхъ рождались и возобновлялись Науки вмѣстѣ въ Словесностию; подробность о семъ была бы безконечна. — Къ двумъ примѣрамъ взятымъ изъ Аѳинъ и Рима, прибавлю только претій, новѣйшій и занимательнѣйшій, какой только можно себѣ представить. —

Царствованіе Людовика Великаго было вѣкомъ славы для всей Франціи по числу и достоинству великихъ мужей, родившихся въ ономъ. Но сіи ученые не боялись никогда, чтобы Словесность унизила (глубокость) отвлеченныя познанія, или чтобы углубленныя умствованія подавили цвѣты Литтературы. Знаніе языковъ иностранныхъ, и основательное изученіе собственнаго, были первыми плодами образованія ума, и между нѣмъ какъ Духовное и Гражданское Краснорѣчіе провозглашало торжество Религіи и Правосудія, какъ Поэзія на театръ и въ обществахъ, оказывали

всѣ свои прелести; какъ Исторія съ жадностію была чинаема въ безчисленныхъ сочиненіяхъ, исполненныхъ наставленія и пріянности; какъ Древность, казалось, совлекла покровъ со своихъ тайнъ; какъ справедливый разборъ, распространилъ повсюду свѣшпильникъ Крипки: — Философія преобразовала идеи, чувствованія и поведеніе; Физика открыла новыя пупи, исполненныя свѣша; Матемашика возвысилась на степенъ совершенства, на которую взойпи почитали ее неспособною; наконецъ Словесность и Науки раскрыли въ одно время всѣ свои сокровища; и не вредя другъ другу, спарались обогатиться взаимно. — Сообщеніе споль выгодное для той и другой спороны, весьма достойно было, чтобы сдѣлашь оное продолжительнымъ.

Сіе-то соединеніе наиболѣе произведено было учрежденіемъ двухъ обществъ, коимъ ввѣрены были успѣхи Наукъ и Литтературы. Государь основавшій оныя, соединилъ ихъ тѣсною связью; а постановленіемъ для нихъ начертаннымъ, повелѣлъ, чтобы два раза въ годъ давали взаимной отчетъ въ своихъ трудахъ и открытіяхъ, дабы показашъ, что невзирая на различіе предметовъ, они обязаны дѣйствовать согласно, для соблюденія изящнаго вкуса, и что на нихъ лежишь непремѣнная отвѣтственность опечеству за ввѣренной имъ одинъ и тотъ же залогъ. — Они казалось чувствовали въ полной мѣрѣ всю важность своихъ обязанностей: первое переселяло въ свои Физическія сочиненія все то, что Словесность имѣла изящнаго и пріяннаго; другое въ свою очередь заимствовало отъ ней, толь Философскій духъ, безъ котораго ученіе есть только хаосъ, а рѣчь — собраніе пущыхъ словъ. Такова-то взаимная зависи-

мость Словесности и Наукъ; они не могутъ обойтись другъ безъ друга.

Но должно ли необходимо быть свѣдущимъ въ Липпературѣ, чтобы успѣль въ Наукахъ, и занимающійся Науками не можетъ ли вспрѣшиться съ такими предметами, къ коимъ бы Словесность не пролагала ему дороги? — Вопросъ, разрѣшеніемъ котораго я не стану заниматься. — Я хочу только сказать, что Науки немогутъ утвердиться или существовать въ Государствѣ, ежели Словесность nebudeтъ усовершенствована или самими любителями Наукъ, или же отличнѣйшими мужами имѣющими вкусъ; и что безъ сей помощи народъ nebudeтъ знать ни Наукъ, ни одобрять ихъ, ни трудиться для пріобрѣтенія оныхъ.

Слѣдственное положеніе народа погруженнаго совершенно во мракъ невѣжества! Такіе люди мало различествуютъ отъ живописныхъ, лишенныхъ разума. — Природа сотворена не для нихъ; они не внимаютъ ничему ихъ окружающему, и еще менѣе знаютъ самихъ себя. Изъ сего униженнаго и невѣжественнаго состоянія, какъ достигнуть они до высшихъ познаній въ Наукахъ? — Такой переходъ бываетъ медленъ, нечувствителенъ и при посторонней помощи. — Надобно употребить предварительныя наставленія, посѣять семена соревнованія, наконецъ ввести искусство пріобрѣтать идеи, выражать ихъ порядочно, соображать со вкусомъ, словомъ сказать, искусство просвѣщать и обогащать умъ, въ которомъ состоитъ Словесность. —

Науки суть произведеніе великихъ Геніевъ всѣхъ вѣковъ, плодъ разсужденій, исполненныхъ мудрости и основательности. Одинъ человекъ неможетъ произвести изъ собственнаго ума множества и разнообразнаго

зїя сихъ познаній, какую бы ни имѣлъ къ тому охоту. Трудъ другаго, долженъ служишь ему какъ бы основаніемъ и матеріалами, къ построенію своего зданія. Но какъ воспользуется онъ свѣденіями другихъ, какимъ образомъ будетъ онъ имѣлъ сношеніе, которое обязанъ вести съ Писателями ошдаленныхъ спранъ и вѣковъ, естли онъ не самъ, или по крайней мѣрѣ другіе Лишператоры небудуть служишь ему переводчиками? — За недостаткомъ таковой помощи, исторія ума человѣческаго останется для него погребенною во глубинѣ мрака, и завѣса скрывающая Науки, содѣлается для него непроницаемою. —

Сего мало; — Начальныя основанія Наукъ были бы скучны, естли бы Словесность не украшала ихъ своими прелесціями. — Первый приступъ Философїи васъ смущаетъ: она противилась предразсудкамъ дѣлства и воспитанія — борелся со страстями и нравами — хочешь положишь преграду стремленію привычки — почиаетъ призраками щастіе, славу и всѣ суешности мїра, дабы показашь, что онѣ существуютъ въ одномъ только воображеніи. Начала Математики исполнены сухости: въ ней разсуждается о числахъ, о свойствахъ ихъ, пространствѣ взятомъ вообще, о пропорціяхъ, сравненіяхъ и отношеніяхъ, запущанныхъ самихъ по себѣ, и выраженныхъ чрезъ фигуры и буквы по видимому весьма спранныя. Нѣтъ, — надобно что бы Словесность могущая внушитъ вкусъ къ Наукамъ, находилась въ сихъ запруднишельныхъ началахъ. — Числый и плавный слогъ, разливаешь прїятности на матерію — истинны содѣлываются чувствительнѣе чрезъ остроумный оборотъ, чрезъ живое изображеніе, чрезъ самыя даже вымыслы предспа-

вляемые уму; смѣсь Исторіи или Поэзіи одушевля-
етъ любовь къ шуду: но что я говорю? — Тысячи
находящяся средствъ для содѣланія занимательнымъ
ученія отвлеченнѣйшаго при помощи Литпературы.

Философы древней Греціи писавшіе въ стихахъ
всѣ свои сочиненія до основанія Персидской Монархіи,
умѣли смягчать прелестями Поэзіи суровость и вы-
спренность ихъ ученія. Съ какими попомъ успѣхами,
ученики Аѳинъ и Рима употребляли украшенія кра-
снорѣчія въ своихъ Философскихъ разсужденіяхъ? —
Въ наши времена Маллебраншъ слѣдоваль симъ вели-
кимъ примѣрамъ. Его сочиненія исполненныя Метам-
физики — часно, по превосходству слога, служили
забавою не только ученымъ но и каждому; и всякъ
кто только начиналь ихъ читать, единственно попо-
му, что они красиво написаны, прежде нежели ихъ
оставляль, содѣлывался непримѣтно, такимъ же иску-
снымъ Философомъ.

Вмѣсто того чтобы слѣдовать примѣру, сихъ ве-
ликихъ Учителей, Схоластики, презирали Словесность
какъ бесполезное украшеніе. — Чпожь произошло?
Ихъ уроки не руководствовали никого, ни къ изуче-
нію мудрости, ни къ познанію Природы. Ихъ Фило-
софія преобразилась въ дѣтское лепешанье, а учили-
ще содѣлалось театромъ суесловія и злословія.

Но если Литпература должна служить клю-
чемъ и введеніемъ къ Наукамъ, то и Науки съ своей
спорони необходимы для усовершенствованія Слове-
сности. Какія бы мѣры предприняты ни были для
образованія народа, если высшія познанія небудуть
имѣть тамъ мѣста, то Словесность осужденная на
вѣчное дѣтство, содѣлается тамъ лепешаньемъ дѣте

скимъ. Чтобы видѣть ее цвѣтущею необходимо нуженъ духъ Божественной Философїи, а слѣдовательно и Науки, его произведшія, должны находиться въ самомъ Липпературѣ, чтобы онѣ придавали важность сочиненіямъ Липпературы.

Философскій духъ есть способность прїобрѣтенная трудомъ, искуствомъ и привычкою, судить здраво о всѣхъ вещахъ міра. — Онъ есть умъ, коего ничто неможетъ избѣгнуть — сила доказательствъ, коихъ ничто неможетъ поколебать — разсудительный и вѣрный вкусъ о всемъ добромъ и худомъ въ Природѣ. Онъ есть единственныи образецъ истиннаго и прекраснаго. А по сему немогутъ имѣть совершенства различныя произведенія, выходящія изъ рукъ людей, еслили небудутъ, одушевлены симъ духомъ. — Онъ него въ особенноти зависитъ слава Липпературы; между тѣмъ какъ онъ есть плодъ знанія усовершенствованнаго, и удѣлъ малаго числа ученыхъ; онъ возможенъ и необходимъ для успѣха въ Липпературѣ, какъ дарованіе споль рѣдко находящееся во всѣхъ тѣхъ, кои ею занимаются. Довольно для народа, еслили нѣкоторыя великіе Генїи имъ обладаютъ, и еслили выпренность познаній, содѣлаеть ихъ посредниками вкуса, Оракулами Крипики, разпространителями славы Липпературы.

Грамматика, сіе первое начало всей Липпературы, была бы безъ него чрезвычайно недостаточна; изученіе языковъ предполагаетъ способы для ихъ разумнїя, и способы тѣмъ болѣе исполненные Логики и Метафизики, чѣмъ сухость матерїи менѣе способна къ украшенію. Сверхъ того, по мѣрѣ какъ Науки преобразуютъ и усовершенствуютъ разумъ, онѣ мало по

малу производятъ такія же перемѣны въ языкѣ. Философія, неизчерпаемый источникъ идей и чувствованій, изобрѣщаетъ безпрестанно для изображенія ихъ обороты выраженій живыхъ, оспроумныхъ, нѣжныхъ. Физика, Метифизика, Механика, Математика, непрестанно обогащаютъ языкъ новыми терминами, и сіи роды словъ, кои вводятъ Науки употребляются всегда безъ затрудненія, пока другіе, то есть, избранные бытъ судіями и цѣнителями языка, не могутъ наслаждаться тѣмъ же преимуществомъ.

Прочія части Литтературы, Краснорѣчіе, Поэзія, Исторія и Критика, не менѣе имѣютъ отношенія къ Наукамъ. Всѣ тѣ различные способы выражаться съ точностію и благородствомъ мыслей, съ силою и восторгомъ чувствованій, съ разборчивостію и основательностію разума, пребудутъ пруда, обширности познаній и умствованій, выбора матерій, размѣщенія, и такъ же постороннихъ пособій.

Ничего болѣе не нужно въ особенноти для усовершенствованія Литтературы, и для тѣснѣйшаго соединенія ея съ Науками, какъ сочиненія Дидактическія по части Риторики, Пѣирики и Исторіи. — Всякому извѣстно, что для успѣха въ семъ, должно бытъ еще болѣе Философомъ, чемъ Литтераторомъ. —

Вопль отношенія, кои имѣютъ всегда любитель Словесности и любитель Наукъ. Тѣснѣйшій союзъ можеть иногда разрушиться. Они могутъ забыть другъ друга даже до того, что стануть спорить о достоинствѣ различныхъ ихъ трудовъ; но ихъ раздоръ, будетъ только личный, наносимые ими удары никогда не коснутся того рода занятій, на которыя

они нападутъ. Недоброжелательныя ихъ намѣренія, имѣютъ даже щасливыя слѣдствія: прудъ усугубляется, матерія объясняются, изящный вкусъ усовершенствуется, уваженіе къ Словесности увеличивается, Науки пріобрѣтаютъ новую цѣну, Государство извлекаетъ изъ распри соперниковъ такой же плодъ, какой бы могло извлечь изъ ихъ согласія, и даже ошибки чуждаго человѣка, заставляють такимъ образомъ опять войти, недумая о томъ, въ общій порядокъ. — И такъ, Поэтъ могъ иногда насмѣхаться надъ Астрономомъ, Орапоръ, — быль въ спорѣ съ Геометромъ, Философъ — сдѣлался противникомъ Вишій. — Сократъ палъ отъ нападеній Софистовъ, но Философія извлекла изъ пепла сего великаго мужа, поэтъ блескъ, котораго пишина и спокойствіе не могли ей доставить. И такъ, какія бы ни были побудительныя причины или даже излишества несогласія между любителями Наукъ и Словесности, предметы ихъ раздора не пощепятъ ничего, и оспанушся всегда сопряжены выгодною и дружбою.

Торжество ихъ соединенія бываетъ тогда, когда они встрѣчаются вмѣстѣ, въ шѣхъ первоклассныхъ Геніяхъ, равномѣрно способныхъ къ изящному образованію и глубокой учености; но какъ рѣдко можно видѣть щасливо сліянными Словесность и Науки въ одномъ и томъ же человѣкѣ!

Гомеръ, еслили вѣришь его Панегирисшамъ, обладалъ симъ сугубымъ талантомъ. Дѣйствительно, онъ имѣлъ его для Поэзіи въ высшей степени; но нельзя увѣриться, чтобы онъ имѣлъ его въ Философскихъ познаніяхъ. Впрочемъ каковъ бы онъ ни былъ, Науки и Словесность были попомъ удѣломъ

многихъ ученыхъ древней Греціи. Не говоря о другихъ, Ксенофонъ, Емпедоклъ, Епихармій, Парменидъ, Архелай, суть имена равно знаменитые между Поэтами и Философами. Сократъ бывшій послѣ ихъ, и превзошедшій ихъ даже до того, что заслужилъ званіе Отца Философіи, занимался также Краснорѣчьемъ и Поэзіею. Ксенофонъ, его ученикъ, умѣлъ соединять достоинство Оратора, Историка и Ученаго, съ достоинствомъ человѣка Государственнаго, военнаго и свѣтскаго. При одномъ имени Платона, все высокое въ Наукахъ и все пріятное въ Литтературѣ представляется тотчасъ уму нашему. Аристотель, сей всеобъемлющій Геній, распространилъ свѣтъ во всѣхъ родахъ Литтературы, и во всѣхъ частяхъ Наукъ. Онъ препоручилъ свою школу Теофрасту, потому только, что онъ былъ краснорѣчивѣйшій и ученѣйшій изъ его учениковъ. — Ученый Греціи болѣе всѣхъ соединявшій Словесность съ Науками былъ Евратосенъ. Плиній, Лукіанъ и другіе писатели, прославляли его, какъ человѣка имѣвшаго всеобъемлющій разумъ. Онъ писалъ въ безчисленныхъ томахъ почти о всемъ томъ, на что только умъ человѣческой успремленъ можетъ быть: о Грамматикѣ, Поэзіи, Криптикѣ, Исторіи, Хронологіи, Мифологіи, Древностяхъ, Философіи, Ариѳметикѣ, Геометріи, Гномоникѣ, Астрономіи, Географіи, Сельскомъ Домоводствѣ, Архитектурѣ и Музыкѣ.

Лукрецій былъ первый изъ Римлянъ, употребившій Латинскихъ Музъ, въ сочиненіяхъ Философскихъ. Если бы различныя части его твореній не были написаны въ одномъ и томъ же вкусѣ, и однимъ и тѣмъ же слогомъ, то означали бы всегда съ одной

сторонѣ умнаго Физика, а съ другой выпреннато Поэта. Варронъ, мудрѣйшій изъ Римлянъ, раздѣлялъ время въ занятіяхъ Философіи, Испоріи, въ изысканіяхъ Древностей, въ изученіи Грамматики и находилъ отдохновеніе въ Поэзіи. Брутъ былъ Философъ и Орапоръ и зналъ основательно Юриспруденцію. — Цицеронъ, необыкновенно соединявшій Красновѣчіе и Философію, объявляетъ самъ о себѣ, что естли онъ имѣлъ какую нибудь степень между Орапорами, то онъ болѣе одолженъ симъ достоинствомъ, прогулкамъ Академическимъ, нежели школамъ Рипоровъ.

Но сколько другихъ примѣровъ могъ бы я привести въ доказательство изъ сихъ отдаленныхъ вѣковъ? — Тогда не думали, и сіе замѣчаніе сдѣлано уже пеперь однимъ изъ нашихъ Академиковъ, тогда не думали чшобы Науки могли быть несовмѣстны, въ одномъ и томъ же челобѣкѣ, съ цвѣтущимъ образованіемъ, съ Наукою свѣтскаго обращенія, съ знаніемъ Полишски, съ Геніемъ войны или Судилища. Тогда думали болѣе о томъ, что множество дарованій необходимы для усовершенствованія каждаго порока, и сіе мнѣніе было оправдано успѣхами.

Къ вѣкамъ невѣжества и варварства, каковъ былъ вѣкъ послѣ паденія Римской Имперіи принадлежишь непризнаніе сродства Наукъ и Литтературы, даже до того, что имѣли намѣреніе положить между ими преграды, до полѣ неслыханныя. Синезій съ горестію жаловался на сіе въ IV столѣтіи. Онъ употреблялъ весьма сильныя выраженія противъ мнимыхъ ученыхъ своего времени, намѣревавшихся такимъ образомъ отдѣлать двѣ вещи, имѣющія споль шѣсныя между собою отношенія. Они дѣйствительно ихъ раздѣлили;

но чего не потерпѣли Словесность и Науки отъ ихъ распорженія? — Невѣжество содѣлалось глубокимъ и всеобщимъ. Люди имѣвшіе сполько познаній, что могли примѣнить сей безпорядокъ, приписывали его слабости ума человѣческаго, упадку природы, успарѣлости міра; но въ послѣднія времена Скалигеры, Пешы (Petau), Лейбницы и Невпоны, и многіе другіе болѣе или менѣе подходившіе къ симъ чепыремъ великимъ Мужамъ, ясно показали, что Всеобщность познаній, до извѣстной почки, во всѣ времена и во всѣхъ странахъ можетъ быть тогда, когда будупь соединены: знаніе языковъ, вкусъ къ Древностямъ, любовь къ Словесности, съ возвышеннѣйшими Науками! —

III. Разборъ псалма LXV.

Съ краткимъ изложеніемъ жизни Давида —
Царя.

Читанъ при открытіи Студенческаго
Библейскаго соповарищества Маія 8 дня
сего 1821 года. (*)

Студента Савостьянова.

Почтенные члены Библейскаго соповари-
щества!

Примавши меня въ ваше Общество, вы открыли
мнѣ случай соединить усердіе мое съ вашимъ въ слу-
женіи слову Божію и доставили полное, совершенное
щастіе раздѣлять съ вами нруды и попеченія о рас-
пространеніи между неимущими сей небесной манны,
сего Божеспивеннаго хлѣба, отъ котораго кто вку-
ситъ, живъ будетъ во вѣки. Первѣйшее желаніе сер-
ца моего да будетъ то, чпобы неуклонно слѣдовашъ
вашей ревности къ славѣ Божіей, какъ высокой, свя-
щенной цѣли нашихъ бесѣдъ, цѣли, къ которой всѣ
мысли наши, разсужденія и поступки должны отно-

(*) Посвящено почтеннѣйшему наставнику и благо-
дѣтелю А. И. Дудровичу.

сяться. И такъ, позвольте обратиться снисходительное вниманіе ваше на разборъ и объясненіе LXV Псалма Давидова: ибо чувства, одушевлявшія при семъ случаѣ царственнаго пѣснопѣвца были — радость и благодареніе; ибо предметы его занимавшіе были — совершенства Создателя, грознаго для враговъ и благого отца для добрыхъ. Славиль, благодариль Бога — все это относится къ цѣли нашего засѣданія. Но прежде нежели приступимъ къ разбору вышеупомяну-таго Псалма, взглянемъ на нѣкоторыя черты изъ Испоріи Давида въ отношеніи къ оному Псалму.

Давидъ, коего пѣсни всякой благочестивый находитъ въ отголоскѣ собственнаго своего сердца, коего выраженія всякой, исполненный вѣры чистой и непринворной, употребляетъ для изъясненія внутреннихъ движеній души своей, Давидъ былъ одинъ изъ пѣхъ мужей, копорыхъ Богъ посылалъ къ избранному своему народу утвердить колеблющуюся истину, поддерживать слабѣющую добродѣтель, воспламенить мерцающій свѣтильникъ вѣры и возстановить благоденствіе въ ономъ. Въ преклонныхъ лѣтахъ Саула царство Израильское весьма ослабло; ибо отъ Царя удалилось благословеніе Божіе. а) Народъ изнемогалъ отъ бѣдствій. Слабость Царя, распроенное правленіе, уныніе подданныхъ вооружало иноплеменниковъ, давно завидовавшихъ народу, на копоромъ Всевышній преимущественно предъ всѣми народами земли положилъ печать чудесъ своихъ, всемогущества и неизреченной благоспи. Они съ мечемъ въ рукахъ шли къ предѣламъ

а) И духъ Господень отступилъ отъ Саула. Книга I царствъ гл. 16, ст. 14.

смущенныхъ Израильлянъ. Уже для сихъ послѣднихъ ни какой не оспалось надежды къ спасенію, кромѣ надежды на Бога, ни какой помощи, кромѣ руки Его. Они съ благоговѣйною покорностію ввѣрили себя Его волѣ — и нещепна была ихъ надежда, нещепенъ гласъ молитвы. . И вопъ въ Виелеемѣ зажглась звѣзда; лучи ея въ началѣ слабые и плѣнительные, часъ отъ часу становились свѣплѣе, блескъ ихъ увеличивался, возраспалъ, распроспранялся, и наконецъ покрылъ всю землю Израильскую. . Такъ, П. п. С. с! Давидъ, родомъ изъ Виелеема, сынъ Іесеевъ, пастырь проспой, своею кропосію, невинностію и доброшою приобрѣлъ любовь того, кому угодны сїи добродѣтели — и Духъ Божій, какъ говоритъ писаніе, осѣнялъ главу юноши (а). Его-по Всевышній избралъ къ защитѣ Израильлянъ и въ немъ заключилъ корень будущихъ, совершенныхъ благъ для рода человѣческаго. Сей пастырь, сначала неизвѣстный, вскорѣ прославился очаровательными своими гуслями, и когда былъ представлень къ Саулу, по по гласу его восхищительной гармоніи, исполненной силы и чудеснаго дѣйствія, злой духъ отступалъ отъ сердца Царева. Но онъ обладалъ не однимъ даромъ сладкопѣнія, онъ соединялъ въ себѣ удивительную силу и необыкновенное искусство побѣждать. Когда сильные непріятели грозили гибелью его опечеству, когда Саулъ былъ въ недоумѣніи, что ему предпринять, на что рѣшиться, когда все войско его цѣпенѣло отъ ужаса; тогда на поле брани, по слу-

(а) И ношашеся Духъ Господень надъ Давидомъ отъ того дне, и пошомъ. Книга 1 царствъ, гл. 16, ст. 13.

чаю, приходитъ Давидъ пастырь и здѣсь поражаетъ сильнѣйшаго изъ враговъ ея, ободряетъ воиновъ и побѣду преклоняетъ на свою сторону. Во всѣхъ сраженіяхъ, гдѣ являлся онъ — неприятели были поражены, Іудеи торжествовали. Уже Давидъ сдѣлался приближеннымъ къ Царю, вся Іудея обратила на него свои взоры, какъ на Ангела хранителя, посланнаго Богомъ къ ея спасенію. Но сія слава произвела въ Саулѣ зависть и подозрѣніе, которыя со всею жестокостію терзали душу его и заспаляли его искашь погибели Давида. Давидъ, избѣгая мѣшательнаго копія его, скрывается въ лѣсахъ, пещерахъ, въ дому чуждемъ, но и въ семъ изгнаніи своемъ горестномъ и незаслуженномъ, онъ нѣсколько разъ поражалъ враговъ ошечесива, имѣлъ случаи спасать жизнь Саула, предлагалъ ему свою невинность, несправедливость его гоненій. — Царь на минушу убѣждался и не преславалъ напрасно искашь смерти мужа, покровительствуемаго Всевышнимъ. Между тѣмъ бѣдствія возрастали въ Іудеи. Въ самомъ сердцѣ ея, на спогнахъ Іерусалима по повелѣнію жестокаго и изступленнаго Саула проливалась кровь особъ духовныхъ, которыхъ одно имя было священно для благочестиваго Израильянина; иноплеменики, какъ потоки съ горъ Ливана спремящіяся, обратились къ Іерусалиму; — Саулъ съ дѣшми своими нападетъ на мѣстѣ сраженія, жилили съ воплемъ ославляющъ свои дома неприятелямъ. Въ сію годину сѣшовамія Царскій вѣнецъ подносятся Давиду и вмѣстѣ съ нимъ воцаряется щасіе въ Сіонѣ. Гдѣ враги Израильяны? Сильною мышцею Давида они или обращены въ постыдное бѣгство, или во прахъ. Гдѣ безпорядки правленія, толико бѣдстванные

для общества? мудростию Давида, свыше полученною, они замѣнены благоустройствомъ. Что чувствуютъ, что дѣлаютъ Израильяне? Они питаютъ любовь и благодарность къ Царю своему, своему спасителю, они исполняютъ его велѣнiя, они благоденствуютъ, сердце и слухъ ихъ обращаются къ нему. Что дѣлаешь Царь? Опъ прона Давида лѣлится правосудіе и благость: онъ творитъ волю Божію; онъ живо чувствуетъ благодѣянiя Божіи ему и чрезъ него всему народу оказанныя и впредъ имѣющія быть оказаны. Онъ живо представляетъ себѣ всемогущество, премудрость и благость Божію: въ упоенiи священныхъ воспоговъ онъ беретъ златоспрунную арфу свою и по мѣрѣ чувствованiй его увлекающихъ, и предметовъ, обладающихъ его духомъ, онъ по въ высокихъ, громкихъ и быстрыхъ, по въ тихихъ и сладостныхъ тонахъ воспѣваетъ Бога и наставляетъ, побуждаетъ всѣхъ вѣрныхъ къ прославленію Его имени.

Теперь разсмотримъ красоты Псалма, которой мы разобрать предположили. Онъ, кажется, есть одинъ изъ пѣхъ, которые Давидомъ, по вдохновенію Духа Божія, сочинены въ первые, благословенные годы его царствованiя и начинается такъ:

Воскликните Господеви вся земля, пойте же имени его, дадите славу хвалѣ его. Пѣнопѣвецъ видитъ землю, какъ будто воздремавшую подъ сѣнію любви и благоволенiя Вседержителя; онъ видитъ землю, обогащенную Его милостями и щедротами, медлящую въ изъявленіи Ему досподолжной своей признательности. Благодѣянiя Божіи столько ее занимаютъ, что она забыла о своемъ Благодарителѣ, — и Давидъ громкимъ гласомъ вопіетъ къ ней: *Воскликните*

Господевн вся земля! Какой жаръ! какой пламень чувствъ небесныхъ заключаеся въ стихѣ семь! Онъ здѣсь изображаесть сильнѣйшее свое желаніе, чтобы вся земля вознесла къ Богу радостныя, поржественныя клики, чтобы къ Нему, какъ Виновнику всякой радости и поржества она обратилась. Давидъ по собственному сердцу знаесть, сколько такое обращеніе приноситъ удовольствія, сколько оно возвышаесть щасіе наше, наше благополучіе; онъ не одинъ хочеть наслаждаться симъ святымъ обращеніемъ; онъ приглашаесть всю землю: *Воскликните Господевн вся земля! пойте же имени его, дадите славу хвалѣ его.* Здѣсь постепенность въ самыхъ мысляхъ. Это лучи пламени, беспрестанно возрастающаго въ душѣ Спихотворца, плѣненной Создательемъ своимъ. Сначала онъ говоритъ, чтобы вся земля къ нему вознесла гласы свѣпныхъ, радостныхъ ощущеній своихъ: *Воскликните Господевн вся земля;* послѣ о томъ, чтобы еѣ воскликновеніе, сіи гласы сердца были выражены въ звукахъ согласныхъ и гармоническихъ; ибо должны восходить къ Тому, кто естъ источникъ всякаго согласія и гармоніи. Въ пѣсняхъ вы должны выражать и чувства и мысли ваши, говоритъ Давидъ къ Израильщанамъ: *Пойте же имени его!* . . . Развѣ вы забыли объ чемъ пѣли вамъ? . *Дадите славу хвалѣ его.* Какія богатства, какія сокровища духа заключены въ одномъ эпомъ словъ: *слава.* Въ понятіи слава содержися здѣсь и покорность къ Богу, и благодарность къ нему, и желаніе послѣдовать Его волѣ, и шеплое на него упованіе, и предшавленіе Его совершенствъ, и благоговѣйный страхъ къ нему. Вошь объ чемъ вы можете пѣшь Богу, ибо чрезъ сіе вы по-

кажете по высокое чувство, которое вы къ Нему питать должны. Всѣ эти мысли Давидъ вмѣстилъ въ одномъ стихѣ: *дадите славу хвалѣ его*. Въ послѣдующихъ стихахъ онъ самъ ихъ выражаетъ. *Рцыте Богу: коль страшна дѣла твоя; во множествѣ силы твоя солжутъ тебѣ враги твои*.

Сильнымъ и пламеннымъ началомъ Псалма сего Давидъ, ошлекши Израильскія ошъ всѣхъ прелестей и обольщеній благъ земныхъ, возвысилъ сердца ихъ къ Богу и сдѣлалъ такимъ образомъ ихъ способными къ принятію шѣхъ впечатлѣній, которыя произведетъ въ нихъ намѣренъ. Уже предметъ величественный и высокій занимаетъ ихъ мысли — они чувствуютъ присущіе Всевышняго, наполняющаго собою и небо, и землю — всю вселенную — уста ихъ опровергающа для Его хваленія. *Рцыте Богу*, научаетъ пѣснопѣвецъ, *рцыте Богу: коль страшна дѣла твоя!* Пойте къ нему съ глубочайшимъ благоговѣніемъ: Великій Боже! проси насъ, если мы, обольщенные дарами щастія, въ избытокъ ошъ Тебя намъ непосланными, замѣдлили принестъ Тебѣ жериву хвалы и благодаренія. Проси насъ, если мы не вспомнили Тебя, когда на всешъ помъ, что плѣняло взоръ нашъ, что восхищало слухъ нашъ, что услаждало вкусъ нашъ и обоняніе, что ласкало осязаніе наше, на всешъ была печашъ благосши Твоей. О сколько мы были передъ Тобой неблагодарны! Каждый предметъ для взора прелестной, каждый очаровательный звукъ, каждой цвѣпокъ, благоуханіе лющій, и вѣтерокъ, лихо влющій на насъ, и пища, уполяющая голодъ нашъ, все ошъ Тебя, Господи, приемлетъ существованіе свое, все, все да напоминаетъ намъ имя Твое. Сердца наши, Господи, проникнуты

страхомъ Твоимъ; опечаская неизреченная любовь Твоя къ намъ да будетъ всегда нашею спутницею; да не оставимъ мы пупи истины и правды, Тобою намъ проложенные; да не обратимъ никогда на себя всемогущество и правосудіе Твое, шоль грозное для лѣхъ, которые за ничто щипають законы Твои, и въ дерзости опвергають самое имя Твое. Мы представляемъ себѣ Твой судъ надъ ними совершенный и шоль, который нѣкогда совершился; и въ препещѣ сердца говоримъ къ Тебѣ: *коль страшна дѣла Твоя!* Враги Твои, которые въ гордости разума своего и буйствѣ спрасшей презирають волю Твою, падутъ предъ величїемъ силы Твоей: *во множествѣ силы Твоя солжутъ Тебѣ врази Твои.* Давидъ въ стихѣ: *рцыте Богу: коль страшна дѣла Твоя; во множествѣ силы Твоя солжутъ Тебѣ врази Твои,* представляеть Израильщанамъ высокія идеи о Всемогуществѣ и Правосудїи Божїемъ; представляя имъ судъ мщенїя надъ Его врагами; онъ дѣлаеть ихъ внимательнѣе къ собственному своему поведенїю и раждаеть въ нихъ мысль, чшобы они и въ забавахъ своихъ воспоминали о Богѣ, не пресупади бы Его воли, въ своихъ погрѣшностяхъ просили бы у Него прощенїя, боялись бы Его: ибо дѣла Его страшны для пресупниковъ. Богъ великъ и силенъ. И такъ, говоритъ далѣе пѣснопѣвецъ: *вся земля да поклонится Тебѣ, да поеть же имени Твоему Вышній.* Вся земля да благоговѣеть предъ Твоимъ величїемъ и силою и совершеннымъ поклоненїемъ да изъясляеть къ Тебѣ, Господи, свою покорность. *Да поеть же имени Твоему Вышній.* Да вознесутся гласы пѣсней имени Твоему, ибо кто болѣе заслуживаеть пѣнїя, кромѣ

Тебя, Всевышній. Спихъ : *вся земля да поклонится Тебѣ, да поетъ же плени Твоему Вышній*, выражаешь еще живѣйшую любовь къ Богу и сильное желаніе да признаешь Его единого вся земля. Давидъ не совѣщуетъ здѣсь, но проситъ и проситъ съ умиле-ніемъ покланяться Богу: сколько нѣженъ онъ въ чувствахъ своихъ! И вдругъ перемѣняетъ тонъ, изъ ласковаго, усупчиваго дѣлается суровымъ, грознымъ. Если слова мои надъ вами не подѣйствуютъ, горе васъ ожидаетъ; если вы не хотите покланяться Ему, не хотите исполнять священныя Его велѣнія, пренещите отъ ужаса: рука мщенія надъ вами опягощется. Развѣ вы забыли о Его могуществѣ и правосудіи? *Приидите и видите дѣла Божіи, коль страшенъ въ совѣтѣхъ лаче сыновъ человѣческихъ*. Если люди — сіи слабыя творенія въ своихъ совѣсахъ приводятъ въ страхъ того, кто измѣнилъ испинѣ и добродѣтели, то сколь спрашенъ будетъ судъ Бога, весь мѣръ сотворившаго и его поддерживающаго? Сила Его ужасна для тѣхъ, кто Его оскорбляетъ; но она же есть защита, помощь и утѣшеніе тѣмъ, которые удостоились любви Его. Вы, Израильяне, тѣмъ болѣе должны Ему покланяться, что милость Его къ вамъ неизреченна. Вспомните, какія благодѣнія оказала Онъ предкамъ вашимъ! Онъ вывелъ ихъ изъ земли Египетской, изъ дому рабобы. *Обращая море въ сушу, въ рѣцѣ пройдутъ ногами*. Здѣсь Давидъ говоритъ о двухъ переходахъ Израильянь чрезъ Чермное море и рѣку Іорданъ, гдѣ Богъ явилъ чудеса своего могущества и благости къ возлюбленному народу. Когда Израильяне подъ предводительствомъ Моисея приблизились къ Чермному морю, преслѣдуе-

мые раскаявшимися Египтянами, по Моисей, по повелѣнію Божію, просперъ руку на море — и вдругъ возспаль опъ юга сильный вѣспръ, погнавшій воду, и открылось дно морское, по которому Моисей повелъ народъ свой между двумя кристальными стѣнами отуспѣвшихъ водъ; уже они перешли на другой берегъ, и между тѣмъ, какъ успремившійся за ними Царь Египетскій съ своимъ войскомъ бѣгъ по пупи, не для него проложенномъ, Моисей, внявъ гласу Всевышняго, снова просперъ руку на море — и волны моря успроились, и враги имени Божія, враги Израильяны — погибли въ ярой пучинѣ, и Моисей воспѣлъ пѣснь побѣды и благодаренія. Второй переходъ совершили Израильяне подъ предводительствомъ Исуса Навина, когда они должны уже были послѣ долговременнаго спранспвоанія вступишь въ обѣшванную землю, текущую млеко и медомъ, по рѣка Иорданъ силою Божіею осушилась въ шомъ мѣстѣ, гдѣ Израильянамъ нужно было перейти. Давидъ, напоминая своему народу о Великихъ благодареніяхъ Божіихъ, желаетъ чрезъ то подвигнуть его къ живѣйшей благодарности и сильнѣе привязать его къ исполненію его заповѣдей. Сказавши: *обращай море въ сушу, въ рѣцѣ пройдутъ ногами*, далѣе продолжаетъ: *тамо возвеселимся о немъ, Владычествующемъ силою своего вѣкомъ*. Богатство и красота стиха сего сполько же поразительны, какъ и другихъ. Мы должны часто представлять въ умѣ своемъ тѣ мѣста, на которыхъ Всевышній одождилъ своими милостями предковъ нашихъ, а черезъ нихъ и насъ, и веселіе свое приписывать никому другому, кромѣ Бога и хвалить Его. Онъ вѣчно владычествуетъ силою своею. *Онъ его на языки при-*

зираете: преогорчевающіи да невозносятся въ себѣ. Въ семь живомъ образѣ выраженія какъ въ зеркалѣ представляется намъ мысль Давида, описывающаго Высочайшее существо, которое съ отеческою любовію взираетъ на всѣ народы, осыпаетъ щедротами своими добрыхъ и злыхъ. Первыхъ награждаетъ и поощряетъ, вторыхъ милостями хочетъ возвратишь къ себѣ. *Преогорчевающіи да невозносятся въ себѣ.* Если порочные благополучны, то они не должны гордиться и презирать тѣ нуши истины, съ копорыхъ уклонились. Богъ видитъ ихъ и по долгошеритѣнью своему замѣляетъ молнію мщенія. *Благословите языцы Бога нашего, и услышанъ сотворите гласъ хвалы Его.* Давидъ въ восторгѣ пламенной любви своей къ общему милосердому Отцу приглашаетъ всѣхъ народовъ — да вѣрують въ него. *Благословите языцы Бога нашего.* Оставьте боговъ своихъ: они ложны, и благословите Бога нашего, который есть единъ и истинный. *И услышанъ сотворите гласъ хвалы его.* Признайте могущество и силу Его, правосудіе и державу, любовь и благость, примите законы Его, тогда новая, прелестная жизнь для васъ откроется, и вы, душу вашу, наполнивши высокими о немъ понятіями, воспѣвайте хвалу Ему. Здѣсь Давидъ дѣлаетъ къ себѣ обращеніе и себя приводитъ въ примѣръ Отеческой любви Божіей къ людямъ. *Положшаго душу мою въ животъ и недавшаго во смятеніе ногъ моихъ.* Онъ оживотворилъ душу мою и когда ослабѣли ноги мои, его рука сохранила меня отъ паденія. Подъ оживотвореніемъ души, безъ сомнѣнія, Давидъ разумѣлъ просвѣщеніе ума и сердца его благодашию, копорую Богъ на него послалъ. Онъ прежде драгоцѣннѣйшаго дара сего имѣлъ

душу какъ бы грубую, безжизненную, но получивши благодать, его наставившую, образовавшую, озарившую его свѣцомъ истины, онъ принялъ какъ бы новое бытiе, онъ спалъ наслаждаясь новою, блаженною жизнью. *И недавшаго во смятенiе ногъ моихъ.* Въ этомъ стихѣ Давидъ, кажется, выражаетъ ту опасность, въ кою онъ находился отъ преслѣдованiя Саула и изъ кою онъ избавленъ промысломъ Божiимъ. Собственное несчастiе царственнаго пѣноцѣвца приводитъ ему на память и несчастiе его подданныхъ. Онъ знаетъ и причину сего несчастiя. *Яко искусилъ ны еси Боже, разжегль ны еси, яко же разжигается сребро.* Ты искусилъ насъ, Господи, Ты испытывалъ насъ — будемъ ли мы одинаково сохранять любовь къ Тебѣ среди бѣдъ, какъ и среди щастiя, будемъ ли мы терпѣливо сносить ихъ, зная, что они отъ Тебя на насъ ниспосланы, твердую ли вѣру къ Тебѣ имѣть будемъ, не усумнимся ли мы въ Твою благость и всемогущество, будемъ ли славить и погда имя Твое, уповать и надеяться на Тебя? Такъ, Ты испытывалъ насъ! и мы благодаримъ Тебя за сiю годину испытанiя нашего. *Разжегль ны еси, яко же разжигается сребро.* Какое прекрасное сравненiе! надобно остановиться на немъ, что бы почувствовать все его достоинство. Сребро есть благородный металлъ, Израильяне народъ, особенно любимый Богомъ; сребро плавяшь для того, чтобы отдѣлить отъ него грубыя вещества, въ соединенiи съ нимъ находящiяся; Богъ испытывалъ Израильяне для поправленiя нравственнаго ихъ характера. Разженное сребро въ яркой бѣлизнѣ своей блеститъ и прельщаетъ взоры; Израильяне послѣ испытанiя бѣдныи сдѣлались приязаннѣ къ

Богу, ибо они узнали цѣну Его покровительства; всѣ добродѣтели раскрылись въ нихъ въ большемъ свѣтѣ, ибо самый опытъ имъ показалъ, что чрезъ добродѣтель только можно угодить Богу; они болѣе начали спрашиваться порока, ибо узнали, сколь пагубны его слѣдствія. Все это не ясноли представляешь стихъ сей: *разжегль ны еси, яко же разжигается сребро?* Далѣе божественный Давидъ продолжаетъ: *ввелъ ны еси въ сѣть: положилъ еси скорби на хребтѣ нашемъ. Возвелъ еси человекѣ на главы наша: приходохомъ сквозѣ огонь и воду, и извелъ ны еси въ локоя.* Въ стихѣ *ввелъ ны еси въ сѣть*, слово сѣть почто выражаетъ всѣ тѣ несчастныя приключенія, въ которыхъ находились Израильяне. *Положилъ еси скорби на хребтѣ нашемъ.* Здѣсь сила и выразительность соединены вмѣстѣ. Мы скорбь не только чувствовали въ сердцѣ, не только можно было примѣнить въ лицѣ ее, но даже и въ положеніи самаго тѣла — она какъ бремя лежала на хребтѣ нашемъ. *Возвелъ еси человекѣ на главы наша.* Этотъ стихъ поражаетъ сильнымъ оборотомъ своимъ и богатствомъ идей, въ немъ заключающихся. Ты изливалъ на насъ свои милости — и мы стояли на верху счастья, славою и могуществомъ возносились надъ всѣми человекѣми; Ты захотѣхъ — и эти человекѣ вооружилъ на главы, чьиже главы? Не тѣхъ народовъ, которые не знали Тебѣ поклоняться; нѣтъ! на главы наша! *Придохомъ сквозѣ огонь и воду.* Симвъ послѣднимъ стихомъ Давидъ заключаетъ всю живую картину униженія, въ которое Израильяне для испытанія повержены были Богомъ. Но сіе испытаніе уже кончилось, прелогой и мудрый Творецъ на возлюбленный народъ снова ниспосылаетъ

щедрые дары свои и пѣснопѣвецъ проводитъ одну черту: *и изведъ ны еси въ покой*. За чѣмъ изчислялъ блага неизчислимыя? одно слово *покой* пропивополагаетъ онъ всѣмъ бѣдспвіямъ. Такъ и самыя нещастія Всевышній посылаетъ для пользы нашей; онъ гремитъ надъ нами и милуетъ насъ. Послѣ ночи съ большею приятностію мы встрѣчаемъ день; послѣ зимы съ большею радостию привѣспвуемъ весну, разцвѣщающую въ долинахъ и улыбающуюся на чистомъ сводѣ небесъ. Послѣ нужды блага кажутся намъ драгоценнѣе — и мы дѣлаемся способнѣе наслаждаться ими. Давидъ для того воспоминаетъ о времени бѣдспвій и снлюванія, чюобы показать Израильщянамъ премудость Божію и любовь Его къ намъ, чюобы сдѣлать чувспвительнѣе къ шѣмъ благодѣаніямъ, копорыми онъ ихъ осыпаетъ. Пѣснопѣвецъ, чю бы окрылить сердца ихъ живѣйшею къ нему благодарностію, не говоритъ просто благодарите Е о. Ншъ. Онъ представляетъ имъ себя въ примѣръ: — какъ же они не будутъ слѣдовать Царю сврему? *Виду съ домъ твой со всесожженіемъ*, говоритъ Давидъ: *воздамъ Тебѣ молитвы моя, яже изрекосте устнѣ мои, и глаголаша уста моя въ скорби моеи. Всесожженія тучна вознесу тебѣ съ кадиломъ и обны, вознесу тебѣ соли съ козлы*. Давидъ хочетъ благодарить и поклоняться Богу не во глубинѣ души своей только, но и чувспвенно. Человѣкъ состоитъ изъ шѣла и духа: шѣло и духъ должны бытъ посвящены для служенія Богу. *Виду въ домъ твой со ессожженіемъ*. Давидъ хочетъ приносить жершву Богу во храмъ — въ дому Его, гдѣ находяшся особенные дары Его благодати, гдѣ — кивотъ Завѣща. Здѣсь чувспва Давида могутъ сильнѣе

возвыситься, молитвы его сдѣлаются пламеннѣе, а слѣд. и всесоженіе приашиѣ Богу. *Воздаю тебѣ молитвы моя, яже изрекосте устнѣ мои и глаголаша уста моя въ скорби моей.* Какія небесныя чувства! Какія добродѣтели! Какія святыя правила нравственности имѣлъ Давидъ! Въ часы скорби онъ не предаётся малодушію и отчаянію. Онъ всегда вѣренъ Богу. Въ нещастіи — онъ возсылаетъ къ нему молитвы, приноситъ Ему обѣты; въ щастіи онъ ихъ попорядку и исполняетъ. *Воздаю тебѣ молитвы моя, яже изрекошъ устнѣ мои, и глаголаша уста моя въ скорби моей.* Самый тонъ стиха сего исполненъ какого-то тихаго, сладостнаго умиленія, прогающего душу. *Всесоженія тучни вознесу тебѣ съ кадильцями и овцы, вознесу тебѣ воли съ козлы.* Давидъ не маловажныя хочеть принести всесоженія Богу, но всесоженія тучна. По чему же? *Приидите,* говоритъ онъ далѣе, *приидите, услышите и повѣрьте вамъ, вси боящіяся Бога, елико сотвори души моей.* Безъ сомнѣнія Израильскіе и прежде знали о милоспяхъ, которыхъ Богъ излилъ на Царя ихъ. Но Давидъ сполько занявъ сими милоспяхми, что при всякомъ удобномъ случаѣ онъ снова готовъ пересказать ихъ. *Къ нему усты мои возвахъ и вознесохъ подъ языкомъ моимъ.* Я о Немъ думалъ, у Него просилъ помощи, къ Нему успы моими возвахъ и вознесохъ подъ языкомъ моимъ. Слова *вознесохъ подъ языкомъ* прекрасно выражаютъ, что голосъ моленія Давида былъ согласенъ съ его сердцемъ. *Неправду аще узрѣхъ въ сердцѣ моемъ, да не услышитъ мене Господь.* Если бы Всевышній увидѣлъ неудовольствіе, досаду за причиненныя Имъ мнѣ скорби, ежели бы Онъ узрѣлъ

сі
ш
я
ш
С
Л
О
В
И
С
Л
К
н
(

сію неправду въ сердцѣ моемъ; но Онъ бы не услышалъ меня. Но я несчастіе свое сносилъ шерифливо, я не ропсалъ на промысль Божій, я любилъ и въ несчастіи Бога, объ одномъ добромъ я молился къ нему. *Сего ради услыша мя Богъ, вникъ гласу моленія моего.* Давидъ послѣ обращенія къ вѣрнымъ, копорыхъ онъ призывалъ слушать о благодѣянїяхъ Божїихъ, снова обращается къ Всевышнему и оканчиваетъ Псаломъ изъявленіемъ Ему глубочайшей благодарности. *Благословенъ Богъ, иже не остави молитву мою и милость свою отъ мене.* Да будетъ благословенъ Богъ, копорый не оставилъ молитву мою и не лишилъ меня своей милости. Такъ пѣлъ Давидъ — и пѣсни его были принимаемы Всевышнимъ, какъ — благоуханіе, исходящее изъ драгоценныхъ растѣній на берегахъ Иордана, и Всевышній изрекъ чрезъ Нафана Давиду: *и будетъ егда исполнятся днѣ твои, и уснеши со отцы твоими, и возставлю сѣмя твое по тебѣ, иже будетъ отъ чрева твоего, и уготовлю царство его: той созиждетъ домъ имени моему, и управлю престоль его до вѣка. Азь буду ему во отца, и той будетъ ми въ сына. И аще придетъ неправда его, и обличу его жезломъ мужей и язвали сыновъ челоуѣческихъ: милости же моя не оставлю отъ него, яко же оставихъ отъ тѣхъ, ихъ же оставихъ отъ лица моего. И вѣренъ будетъ домъ его, и царство его до вѣка предо мною: и престоль его будетъ исправленъ во вѣкъ.* (а) Давидъ въ изумленїи, въ сладостномъ упоенїи отъ сего новаго обѣща неизреченной любви и благости Господа! Онъ снова берется за ли-

а) Книга Царствъ гл. 7. сп. 12, 13, 14, 15.

ру, одушевляешь ее огнемъ молитвы, блаженствомъ надеждъ своихъ, славою грядущаго Спасителя міра и мы слышимъ: „Боже ущедри ны, и благослови ны: просвѣти лице твое на ны, и помилуй ны. Познати на земли путь твой, во всѣхъ языцѣхъ спасеніе твое. Да исповѣдятся тебѣ людіе Божіи, да исповѣдятся тебѣ людіе вси. Да возвеселятся и да возрадуются языцы: яко судиши людей правотою, и языцы на земли поставиши. Да исповѣдятся тебѣ людіе Божіи, да исповѣдятся тебѣ людіе вси. Земля даде плодъ свой: благослови ны Боже, Боже, нашъ, благослови ны Боже: и да убоятся его вси концы земли. а) — И Всевышній исполнилъ обѣщанія свои. Солнце истинны возсало отъ Вавелема. Лучи Его болѣе и болѣе распространяясь, согрѣваютъ, просвѣщаютъ и оживотворяютъ человѣчество. Въ наше время особенно совершаются восхитительныя надежды и пламенныя желанія Давида о распространеніи правды и исповѣданіи Бога между всѣми народами земли. Великіе и быстрые успѣхи Библейскихъ обществъ, повсюду процвѣтающихъ, суть явное и несомнѣнное знаменіе благодати того, кто рекъ: *аще вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ себѣ.*

Богомъ благословенный Монархъ нашъ, поразившій враговъ Россіи, прилагаетъ попеченіе и о распространеніи истиннаго свѣта Евангелія. Множество Библейскихъ обществъ и сооповариществъ украшаютъ теперь наше любезное отечество.

Пл. Сс.! Могули неизъявишь чувства совершенной радости, объемлющей духъ мой при мысли, что и на-

ше соповарищество, недавно возникшее подъ вліяніемъ начальства, и словомъ, и краснорѣчивымъ примѣромъ къ живой вѣрѣ насъ прилепляющаго, и наше соповарищество малую, но отъ всего сердца приносимую каплю вливаетъ въ океанъ пожертвованія благочестивыхъ соопечественниковъ нашихъ, и такимъ образомъ чрезъ плѣнный и ничего незначащій даръ способствуетъ къ разпространенію неплѣнныхъ и вѣчныхъ даровъ слова Божественнаго. Обращимъ къ небесамъ взоры наши, умиленія исполненные и скажемъ вмѣстѣ съ Царственнымъ Псалмодистомъ: *Благослови ны Боже, Боже нашъ, благослови ны Боже и да убоятся его вси концы земли.*

*IV. О краснорѣчїи и успѣхахъ онаго
между древними и новѣйшими наро-
дами.*

Переводъ изъ Блэра.

Студента Протололова.

Дабы успѣшь въ какомъ нибудь искусствѣ, нужно составить себѣ вѣрное понятїе о его совершенствѣ, о его цѣли и о ходѣ успѣховъ его между людьми. О краснорѣчїи же шѣмъ особенно нужнѣе снискашь истинныя понятїя, что изъ всѣхъ искусствъ о немъ долгое время имѣли самыя ложныя мысли. И сей-то причинѣ должно приписать ту невнимательность, съ каковою въ нѣкоторыя времена взирали на оное, и то неуваженїе, которое обнаруживается еще и нынѣ въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ современниковъ. Человѣкъ, не знающій — что такое есть краснорѣчїе; съ величайшимъ равнодушїемъ слушаешь похвалы сему искусству; поелику онъ считаетъ его за одну только показность выраженїй, которыя скрываютъ слабость доказательствъ, или за обманчивый блескъ, который изливаютъ на вещи ничего незначащїя. „Дай мнѣ здравый смыслъ, скажетъ онъ, и сохрани для учениковъ свое краснорѣчїе.“ Онъ правъ былъ бы, если бы краснорѣчїе состояло въ томъ, чемъ онъ его себѣ представляеть. Въ самомъ дѣлѣ искусство сіе было бы

презрительно; но нѣтъ ничего несправедливѣе такого мнѣнія. Краснорѣчіе состоитъ въ искусствѣ говорить самымъ приличнѣйшимъ предположенной цѣли образомъ и это опредѣленіе по моему мнѣнію есть наилучшее, какое только можно дать оному. Коль скоро попь, кто пишетъ или кто говоритъ, есть человекъ здравомыслящій, то безъ сомнѣнія онъ долженъ имѣть намѣреніемъ своимъ наставлять, увеселять, убѣждать или наконецъ дѣлать какое нибудь впечатлѣніе на тѣхъ, которые читаютъ его или слушаютъ. Сверхъ того краснорѣчивѣйшій есть попь, кто располагаетъ слова свои образомъ самымъ способнѣйшимъ къ тому дѣйствию, которое онъ произвести хочетъ. Слѣд. краснорѣчіе на всѣ предметы распространяется. Опредѣленіе, которое я далъ, заключаетъ въ себѣ всѣ роды оныхъ: но, поелику важнѣйшіе изъ предметовъ рѣчи суть тѣ, коихъ цѣлю бываетъ дѣйствіе или поведеніе; то могущество краснорѣчія, поразительнѣе обнаруживается, когда оно цѣлю имѣетъ возбудить первое или приобрѣсть влѣяніе на другое; и поелику къ сей-то цѣли будучи направляемо, оно становится предметомъ искусства, то краснорѣчіе разсматриваемое съ сей точки зрѣнія, можно такъ же назвать искусствомъ убѣжденія. —

Сіе правило одинъ разъ установленное и его послѣдствія ясно показываютъ основаніе искусства. Очевидно, что нѣтъ ничего способнѣе къ убѣжденію, какъ твердыя доказательства. Ясный способъ и доброе мнѣніе о честности оратора приобретаютъ ему общую довѣренность; красоты слога и приятность въ выговорѣ или произношеніе привлекаютъ вниманіе его слушателя; но главное основаніе всегда есть

здравый смысл; безъ него нѣтъ и краснорѣчія. Глупые могутъ убѣждать только глупыхъ же; но чтобы убѣдить человѣка здравомыслящаго, то надъ нимъ и передъ увѣришь его и слѣд. доказать ему, что предлагаемое шобою есть истинно и справедливо. — Это даетъ мнѣ случай замѣтить, что увѣришь и убѣдишь суть двѣ вещи весьма различныя; и поелику часто иногда смѣшиваютъ ихъ, то здѣсь надобно опредѣлить различіе оныхъ. Увѣреніе относится токмо къ разуму; а убѣжденіе возбуждаетъ волю или дѣйствіе. Философъ даетъ мнѣ почувствовать истинну; но одинъ ораторъ можетъ, снискавъ благосклонность мою къ себѣ, убѣдить меня дѣйствовать по оной. Убѣжденіе и увѣреніе не всегда бываютъ вмѣстѣ. Это долженствовало бы быть и безъ сомнѣнія было бы, еслибъ наклонности наши всегда согласовались съ разумомъ. Но такъ устроена природа человѣческая, что я могу быть увѣреннымъ, что добродѣтель, справедливость или народный духъ весьма достойны суть похвалы, и не быть убѣжденнымъ такъ, чтобы воля и дѣйствіе мое возбуждено было сообразно увѣренію. Что разумъ принимаетъ, то наклонность можетъ опровергнуть. Увѣреніе однако есть одно изъ нѣхъ средствъ, которыми можемъ мы проникать въ сердце и которое ораторъ всегда долженъ употреблять по преимуществу; поелику убѣжденіе рѣдко бываетъ продолжительно, если оно основано не на увѣреніи. Но, чтобы убѣдить, ораторъ не долженъ довольствоваться однимъ увѣреніемъ; онъ долженъ представлять себѣ человѣка такимъ твореніемъ, которымъ разныя пружины движутъ; и искусство его состоитъ только въ томъ, какъ удачно привести въ

дѣйствіе сіи пружины. Онъ долженъ возбуждать страсти, поражать воображеніе и трогать сердце. Сверхъ твердости доказательствъ и ясности способа, все то, что только можетъ нравиться или привлекать какъ въ сочиненіи, такъ и въ произношеніи, принадлежитъ краснорѣчію.

Здѣсь возразить можетъ быть противъ краснорѣчія, что искусство сіе споль же удобно можетъ служить ко злу, какъ и къ добру; и это неоспоримая истина. Но тоже можно сказать и о самомъ разсудкѣ, который весьма часто удачно употребляютъ съ плѣмъ, дабы вовлекать людей въ самыя предосудительныя погрѣшности. Но я не думаю, чтобъ изъ сего можно было заключить, что должно отвергать образованіе способностей разума. Можно во зло употребить и разумъ и краснорѣчіе и всѣ искусства, изобрѣтенныя человекомъ; но плѣмъ не менѣе чрезвычайная глупость была бы всѣ оныя уничтожить. Дайте истинѣ и добродѣтели оружіе и покровительство, какое имѣютъ пороки и клеветы, конечно преимущество скоро перейдетъ на ихъ сторону. Краснорѣчіе не есть изобрѣтеніе школъ; всѣ плѣ, кои сильно возбуждены бываютъ, натурально дѣлаются краснорѣчивыми. Опасное положеніе или весьма важная польза естественно заставляютъ искать самыхъ способнѣйшихъ средствъ къ убѣжденію. Искусство орапорское имѣетъ только предметомъ своимъ слѣдовать по пути, самую натурою первоначально показанному. Чемъ меньше мы отъ него будемъ удаляться, тѣмъ болѣе научимся познавать цѣну краснорѣчія, тѣмъ болѣе будемъ находить препятствій во зло употреблять оное

и тѣмъ менѣе будемъ смѣшивать истинное краснорѣчіе съ понкостями лжеумствованій.

Можно различать три рода или степени краснорѣчія. Первой и низшей степени краснорѣчіе имѣетъ цѣлю свою нравиться слушателямъ, какъ на примѣръ въ похвальныхъ словахъ, въ надгробныхъ рѣчахъ и въ другихъ подобныхъ симъ рѣчахъ публичныхъ. Сей родъ сочиненій не безъ достоинства; онъ доставляетъ воображенію удовольствіе невинныя и, можетъ быть, украшенныя еще чертами нравственности и полезными чувствованіями; но ораторъ, который хочетъ только блистать своимъ разумомъ, дабы чрезъ то понравиться разуму другихъ, весьма долженъ опасаться, чтобъ не занимаясь исключительно пустымъ хвасловствомъ и чтобъ не сдѣлать упоминательной рѣчи своей скучною.

Вторая степень краснорѣчія есть, когда ораторъ не тѣмъ единственно занимается, чтобъ нравиться, но старается такъ же наставить и увѣрить; когда онъ употребляетъ искусство свое къ изроверженію предразсудковъ противъ себя или противъ того, о чемъ онъ говоритъ; когда онъ избираетъ хорошія доказательства, представляетъ ихъ въ наилучшемъ порядкѣ, такъ же къ силѣ умствованій и красотамъ выраженія присоединяетъ приятность хорошаго выговора и плѣнительнаго произношенія. Сіе краснорѣчіе принадлежитъ особенно рѣчамъ судебнымъ.

Третьей и самой высшей степени краснорѣчіе есть то, которое безпреткновенно овладѣваетъ умами слушателей, которое не только поселаетъ въ нихъ увѣренность, но такъ же привлекаетъ и возбуждаетъ ихъ; которое заставляетъ насъ раздѣлять съ ораторомъ

ромъ его страсти и всѣ чувствованія, любить съ нимъ вмѣстѣ и ненавидѣть, соглашаться на рѣшенія, кои онъ объявляетъ, или исполнять непосредственно то, что онъ предлагаетъ намъ. Прѣнія собраній народныхъ открываютъ обширное поле сему роду краснорѣчія, который можешь такъ же приличествовать и каедрѣ.

Важно замѣтить, что страсть всегда есть источникъ послѣдней степени краснорѣчія, о коемъ я упомянулъ недавно. Черезъ страсть я разумѣю то состояніе души, когда она сильно возбуждена или воспламенена бываетъ какимъ либо предметомъ, который предстоитъ ея взорамъ. Человѣкъ можеть убѣждать другихъ или увѣрять ихъ силою доказательствъ и умствованія. Но та степень краснорѣчія, которая приводитъ въ удивленіе и которая собственно составляетъ оратора, всегда сопровождается бываетъ жаромъ или страстію. Когда сія послѣдняя сколько возбуждена бываетъ, что она въ состояніи привести въ движеніе и разгорячить душу, не лишая ее однако обыкновенныхъ ея способностей; тогда она и всѣмъ симъ способностямъ, какъ то уже вообще признано, болѣе придаетъ силы и жару. Человѣкъ, пораженный чрезвычайною страстію, возносится превыше самаго себя; онъ чувствуетъ и выражаетъ съ большею силою; въ немъ рождаются величайшія намѣренія и онъ выполняетъ ихъ съ такою смѣлостію и съ такою легкостію, къ которымъ во всякое другое время онъ самъ себя почелъ бы неспособнымъ. Но сила страсти особенно обнаруживается относительно убѣжденія. Всякой человѣкъ живо чемъ либо одушевленный становится краснорѣчивымъ. Ему нѣтъ недостатка ни въ

словахъ, ни въ доказательствахъ. Выразительность его взоровъ и шлодвиженій дѣлается нѣкоторымъ образомъ заразительною, заставляя всѣхъ ему внимающихъ раздѣлять его чувства; и въ сихъ-то случаяхъ порывы природы дѣлають перевѣсъ надъ всѣми усиліями искусства. На сѣмъ по началѣ основывается слѣдующее правило: *Si vis me flere, dolendum est primum ipsi tibi*; т. е. ежели хочешь, чтобы я плакалъ, по прежде начни самъ плакать.“

Ежели принимается за правило, что высшее краснорѣчіе всегда бываетъ произведеніемъ снраспи; по опшуда произшекутъ такія слѣдствія, коихъ разсмотрѣніе можетъ послужить и къ подшверженію самаго правила; поелику къ ней-то должно отнести по дѣйствіе, которое изспупленіе оратора производитъ на собраніе его окружающее; по сей же причинѣ принужденныя велерѣчивоспи и украшенія вынужденнаго слога, кои опкрываютъ спокойство духа, не имѣють успѣха въ краснорѣчій убѣдительномъ. Сіе правило изьясняетъ такъ же, почему произношеніе и шлодвиженія, кои многого спюили размышленія, споль примѣпно ослабляютъ дѣйствія силы; по чему рѣчь, копорую читають, менѣе производитъ впечатлѣнія, нежели та, копорую слушаютъ, когда она произносится бываешь; по чему упрекъ въ холодноспи равносиленъ упреку въ недоспанкѣ краснорѣчія; почему рѣчи челоуѣка неизвѣснаго, копорый всегда запущивается и ничего сильно не ощущаешь или въ копоромъ примѣчаютъ охлажденіе снраспи, не проникающей сердца его, споль мало дѣйспвуютъ на шѣхъ, копорые слушаютъ оныя; почему наконецъ, дабы убѣдиль дру-

гихъ, надобно бытъ увѣрену въ себѣ и имѣть доброе о себѣ мнѣніе.

Таковы главныя понятія, которыя составилъ я относительно краснорѣчія вообще и онѣ могутъ послужить основаніемъ весьма многихъ замѣчаній, кои остаются мнѣ здѣлать о семь предметѣ. Я показалъ уже кажется, что краснорѣчіе есть дарованіе величайшей важности, которое требуетъ естественнаго высокаго дара (генія), снабженнаго всѣми пособіями искусства; будучи разсмаприваемо, какъ искусство убѣжденія, въ его низшей степени, оно по необходимости должно имѣть основаніемъ своимъ здравое сужденіе и глубокое познаніе природы человѣческой; будучи же разсмаприваемо въ высшей степени, оно пребудетъ величайшей живости въ воображеніи и правильной разборчивости, весьма обширнаго познанія языка своего и приятнаго выговора или произношенія. Я перехожу къ изслѣдованію краснорѣчія относительно соспоянія его въ разныя времена и у разныхъ народовъ. —

Весьма многіе писатели замѣчаютъ, что краснорѣчіе находилось шокмо у народовъ свободныхъ. Лонгинъ при концѣ своего разсужденія о высокомъ, изясняя причину, почему высокое и превосходный даръ (геній) были шоль рѣдки въ его время, весьма оспроумно поддерживаешь истину сего мнѣнія. Свобода, говоритъ онъ, есть обильнѣйшій источникъ высокаго дара; она воодушевляешь умъ, подкрѣпляетъ надежды людей, возбуждаетъ въ нихъ соревнованіе и желаніе превзойти во всѣхъ искусствахъ. Потомъ присоединяешь онъ, что можно найши всякія другія дарованія въ странахъ, гдѣ нѣтъ свободы, но что рабъ никогда не будетъ орашоромъ, а развѣ можетъ шолько сдѣ-

лапся искуснымъ обманщикомъ. Хотя основаніе сего умствованія и справедливо, однако не должно приниматься его въ смыслъ слишкомъ обширномъ; поелику и подъ неограниченнымъ правленіемъ Государства, если только оно образованное и если въ немъ ободряются искусства, краснорѣчіе, разсмаприваемое какъ уращеніе, можетъ достигнуть высочайшей степени совершенства. Въ примѣръ сему можно привести Францію, въ которой, со времени царствованія Людовика XIV, сей родъ краснорѣчія приобрѣлъ, можетъ быть, болѣе успѣховъ, нежели у всѣхъ другихъ Европейскихъ народовъ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ гораздо болѣе пользуются политическою свободою. Во Франціи проповѣди и публичныя рѣчи, на разные случаи произнесенныя, не суть только изящныя публичныя рѣчи, но и украшены возвышенными чувствованіями, смѣлыми фигурами и мѣстами превосходными. Известно однакожъ, что краснорѣчіе у Французовъ есть болѣе цѣлѣущее, нежели смѣлое, болѣе способно нравиться или плѣнять, нежели увѣрять или убѣждать; справедливо такъ же и то, что краснорѣчіе сильное и смѣлое принадлежитъ только народамъ свободнымъ или имъ особенно свойственно. Въ Государствахъ еди-нодержавныхъ, сверхъ нѣкоторой изможденной мягкости, которая вообще царствуетъ въ духѣ народа, искусство ораторское не столько подаетъ надежды честолюбію, какъ въ странахъ народоправительныхъ. Будучи ограничено каедрою и судебными мѣстами, оно не имѣетъ вліянія на дѣла Государственныя, на произшествія великія, гдѣ высокій даръ имѣетъ случай исполнить и свободно разпространять свои дѣйствія, гдѣ убѣжденіе рѣшаетъ дѣла самыя важнѣйшія и гдѣ

до сей причинѣ тщательнѣо изучаются сему искусству. Мы увидимъ, что вездѣ, гдѣ только сила доказательствъ и рѣчей можетъ имѣть влїяніе и власть надъ людьми, какъ-то въ Государствахъ свободныхъ, краснорѣчіе величайшїя дѣлаетъ усилїя и величайшіе получаетъ успѣхи.

Дабы составить себѣ понятїе о началѣ и успѣхахъ искусства ораторскаго, мы не имѣемъ нужды восходить до первыхъ вѣковъ мїра и шамъ между древними памятниками востока или Египта искать его произхожденїя. Безъ сомнѣнїя и тогда существовало нѣкотораго рода краснорѣчіе; но оно болѣе походило на стихотворенїя, нежели на то, что мы называемъ искусствомъ ораторскимъ. Не безъ основанїя можно думать, какъ я уже и замѣнилъ, что нарѣчіе первыхъ вѣковъ было метафорическое и страстное. Языки тогда состояли еще только въ маломъ числѣ словъ и натурально они должныствовали имѣть на себѣ отпечатокъ, характера людей дикихъ и грубыхъ, всегда почти пораженныхъ сильными страстями, а часто и изумленїемъ, въ которое всякое почти происшествїе приводило ихъ. Но въ сїи времена, когда люди еще мало имѣли между собою соотношенїй, когда сила рѣшала справедливую сторону и всѣ почти споры, — искусство убѣждать, изслѣдывать или умствовать почти было бесполезно и вѣроятно неизвѣстно. Первые извѣстныя Государства, Ассирїйское и Египетское, были подъ единоподержавнымъ правленїемъ; вся власть была въ рукахъ одного или весьма немногаго числа. Не было нужды въ убѣжденїи, дабы управлять народомъ, привыкшимъ повиноваться слѣпо, да и не было

побудительныхъ причинъ считать публичныя рѣчи важными въ обществѣ.

Прежде нежели появились республики Греческія, едва примѣчающія нѣкоторыя слѣды краснорѣчія разсмащиваемаго какъ искусство убѣжденія. Но тогда оно такой получило блескъ, что ни предшествовавшее ему, ни послѣдовавшее сравниться съ нимъ не можеть; и какъ всѣ тѣ, которые въ послѣдствіи изучались искусству орашорскому, съ величайшимъ удивленіемъ взирали на краснорѣчіе Грековъ, то и не неприлично будетъ обратишь нѣсколько вниманія на разсмотрѣніе сего времени. —

Греція составлена была изъ весьма великаго числа малыхъ царствъ, которые сперва управляемы были царями, называемыми именемъ пирановъ. По изгнаніи оныхъ сии царства сдѣлались народоправительными и всѣ были составлены по одному почти образцу, воодушевлены одною любовію къ свободѣ и воспламенены взаимнымъ поревнованіемъ другъ къ другу. Можно полагать, что блестящее сословіе ихъ высокаго дара или ихъ величайшаго благоденствія продолжалось со времени бипвы Мараѳонской до Александра, который покорилъ ихъ. Сей періодъ заключаетъ въ себѣ около ста пятидесяти лѣтъ, въ теченіи которыхъ появились всѣ почти знаменитѣйшіе ихъ спихотворцы и философы, особливо же славные ихъ орашоры. По исходѣ сего періода онѣ еще имѣли піймовъ и философовъ, но краснорѣчіе совершенно почти упало.

Изъ республикъ Греческихъ Аѳинская наиболѣе прославилась какъ краснорѣчіемъ, такъ и всѣми искусствами. Народъ Аѳинскій былъ примѣчательнъ своею

живоспїю, своимъ умомъ и знанїемъ въ дѣлахъ, въ коихъ онъ приобрѣлъ опытность по случаю частныхъ своихъ переворотовъ. Его правленїе было совершенно народоуправительное. Цѣлое сословіе народа соспавляло власть законодательную. Быль правда у нихъ Сенатъ изъ пяти сотъ человекъ соспавляемый; но все окончательно (т. е. такъ что послѣ никакія апелляціи не могли имѣть мѣста) рѣшаемо было въ народномъ собранїи; и тамъ-то образовались орапоры; тамъ-то научались они возбуждать страсти и управлять ими. Народъ постановлялъ законы, опредѣлялъ миръ и войну и назначалъ своихъ чиновниковъ. Всякой могъ искасть первыхъ чиновъ государственныхъ. Самаго низкаго произхожденїя ремесленникъ могъ предѣдательствовать въ высшемъ судѣ. Очевидно, что такое постановленїе весьма сильнымъ было побужденїемъ учиться искусству краснорѣчїя, какъ самому вѣрнѣйшему средству приобрѣсть влїяніе и власть. И это не было краснорѣчїе сдѣвъ, краснорѣчїе щещеславїя или пустаго високоумїя, но краснорѣчїе мужественное, сильное и такое, какое только потребно было для того дабы возбудить, занять и убѣдить слушателей. Орапоры таковыя не безплодныя восклицанїя имѣли цѣлю въ рѣчахъ своихъ, но народную довѣренность, колорую и честолюбець и честный человекъ равно приобрѣташь старались. —

У народа остроумнаго и просвѣщеннаго натурально вкусъ долженъ быть тонкій и весьма усовершенствованный. Афиняне въ самомъ дѣлѣ довели его до столь высокой степени тонкости и совершенства, что вкусъ Аппическїй вошелъ въ пословицу и означалъ то же, что хорошїй вкусъ по преимуществу. Не мень-

ше справедливо и то, что честолюбивые народоправители и подкупные ораторы ослепляли иногда народ и обманывали его посредством ложного красноречия; поелику Афиняне, впрочем умные, были безпокойны, несообразительны и охотники до всяких новосней. Но, когда дѣло шло о важной пользѣ или когда очевидная опасность обращала на себя ихъ вниманіе, они обыкновенно съ великимъ благоразуміемъ различали истинное красноречіе отъ ложного и Демосѣнъ всегда порожествовалъ надъ своими противниками; поелику онъ, идя прямо къ предмету своему и презирая пустую пышность словъ, употреблялъ основательныя доказательства и показывалъ народу его истинныя выгоды. Во время шѣхъ перевороповъ, когда государство, казалось, угрожаемо было насупающею опасностію; когда народъ собирался и публичныя провозглашашели возбуждали какого нибудь гражданина вспашъ и объявить свое мнѣніе объ обстоятельстве, — тогда шоль, кто довольствовался изложениемъ ложныхъ умствованій или пустого велеречія, не шолько бывалъ осмѣянъ, но даже и наказываемъ собраніемъ шоль просвѣщеннымъ и шоль рѣшительнымъ въ дѣлахъ. Въ такихъ случаяхъ и самыя искуснѣйшіе ораторы со шрепетомъ обращали слово свое къ народу, поелику они должныствовали отвѣчать за успѣхъ своего совѣта. Никакое могущество и никакія сокровища неограниченнѣйшаго изъ Моноарховъ не въ состояніи были бы основать такого училища красноречія, какое образовано было постановленіемъ Афинянъ. Еслили гдѣ красноречіе Афинское приобрѣтало живость и силу то это въ сильныхъ рѣчняхъ о дѣлахъ и свободахъ, въ должностной жизни и управленіи дѣлами,

а не въ тишинѣ уединеннаго мѣста и не въ спокойствіи размышленія, кои не столько благопріятствуютъ оному, какъ оно вообще предполагается.

Пизистратъ, современникъ Солона и нарушитель правленія имъ постановленнаго, былъ первый, который по свидѣтельству Плутарха отличился между Аѳинянами изученіемъ искусства ораторскаго. Онъ употреблялъ свое краснорѣчіе, дабы получить царскую власть; но какъ скоро достигъ оной, то меньше уже имъ занимался. И шорія ничего не говоритъ объ ораторахъ, кои процвѣтали бы въ Аѳинахъ со времени Пизистрата до войны Пелопонезской. Кажется, что Перикль, который умеръ въ началѣ войны сей, довелъ краснорѣчіе до такой степени совершенства, выше которой оно не было возведено ни однимъ изъ его послѣдователей. Перикль съ дарованіями оратора соединялъ въ себѣ дарованія искуснаго политика и великаго полководца. Онъ имѣлъ неограниченную почти надъ Аѳинянами власть въ продолженіи цѣлыхъ сорока лѣтъ, и историки утверждаютъ, что успѣхами своими онъ гораздо менѣе одолжънъ былъ своимъ политическимъ дарованіемъ, нежели сколько силъ своего краснорѣчія, которое всегда пержеествовало надъ спрассъями и душевными движеніями народа. Его прозвали Олимпіаниномъ, поелику онъ въ рѣчахъ своихъ къ народу гремѣлъ, по выраженію современниковъ, подобно Юпитеру. Честнолюбіе его безъ сомнѣнія было порицательно, но онъ вознаграждалъ то великими добродѣтелями, и ежели что придавало столько силы его краснорѣчію, то это довѣренность народа къ его честности. Кажется, что онъ былъ щедръ, великодушенъ и совершенно проникнутъ духомъ народнымъ. Онъ не копилъ бо-

гапспа; великія суммы, которыя бралъ онъ изъ народной казны, всѣ были употребляемы на украшенія или работы публичныя, и при смерти своей, говоря, онъ поздравлялъ себя особенно съ тѣмъ, что онъ, во все продолженіе своего правленія, ни одного изъ согражданъ своихъ не заставилъ надѣть печальной одежды. Свидѣ замѣтилъ, что Периклъ былъ первый изъ Аѳинянь, который сочинилъ и написалъ одну рѣчь, назначенную для произнесенія въ собраніи. —

Послѣ Перикла и въ теченіи войны Пелопонезской появляются одинъ за другимъ нѣкоторые изъ главныхъ гражданъ Аѳинскихъ, какъ-то Клеонъ, Алкивіадъ, Крипіасъ и Терамень, кои всѣ отличились превосходствомъ своего краснорѣчія. Они не чрезъ ученіе сдѣлались ораторами, не въ школахъ образовали себя, но въ случавшихся прѣніяхъ о дѣлахъ общеспвенныхъ, гдѣ люди взаимно такъ сказашъ елекпризуюшся и всѣ способности своего разума приводятъ въ движеніе. Мы можемъ судить объ ораторскомъ слогѣ сихъ времянь по рѣчамъ Фукидида, который жилъ въ томъ же вѣкѣ. Онъ былъ мужеспвенъ, силенъ и столь кратокъ, что дѣлался иногда темнымъ. *Grandes erant verbis,* говоритъ Цицеронъ, *crebri sententiis, compressione rerum breves et ob eam ipsam causam interdum subobscuri;* т. е. они употребляли слова пышныя, обильны были мыслями, предметы выражали кратко и по той причинѣ были иногда темны. Сей родъ слога, который мы не считаемъ нынѣ приличнымъ краснорѣчію народному, долженъ подать намъ великое понятіе о народѣ, къ коему относились таковыя рѣчи.

Послѣ Перикла Аѳиняне съ большимъ принялись жаромъ за краснорѣчіе. Появился родъ людей, до тѣхъ поръ неизвѣстныхъ, коихъ назвали риторами и софистами и коихъ число въ продолженіе Пелопонесской войны весьма умножилось. Извѣстнѣйшіе были Протагоръ, Продикъ, Фразимъ и Леонтианинъ Горгій. Сіи софисты къ искусству риторики присоединяли тонкую логику и всѣ почти преподавали ученіе скептическое. Горгій однако преимущественно занялся краснорѣчіемъ и снискалъ весьма высокое о себѣ мнѣніе. Онъ былъ въ почтеніи въ Леонтии, мѣстѣ его рожденія, гдѣ вышны были медали съ надписаніемъ его имени. При концѣ своей жизни онъ поселился въ Аѳинахъ, гдѣ и дожилъ до ста пяти лѣтъ. Ермогенъ (а) сохранилъ намъ одинъ его опытокъ, по которому можно судить о его слогѣ и его способѣ. Будучи изященъ, обработанъ и наполненъ противоположеніями, онъ показываетъ, что Греки до высокой уже степени довели тогда науку языка или искусство рѣчи. Сіи риторы не ограничивались однимъ преподаваніемъ насавленій относительно краснорѣчія вообще и спараніемъ образованъ вкусъ учениковъ своихъ, они учили ихъ еще сочинять всякаго рода рѣчи и какъ защищать, такъ и обвинять по одному и тому же дѣлу безъ различія. Легко повѣрить можно, что искусство орапорское, будучи въ рукахъ такихъ людей, не замедлило унизиться и сдѣлаться искусствомъ ложныхъ умствованій. Мы по справедливости можемъ считать ихъ первыми, которые повредили краснорѣчіе. Сократъ объявилъ себя прошивни-

(а) Hermog. de Ideis. lib. II. cap. 9.

комъ ихъ. Посредствомъ одного проснаго и основательнаго доказательства онъ заставлялъ чувствовать глупость ихъ хитросплетенныхъ лжемудрованій и старался обратитьъ соотечественниковъ своихъ отъ злоупотребленій умствованія, которыя начинали усиливаться на счетъ мыслей натуральныхъ, полезныхъ и справедливыхъ.

Въ томъ же вѣкѣ, но уже послѣ Философа мною упомянушаго, явился Исократъ, коего сочиненія дошли и до насъ. Онъ преподавалъ Риторикѣ и вдругъ приобрѣлъ какъ великя богатства, такъ и великую славу. Его публичныя рѣчи исполнены здравой нравственности и благородныхъ чувствованій; его слогъ приятенъ и плавный но не довольно имѣеть силы. Онъ не предпринималъ никогда говорить о дѣлахъ общественныхъ, ни защищать публично тяжебъ; почему его рѣчи не имѣють другаго достоинства, кромѣ того, что онѣ краснорѣчивы. Цицеронъ сказалъ о семъ риторѣ: *Potrae magis, quam pignae aptior; ad voluptatem aurium accommodatur potius, quam ad judiciorum certamen*; т. е. онъ болѣе способенъ къ великолѣпію, нежели къ рѣчи и болѣе услаждать слухъ, нежели о дѣлахъ спорить. Выраженія Горгія Леонсійскаго были вообще кратки и составлены изъ двухъ членовъ, которые были равной мѣры; напротивъ Исократовы выраженія были длинны и звучны. Говоряшъ что онъ ввелъ способъ сочинять выраженіями правильными, сладкозвучными и мѣрными; можно порицать его такъ же въ томъ, что онъ доходилъ въ семъ отношеніи до излишества. Что можно сказать о томъ ораторѣ, который десять лѣтъ употребилъ на сочиненіе одной рѣчи, названной Похвальнымъ Словомъ? Произведеніе

се еще и по нынѣ существуетъ. Сколькихъ прудовъ и попеченій должна была стоить ему пустая красивость словъ и выраженій! — О рѣчахъ Исокрапа и другихъ нѣкоторыхъ ораторовъ Греческихъ мы имѣемъ полное разсужденіе Діонисія Галикарнасскаго, которое я считаю драгоценнѣйшимъ опривкомъ критики древнихъ и весьма достойнымъ того, чѣмъ имъ руководствовались. Онъ похваляетъ красоту слога Исокрапа и его нравственныхъ размышленій, но порицаетъ его принужденность и единообразную правильность его мѣрныхъ выраженій. Онъ считаетъ его пышнымъ витійствователемъ, а не ораторомъ, способнымъ снискать довѣренность или убѣдить. Цицеронъ въ критическихъ своихъ твореніяхъ такъ же согласенъ съ нимъ въ разсужденіи недостатковъ Исокрапа; но онъ, кажется, расположенъ былъ извинить его во уваженіе обильнаго и благозвучнаго слога (*plena ac numerosa oratio*), который введенъ былъ Исокрапомъ и къ которому самъ Цицеронъ нѣсколько излишнюю оказывалъ въ себѣ склонность. Онъ научаетъ насъ въ одномъ изъ своихъ разсужденій (а), что онъ и другъ его Брушъ были разнаго въ семъ отношеніи мнѣнія; что Брушъ упрекалъ ему въ пристрастїи его къ Исокрапу. Способъ сего послѣдняго обольщаетъ большую часть молодыхъ людей, кои начинаютъ сочинять, и нѣтъ ничего натуральнѣе. Правильность, пышность и сладкозвучіе слога очаровываетъ ихъ слухъ; но какъ скоро они говорятъ въ публикѣ или издають сочиненія свои въ свѣтъ, тогда немедленно примѣчаютъ, что сей, сколько труда пребудущій, способъ ихъ ни

(а) Oratio ad M. Brut.

при разсужденіи о дѣлахъ, ни для обращенія на себя вниманія не удобенъ. Говорящъ, что сего-по Исократова великая слава побудила Аристотеля привести въ порядокъ наставленія о риторикѣ, которыя однако разположены по начертанію краснорѣчія весьма различнаго отъ краснорѣчія Исократова и всѣхъ риториковъ его времени. Онъ кажется имѣлъ намѣреніе совѣтовать ораторамъ болѣе заниматься искусствомъ прогашъ и преклонящъ слушателей своихъ, нежели мѣрностію и сладкозвучіемъ своихъ выраженій. —

Изей или Лизій, отъ коего нѣсколько рѣчей оспалось, равно принадлежатъ къ тому же періоду. Онъ жилъ за нѣсколько времени прежде Исократова; сей сочинитель есть образецъ способа, который древними называемъ былъ *tenuis* или *subtilis*. Онъ не имѣетъ великолѣпія Исократова, но всегда ясенъ, совершенно Аппическій, простъ и безъ всякой принужденности; но ему недостаетъ силы и его сочиненія бывающъ иногда весьма холодны (а). Одно изъ высочай-

(а) Діонисій Гиликарнасскій, въ основательномъ своемъ сравненіи Лизія съ Исократомъ, говоритъ намъ, что первый имѣетъ красоты естественныя, а тотъ изыскиваетъ ихъ посредствомъ размышленія. Въ искусствѣ повѣствованія, относительно ясности, вѣроятности и убѣжденія, онъ ставитъ Лизія превыше всѣхъ ораторовъ, но въ поже время признается, что его родъ сочиненія болѣе приличенъ въ изслѣдованіи дѣлъ посредственныхъ, нежели при разсужденіи о предметахъ весьма возвышенныхъ или весьма важныхъ. Онъ умѣетъ преклонить разумъ, но не возвыситъ его или возбудитъ въ немъ жаръ. Велико-

шихъ достоинствъ Лизія было то; что онъ былъ учинелемъ или наставникомъ великому Димосену, знаменитѣйшему или самому краснорѣчивѣйшему изъ всѣхъ ораторовъ.

Превосходство Димосена предъ всѣми его соперниками въ краснорѣчїи и усилїя, какїя онъ употребилъ, дабы достигнуть онаго, достойно обратишь на

лѣнїе Исократова свойственнѣе великимъ случаямъ, онъ приятнѣе Лизїа и много превосходитъ его достоинствомъ чувствозанїи. Относительно принужденности Исократовой, онъ заключаетъ такими замѣчанїями, коихъ нѣкто изъ намѣреющихся упражняться въ искусствѣ ораторскомъ никогда не долженъ терять изъ виду. „Я не одобряю ни изысканныхъ оборотовъ въ его выраженїяхъ, ни щанїа испестрить рѣчь „свою цвѣтами. Его мысль кажется иногда подчинена благозвучности выраженїа и разсудокъ „пожертвованъ изяществу, между тѣмъ какъ „вездѣ, гдѣ только дѣло идетъ о выгодѣ или „какомъ нибудь дѣлѣ, всегда и должно слѣдовать „тону натуральному и природа вещей заподлинно „не пребудетъ, члобъ выраженїе приспособляемо „было къ смыслу, а не смыслъ къ выраженїю. Когда „гражданинъ встаетъ съ мѣста, дабы объявить „свое мнѣнїе о мирѣ или войнѣ, или когда „онъ предпринимаетъ защищать дѣло какого нибудь „человѣка обвиненнаго въ уголовномъ преступленїи, тогда изысканныя украшенїа, пїиписческія прелести и школьныя цвѣты бываютъ „не у мѣста. Въ важномъ изслѣдованїи украшенїа, „хотябы они и приятны были, не только „не производятъ надлежащаго дѣйствїа; но еще „и противное оному, ослабляя чувство, кошорое „хотимъ возбудить въ слушающихъ.“

себя наше вниманіе на нѣсколько времени. Я умалчиваю о подробностяхъ его рожденія и обстоятельстввахъ жизни его, которыя довольно извѣсны; но его сильное желаніе превзойти въ искусствѣ говорить къ народу, худой успѣхъ первыхъ опытовъ, непоколебимая терпѣливость, посредствомъ которой онъ умѣлъ преодолѣть всѣ препятствія, найденныя имъ въ недоспапкѣ своего органа, равно какъ и своей особы, долженъ служить ободришь всѣхъ, кои учаща краснорѣчію, показывая имъ, что искусство и прилѣжаніе способны снискашь намъ превосходство дарованій даже и тогда, когда сама природа кажется, отказываешь намъ въ оныхъ. Димосеень заключился въ пещеру, дабы учиться съ меньшимъ развлеченіемъ; онъ занимался произношеніемъ на берегахъ моря, дабы привыкнушь къ шуму мясешаго собранія; онъ наполнялъ себѣ ротъ мѣлкими камышками, дабы преодолѣть неудобство своего органа и, часто будучи дома, дабы исправить въ себѣ неприличныя пѣлодвиженія, онъ вѣшалъ обнаженный мечъ, коего конецъ касался плечъ его.

Презирая принужденность и цвѣшущій слогъ риторовъ своего времени, Димосеень избралъ Перикла образцемъ своего краснорѣчія; и отличительное свойство слога его есть сила и важность. Никогда ораторъ не имѣлъ прекраснѣйшаго поприща, какъ Димосеень въ своихъ Олинейскихъ и Филиппическихъ рѣчахъ, и сіи превосходныя шворенія конечно частію достоинства своего одолжены были важности предмета и числощѣ духа народнаго, коего онѣ преисполнены. Онѣ имѣють предметомъ своимъ возбудить въ согражданахъ его негодованіе противъ Филиппа Маке-

донскаго, имѣвшаго намѣреніе покорить Грецію, и предохранить ихъ противъ коварныхъ мѣръ, которыя хитрый Государь сей употреблялъ, дабы скрыть опасность, каковою онъ угрожалъ имъ. Димосеенъ всѣми средствами спарается пробудить онь безопасности пошь народъ, который прославился справедливостію, челоѡколюбіемъ и силою; но коего добродѣтели начинали уже упадать; онъ обвиняетъ Аѡинянь въ продажѣ чиновъ, въ нераченіи и равнодушій къ общему благу и, употребляя все искусство орапорское, онъ въ тоже время напоминаетъ имъ славу ихъ предковъ; онъ представляетъ имъ, что они и теперь еще составляютъ народъ многочисленный и могущественный; что они естественныи сушь защитники свободы всей Греції и что они въ состояніи еще заставить прелешать Филиппа; стоить только имъ захотѣть того. Димосеенъ не щадитъ и современныхъ ему орапорцовъ, попустившихъ подкупить себя Царю Македонскому; онъ обявляетъ ихъ общими неприятелями и укоряетъ въ вѣроломствѣ. Онъ не ограничивается тѣмъ, чтобы совѣтовать только предпринять дѣйствительныя мѣры; но представляетъ и предначертаніе оныхъ, входитъ во всѣ подробности и показываетъ средства, какъ произвести оныя въ дѣйство. Вошь предметъ публичныхъ его рѣчей; онѣ исполнены огня и возшорга народнаго духа. Фигуры, которыя употребляетъ онъ, никогда не имѣють принужденнаго вида; онѣ всегда, кажется, изъ самаго его предмета раждаются, но онъ бережливъ въ оныхъ; и достоинство сочиненій его не въ великолѣпійи и украшеніяхъ состоитъ, но въ важности мыслей, которая ему особенно свойственна, и которая возвышаетъ его

превыше всѣхъ ораторовъ. Онъ гораздо болѣе занимается вещами, нежели словами. Въ немъ забываютъ оратора и думаютъ только о дѣлѣ, о коемъ онъ разсуждаетъ. Онъ воспламеняетъ разумъ и приводитъ его въ уваженіе. Не видно ни великолѣпія, ни хвастовства; нѣтъ вкрадчивыхъ оборотовъ или искусныхъ введеній. Будучи наполненъ своимъ предметомъ, онъ однимъ или двумя выраженіями возбуждаетъ вниманіе слушателей и безъ дальнихъ приговоровъ вступаетъ въ матерію.

Димосеенъ является во всемъ блескѣ своего превосходства, когда онъ сравниваемъ бываетъ съ Есхиномъ, въ славной рѣчи *pro corona*. Есхинъ былъ соперникъ его въ краснорѣчьи и его личный неприятель; но рѣчь его кажется слабою въ сравненіи съ рѣчью Димосеена. Его доказательства относительно закона, о которомъ они спорили, суть тонки; но его личности противъ Димосеена суть пустыя и худо поддержаны. Димосеенъ подобенъ попоку, которому ничто не проповишило; онъ быспро низпровергаетъ своего противника; онъ изображаетъ характеръ его самыми ненавистнѣйшими красками, и особенно достоинство рѣчи сей состоитъ въ описаніяхъ, кои всѣ суть поразительны. Ораторъ выражается съ силою и благородствомъ, которыя принадлежатъ только великимъ дѣйствіямъ и возмугу народнаго духа. Два оратора обращаютъ другъ къ другу рѣчь самымъ сильнымъ образомъ. Вольность, каковую древніе нравы позволяли въ семъ отношеніи, простерта была до чрезвычайности, какой слухъ нашъ снести не могъ бы; сія рѣчь и рѣчи Филиппическія много представляютъ тому примѣровъ. Что можно было ораторамъ

выигрѣть чрезъ сію вольность, по самое; а можетъ быть и болѣе, подлинно потеряли они по недоспѣху благородства. Пристойность безъ сомнѣнія есть величайшее преимущество краснорѣчія новѣйшаго.

Слогъ Димосѣена есть сильный и краткій; но нельзя такъ же отрицать и того, чѣмъ не было иногда въ немъ грубости и жесткости. Его выраженія важны; его словосоставленія удачны; и хотя онъ благозвученъ, но въ нихъ не видно расположенія *изысканнаго и замѣтнаго*, которое нѣкоторые древніе крипики въ немъ находятъ; скорѣе можно бы думать, что онъ не о красотахъ рѣчи заботился, но чувствованіемъ хочеть достигнуть высокаго. Его пѣлдвиженіе и произношеніе, говорящъ, были важны и его способъ сочинять подтверждаетъ сіе мнѣніе. Творенія его обнаруживаютъ въ себѣ болѣе возвышенности, нежели приязности. Его важный и воодушевленный тонъ всегда показываетъ спрѣчь; онъ никогда не унижается до того, чѣмбы показаться хотя не много веселымъ, и одинъ упрекъ, какой только можно сдѣлать удивительному его краснорѣчію, состоитъ въ томъ, что онъ близокъ иногда бываетъ къ сухости и жесткости и что въ немъ недостаетъ, можетъ быть, приязности и красоты. Діонисій Галикарнаскій подтверждаетъ, что Димосѣенъ предпочель сей способъ въ подражаніе Фукидиду, котораго онъ избралъ образцемъ себѣ и котораго исторію, какъ говорящъ, онъ восемь разъ переписывалъ собственноручно; но сіи недоспѣхи не видны за блескомъ его непреодолимаго краснорѣчія, которое увлекало всѣхъ его слушавшихъ и котораго даже и нынѣ нельзя читать безъ чувства.

Послѣ смерти Димосѣена Греція престала быть свободною, краснорѣчіе упало и скоро началъ оказываться слабый способъ, введенный риторамъ и софистами. Димипрій Фалерейскій, въ послѣдующемъ вѣкѣ жившій, приобрѣлъ было нѣкоторую славу: но онъ почитается за такого оратора, который болѣе распылялъ цвѣты, нежели убѣждалъ; который способнѣе былъ увеселять, нежели возбуждать. *Delectabat Athenienses*, говорилъ Цицеронъ, *magis quam inflammabat*; т. е. онъ болѣе увеселялъ Аѳинянъ, нежели воспалялъ ихъ. Послѣ него не видно у Грековъ болѣе ни одного оратора, который бы достоинъ былъ сего имени.

Разсмотрѣвши начатки краснорѣчія и то, чѣмъ оно сдѣлалось у Грековъ, я перехожу къ успѣхамъ его у Римлянъ, между коими мы находимъ по крайней мѣрѣ образецъ сего искусства во всей его пышности и великолѣпій. Римляне, будучи безпрестанно заняты военными дѣлами, долгое время пренебрегали всѣми искусствами. Они не прежде начали ими заниматься, какъ уже покоривъ Грековъ, которыхъ всегда признавали своими учителями во всѣхъ наукахъ и искусствахъ.

*Graecia capta ferum victorem cepit, et artes
Intulit agresti Latio.* Hor. Epist. ad Aug.

То есть:

Плѣненная Греція плѣнила жестокаго побѣдителя и принесла искусства въ дикій Лаціумъ.

Римляне учились въ школахъ самыхъ Грековъ, но они всегда были гораздо ниже ихъ относительно высокаго дара. Римляне имѣли болѣе важности и достоинства; но они не имѣли ни живости, ни чувствительности Грековъ. Ихъ спраски не столь удоб-

но были возбуждаемы; ихъ понятія были медленнѣе и въ опносительномъ смыслѣ ихъ можно почитать народомъ хладнокровнымъ. Самый языкъ ихъ имѣлъ оппечашокъ ихъ характера. Онъ былъ правиленъ и величественъ, но въ немъ недоставало сей простой и выразительной невинности, сей щасливой гибкости, которая безъ дальнихъ усилій можетъ быть приспособляема ко всѣмъ родамъ сочиненія, между шѣмъ какъ Греческій всѣ сїи имѣетъ преимущества.

Graius ingenium, Graius dedit ore rotundo

Musa loqui. Arg. Poet.

То есть:

Муза одарила Грековъ природною способностію и краснорѣчїемъ.

По сей-шо причинѣ, когда сравниваются произведенія Греціи и Рима, то въ первыхъ всегда находятъ болѣе естественнаго высокаго дара, а въ другихъ болѣе правильности и искусства. Греки начерпывали первоначальные образцы иногда и не очень исправные; Римляне дѣлали только подражанія онымъ въ совершенствѣ.

Какъ Римляне во время республики имѣли правленіе народное, то вѣроятно начальники ихъ съ самыхъ древнихъ временъ употребляли публичныя рѣчи, дабы имѣть вліяніе на народъ и облегчать произведеніе намѣреній своихъ въ дѣйство. Но въ тѣ времена глубокаго невѣжества публичныя рѣчи едва и имя краснорѣчїя заслуживали. Цицеронъ въ своемъ разсужденіи *de Claris oratoribus* сколько ни старается поселить въ насъ великое понятіе о древнемъ Капонѣ, но онъ самъ признается, что краснорѣчїе того вѣка

было: *Asperum et horridum genus dicendi* (a). Время, въ которое ораторы Рима начали оказывать великія дарованія, не очень многимъ предшествовало въку Цицерона. Крассъ и Антоній были, кажется, самые знаменитѣйшіе. Цицеронъ въ разговорѣ своемъ *de Oratore* и въ другихъ разсужденіяхъ своихъ о риторикѣ весьма краснорѣчиво описываетъ различіе ихъ слоговъ и ихъ способовъ. Но какъ все ихъ произведенія, равно какъ и произведенія Горпензія, современника Цицерона и соперника его въ судебномъ краснорѣчии, потеряны; то излишне было бы переписывать мнѣніе Цицерона о сихъ двухъ ораторахъ и ихъ краснорѣчии (b).

Сей періодъ ничего не представляетъ достойнѣйшаго для нашего вниманія, кромѣ самаго Цицерона, коего одно имя внушаетъ уму понятіе о всей пышности и величественности краснорѣчія. Его нравственный характеръ, его гражданская и частная жизнь ничего не имѣютъ общаго съ изслѣдованіемъ, которое мы намѣрены предпринять. Мы будемъ разсматривать его только въ качествѣ оратора и въ семъ одномъ отношеніи замѣчать его свойства и совершенства. Превосходство его дарованій есть неоспоримо. Во всѣхъ его рѣчахъ красота искусства находится въ высочайшей степени. Онъ начинается вообще

(a) Способъ рѣчи грубый и отвратительный.

(b) Желающіе знать о семъ до подробностей, могутъ найти оныя въ прехъ книгахъ Цицероновыхъ: *De oratore*, и въ двухъ другихъ его разсужденіяхъ, изъ коихъ одно названо: *De Claris oratoribus*, а другое: *Orator ad M Brutum*.

правильнымъ приступомъ, въ которомъ приуготовляеть слушателей своихъ и старается снискаеть себѣ ихъ благосклонность. Его способъ ясенъ, его доказательства разположены въ самомъ лучшемъ порядкѣ. Ясность его есть одно изъ главныхъ преимуществъ, которое онъ имѣеть предъ Демосѣеномъ. Каждая вещь у него на своемъ мѣстѣ; онъ всегда старается прежде преклонить, нежели возбудить и вообще онъ больше имѣлъ власти надъ тихими спрасьями. Никогда ораторъ не зналъ, лучше Цицерона, силы и могущества выражений. Онъ всегда изобилень, всегда плавѣй и никогда не порывистъ. Онъ всегда почти разпространяется о предметѣ своемъ съ величественностію и нѣтъ ничего чище его нравственности. Его способъ есть, въ полномъ смыслѣ, обилень, но искусно представлень разнообразнымъ и всегда соответственнo его предмету. Въ четырехъ его рѣчахъ противъ Капилины, тонъ и слогъ души весьма различны, особливо въ первой и послѣдней, и они совершенно приспособлены ко времени и обстоятельству; когда умъ его пораженъ былъ какимъ либо государственнымъ предметомъ великой важности и когда онъ хотѣлъ возбудить чувствованіе негодованія; но онъ оставлялъ тонъ велерѣчія, къ которому онъ вообще склоненъ, и замѣнялъ оный силою и важностію, какъ то въ рѣчахъ его противъ Антонія, Верреса и Капилины.

Краснорѣчивый Цицеронъ не изыять однако онъ несовершенство и нужно показатъ ихъ; поелику онъ есть образецъ краснорѣчія столь блистающаго красотами, что въ случаѣ недостатка во вниманіи и разборчивости при изслѣдованіи, онъ могъ бы вовлечь въ

ошибочное подражаніе себѣ, и я не сомнѣваюсь, чѣмъ членіе его не было поводомъ къ подобнымъ погрѣшностямъ. Въ большей части его рѣчей и особливо въ шѣхъ, кои онъ сочинилъ еще въ молодости, слишкомъ много примѣшно искусства, которое иногда простирается онъ даже до хвасповсхва. Приготовленность въ его краснорѣчій слишкомъ очевидна; по видимому онъ часто старается болѣе возбудить удивленіе въ своихъ слушателей, нежели преклонить ихъ. Отсюда происходитъ, что онъ иногда болѣе блистателенъ, нежели основателенъ и изобиленъ тогда, когда бы ему надлежало быть краткимъ. Его выраженія всегда округлены и звучны; его никакъ не лѣзя упрекашь въ единозвучіи, ибо онъ весьма искусно перемѣняетъ свою мѣрность; но иногда онъ силою жертвуетъ господствующему своему вкусу къ великолѣпію. Всегда, какъ только есть случай, онъ хвалится собою. Великія его дѣла и истинныя заслуги, оказанныя имъ своему отечеству, могутъ отчасти служить ему извиненіемъ; при томъ же нравы древнихъ менѣе предполагали неприличности въ сѣмъ отношеніи, нежели наши. Но принявъ въ уваженіе и всѣ сїи сужденія, щеславїе его шѣмъ не болѣе защищено было бы. Его рѣчи или всѣ даже его шворенія даютъ намъ понятїе о чловѣкѣ добродѣтельномъ, но весьма щеславномъ.

Недоспапки, которые мы замѣтили въ краснорѣчїи Цицерона, не ускользнули и отъ взоровъ современниковъ его. Квинтиліанъ и сочинитель разговора *de causis corruptae eloquentiae* увѣряють насъ въ ономъ. Брусь считалъ Цицерона *fractum et elumbet* т. е. слабымъ и безсильнымъ: „*Suorum temporum homines, гово- рить Квинтиліанъ, incessere audebant eum, ut tumidio-*

„*rem et Asianum, et redundantem, et in repetitionibus nimiam, et in salibus aliquando frigidum, et in compositione fractum et exultantem et pene viro molliorem*; т. е. современники его дерзали упрекать за то, что будто бы онъ надупъ и Азіанецъ, что онъ чрезмѣрно обилень и слишкомъ частыя дѣлаешь повпоренія, что онъ иногда холоденъ въ оспрыхъ мысляхъ, вялъ въ сочиненіи, предаешь слишкомъ много воспоргамъ и гораздо болѣе кажется изнѣженнымъ, нежели сколько мужу прилично. — Сіи упреки очевидно суть увеличены и весьма походяшь на языкъ зависти или недружбы, коихъ испочникомъ можно полагаешь раздѣленіе училей краснорѣчія въ Римѣ на двѣ спороны, на Апшинянь и Азіанцевъ, бывшее во время Цицерона. Первые, кои называли себя Апшинянами, придерживались того краснорѣчія, которое называли они просшымъ и натуральнымъ. Они порицали Цицерона за то, что онъ удалился отъ онаго и склонень былъ къ цвѣтущему способу Азіанцовъ. Цицеронъ равномѣрно, въ своихъ разсужденіяхъ о рипорикѣ и особливо въ своемъ *orator ad Brutum*, обвиняешь своихъ прошивниковъ въ томъ, что они предались холодному и сухому способу вмѣсто истиннаго краснорѣчія апшинческаго, съ которымъ, по его мнѣнію, онъ соображаешь въ своихъ сочиненіяхъ. Квиншилланъ, въ Хй главѣ послѣдней книги своихъ насавленій, весьма подробно описываетъ споры сихъ двухъ споронъ и спороны Родосцевъ, которая занимаетъ средину между Апшинянами и Азіанцами. Квиншилланъ объявляетъ себя лично со спороны Цицерона и предпочипаешь, подъ какими бы то ни было наименованіями, слогъ обширной, полной и изобильный. Онъ заключа-

ещь симъ разсудительнымъ замѣчаніемъ: „*Plures sunt eloquentiae facies; sed stultissimum est quaerere, ad quam recturus se sit orator; cum omnis species, quae modo recta est, habeat usum. Utetur enim, ut res exiget, omnibus; nec pro causa modo, sed pro partibus causae*; п. е. краснорѣчіе разныхъ родовъ бываетъ; но весьма глупо требовать, чтобъ орапоръ къ одному какому нибудь прильпился; поелику всякой родъ, естли онъ хорошъ, равно употребителенъ. Ибо всѣ оныя должно употреблять, смотря по предмешу, и при томъ не только соображаясь съ цѣлымъ предметомъ своимъ, но даже и съ частями онаго.

Крипики долго спорили, сравнивая Димосеена съ Цицерономъ. Способъ сихъ двухъ великихъ орапоровъ и отличительное свойство каждаго столь выражены въ ихъ сочиненіяхъ, что по многимъ отношеніямъ различіе ихъ весьма удобно понять можно. Въ Димосеенѣ находятъ силу и важность; въ Цицеронѣ приятность и вкрадчивость. Сей обольщаетъ тебя, а тотъ увлекаетъ. Первый живѣе, а другой любезнѣе. Димосеенъ воодушевленнѣе, сжатѣе, но и грубѣе; Цицеронъ прелеснѣе и болѣе украшенъ, но изиѣженнѣе и слабѣе. —

Нѣкоторые говорили, что, дабы изъяснить сіе различіе, нимало не уменьшая достоинства Цицерона, надобно было разсмотрѣть различіе слушателей; что упонченные Аѳиняне съ легкостью слѣдовали за крапкимъ и сжатымъ краснорѣчіемъ Димосеена; но что говоря къ Римлянамъ, народу медленному въ пониманіяхъ и не столь привыкшему къ публичнымъ рѣчамъ, по необходимости надобно было употреблять способъ болѣе цвѣтущій и болѣе велерѣчивый. Но изъясненіе

оіе не удовлетворительно; поелику не должно забывать, что Греческій ораторъ гораздо чаще, нежели Римскій, говорилъ въ такомъ собраніи, которое состояло изъ множества слушателей всякаго рода. Въ Афинахъ о всѣхъ почти государственныхъ дѣлахъ разсуждаемо было въ общемъ собраніи народа. Слѣд. наибольшее число сихъ слушателей и сихъ судій были изъ послѣдняго состоянія. Цицеронъ, напрошивъ, большею частію говорилъ къ Сенату, къ *Patres conscripti* или въ особенныхъ случаяхъ къ Претору и судьямъ, которые въ томъ же почти состояли чинѣ; и невѣроятно, чтобъ для того, дабы сдѣлаться понятнымъ Римлянамъ сего званія или дабы имъ понравиться, нужно было говорить обильнѣе, нежели для послѣднихъ гражданъ Афинскихъ. Тѣ можетъ быть болѣе приблизились къ истинѣ, которые замѣтили, что силы высокаго дара человѣческаго суть слишкомъ ограничены, а потому и не въ состояніи соединить всѣ, безъ исключенія, качества, которыя составляютъ совершеннаго оратора и сдѣлать его превосходнымъ въ каждомъ изъ оныхъ. Я даже думаю, что высочайшая степень силы никогда не соединяется съ высочайшею степенію украшеній и пріятности. Не возможно успѣть въ томъ и другомъ вмѣстѣ. Высокій даръ, отличающійся украшеніями во всей ихъ обширности и блескѣ, какія только имъ свойственны, не можетъ быть равно превосходенъ въ разсужденіи силы и живости; и вошъ истинное различіе между сими двумя знаменитыми ораторами.

Сверхъ красноречія, которая дѣлаетъ иногда Демосфена шемнымъ, есть относительно его еще па невыгода, что языкъ его вообще не столько намъ зна-

комъ, какъ Лапинскій и что древности Греческія намъ менѣе извѣстны, нежели Римскія. Отсюда и происходитъ, что Цицерона мы читаемъ съ большею легкостьюю и съ большимъ удовольствіемъ. Надобно однако согласиться, что, исключивъ и сіе обстоятельство, Римскій ораторъ есть писатель приятнѣйшій, нежели ораторъ Аѳинскій. Но я шѣмъ не менѣе увѣренъ, что въ угрожающей опасности народа, которая возбудила бы его вниманіе, рѣчь Димосѳена въ важномъ родѣ произвела бы гораздо большее дѣйствіе, нежели способъ Цицерона и все его великолѣпіе. Если бы Филиппическія рѣчи Димосѳена произнесены были предъ собраніемъ Англичанъ въ такихъ же обстоятельствахъ, въ какихъ находилась тогда Греція, онѣ оказали бы и теперь еще полное дѣйствіе свое. Спрямительность слога, сила доказательствъ, важность произношенія, смѣлость, свобода и пр. непременно и теперь получили бы успѣхъ въ какомъ нибудь новѣйшемъ собраніи; но я не думаю, чтобы и отъ Цицероновой какой нибудь рѣчи поже послѣдовало. Его краснорѣчіе, хотя блистающее красотами и совершенно принаровленное ко вкусу Римскому, часто походитъ на велерѣчивость и слишкомъ удаляется отъ способа, который обыкновенно употребляется между нами, при разсужденіи о дѣлахъ или при защищеніи какихъ нибудь важныхъ шяжебъ. —

Большая часть критиковъ Французскихъ, которые сравнивали Димосѳена съ Цицерономъ, отдали преимущество послѣднему. Иезуитъ Рапинъ, въ своихъ сравненіяхъ нѣкоторыхъ знаменитѣйшихъ писателей Греческихъ и Римскихъ, единообразно рѣшаетъ въ пользу сихъ послѣднихъ и довольно страннѣмъ обра-

зомъ оправдываетъ свое предпочтеніе Цицерона. Димосеень, говорилъ онъ, не могъ столь совершенно, какъ Цицеронъ, знать сердца и спрасней человѣческихъ. И почему же? Потому что тотъ не имѣлъ такой же, какъ онъ, выгоды читать разсужденія Аристоклелева о риторикѣ, гдѣ сіе таинство совершенно открыто: и чтобы подтвердить сіе казисное доказательство, онъ нарочно предпринимаетъ доказать Авлу Геллію, въ нѣкоторомъ родѣ рѣчи, что всѣ рѣчи Димосееновы или, по крайней мѣрѣ, большая часть оныхъ произнесены были прежде, нежели издана была риторика Аристоклелева. Нѣтъ ничего презрительнѣе! Орапоры, каковы Цицеронъ и Димосеень, почерпали познанія свои о спрасняхъ человѣческихъ и о способности возбуждать оныя изъ вѣрнѣйшихъ источниковъ, нежели разсужденіе риторическое, какое бы оно впрочемъ ни было. Изъ всѣхъ Французскихъ криптиковъ одинъ только уклонился отъ общаго мнѣнія и сей криптикъ есть знаменитый Фенелонъ, Архіепископъ Камбрейскій, котораго не лзя подозрѣвать въ природномъ отвращеніи къ краснорѣчію цвѣтущему или къ прелестямъ рѣчи. Отдавъ должную справедливость славі Цицерона, котораго цѣлый рядъ поколѣній признавали достойнымъ оной, онъ заключаетъ, отдавая преимущество Димосеену. Мѣсто сіе показалось мнѣ довольно любопытнымъ, чтобы могло быть прочтено съ удовольствіемъ. „Я не опасуюсь утверждать, что Димосеень мнѣ кажется превосходнѣе Цицерона. Увѣряю, что никто столько не удивляется Цицерону, какъ я; онъ все украшаетъ, къ чему только ни коснулся; онъ дѣлаетъ честь словесности; онъ составляетъ слова такимъ образомъ, каковаго другой и не знаетъ

„вовсе; я не могу опредѣлить, сколько онъ имѣеть
 „способностей ума; онъ даже бываетъ крошечный и си-
 „ленъ, коль скоро захочетъ быть таковымъ, какъ то
 „пропивъ Капилины, Верреса и Антонія. Но въ рѣчи
 „его видна нѣкоторая приготовленность. Искусство
 „въ ней удивительно, но его нѣсколько угадываютъ.
 „Ораторъ, думая о спасеніи республики, не забываетъ
 „и себя и не допускаетъ забыть себя. — Димосенъ
 „кажется выходитъ изъ самаго себя и ничего не ви-
 „дитъ кромѣ опечиста; онъ не ищетъ прекраснаго;
 „онъ предсказываетъ его, не думая о немъ; онъ пре-
 „выше самаго удивленія; онъ употребляетъ слово точ-
 „но такъ, какъ скромный человѣкъ употребляетъ
 „плащъ свое, дабы прикрыть себя; онъ гремитъ и
 „бросаетъ молнію. Это попокъ все увлекающій. Слу-
 „шатели не могутъ замѣчать за нимъ, потому что
 „онъ овладѣваетъ умами ихъ. Они думаютъ только о
 „вещахъ, о которыхъ онъ говоритъ, а не о словахъ
 „его. Они перяютъ его изъ виду. Они занимаются
 „однимъ Филиппомъ, который всемъ завладѣть ста-
 „рается. Я плѣняюсь обоими сими ораторами; но при-
 „знаюсь, что меня менѣе прогааетъ чрезвычайное иску-
 „ство и величественное краснорѣчіе Цицерона, нежели
 „спрямительная простота Димосена“ (а). У Римлянъ
 самое цвѣтущее время краснорѣчія продолжалось не

(а) Сужденіе сіе находится въ размышленіяхъ его о
 республикѣ и поэзіи. Это есть маленькое разсуж-
 деніе послѣ его разговоровъ о краснорѣчій помѣ-
 щенное; сіи отрывки заслуживаютъ быть чита-
 ны со вниманіемъ и содержатъ споль справедли-
 выя замѣчанія, что едва ли можно найти подоб-

долго. Послѣ вѣка Цицеронова оно ослабло или лучше пало; и совсемъ не удивительно. Поелику не только свобода исчезла, но и возникла еще вмѣсто оной тираннiя самодержавной власти и провидѣнiе во гнѣвъ своемъ предало Имперiю Римскую преемничеству такихъ Императоровъ, которые болѣе могутъ быть почтены чудовищами, опредѣленными для наказанiя рода человѣческаго. Натурально надобно было ожидать, что подъ гибельнымъ жезломъ ихъ вкусъ повредится и высокiй даръ приведенъ будетъ въ унынiе. Нѣкоторые изъ изящныхъ искусствъ, не только зависящiя отъ свободы, еще нѣсколько времени поддерживались; но смѣлое краснорѣчiе, которое употребляемо было въ Сенатѣ и при разсужденiи о дѣлахъ общественныхъ, не было уже терпимо. Въ разговоръ *de causis corruptae eloquentiae*, который одни приписываютъ Тациту, а другiе Квинтилиану, прекрасное находится описанiе дѣйствiя на краснорѣчiе, измѣненiемъ правленiя и нравовъ произведеннаго. Тогда знали болѣе одну роскошь, изнѣженность и ласкашество. Площади опустѣла и хотя частныя дѣла и защищаемы еще были, но народъ не имѣлъ участiя въ оныхъ и вниманiе его не было болѣе обращено на дѣла общественныя. „*Unus inter haec, et alter dicenti assistit; et res velut in solitudine agitur. Oratori autem clamore plausuque opus est, et velut quodam theatro, qualia quotidie antiquis oratoribus contingebat; cum tot ac tam nobiles forum coartarent; cum clientelae et tribus et mancipiorum legationes periclitantibus assisterent; cum in plerisque judiciis crederet*

ныя замѣчанiя о семъ предметѣ у всякаго другаго изъ новѣйшихъ писателей.

populus Romanus sua interesse quid judicaretur; п. е. Палаты Сенапскія споль опуспѣли, что орапоръ какъ будто бы одинъ въ нихъ находишся и говоришь кажется однѣмъ спѣнамъ. Но орапору нужны шумное собраніе и рукоплесканія и какъ бы нѣкошорыя позорища подобныя тѣмъ, каковыми орапоры ежедневно окружены были въ древности, когда споль великое число и споль знаменитыхъ людей тѣснилось на площади; когда множество покровительствуемыхъ и приобы и послы приписныхъ городовъ были свидѣтелями споровъ; когда народъ Римскій во всякихъ дѣлахъ, о коихъ разсуждаемо было, какъ будто въ собственномъ своемъ участвоваль.

Въ школъ зараженныхъ спрастію къ велерѣчивости краснорѣчіе вовсе было искажено. Брали для содержанія предметы выдуманые, которые обременяли украшеніями ложными и принужденными, тогда въ обыкновеніе вошедшими. „*Pace vestra liceat dixisse*, (говоришь Пепроній къ витійствователямъ своего времени) *primi omnium eloquentiam perdidistis, levibus enim ac inanibus sociis ludibria quaedam excitando effecistis, ut corpus orationis enervaretur atque caderet. Et ideo ego existimo adolescentulos in scholis stultissimos fieri, quia nihil et iis, quae in usu habemus, aut audiunt aut vident; sed piratas cum catenis in littore stantes et tyrannos edicta scribentes, quibus imperent filiis, ut patrum suorum capita praecedant; sed responsa in pestilentia data, ut virgines tres aut plures immolentur; sed mellitos verborum globulos et omnia quasi papavere et sesamo sparsa. Qui inter haec nutriuntur, non magis sapere possunt, quam bene olere, qui in culina habitant*; п. е. позволше вамъ сказаць, что вы-по первѣе всѣхъ повредили краснорѣчіе; вы-по, пущыми и ни-

чего незначущими звуками своими возбуждая нѣкоп-
 рый смѣхъ, сдѣлали то, что оно обезсилѣло и упало.
 И потому я увѣренъ, что молодые люди изъ школъ
 вашихъ выходятъ весьма глупыми; поколику они ни-
 чего не видятъ, ниже слышатъ такого, что мы въ
 обыкновенной жизни имѣемъ, а развѣ только морскихъ
 разбойниковъ, съ оковами на берегу спящихъ и пи-
 ранновъ предписывающихъ сынамъ опнимаю жизнь
 у опцевъ своихъ; развѣ одни опившы оракуловъ, во
 время заразы данные, коими повелѣвалось прехъ или
 многихъ дѣвицъ приносить въ жертву; развѣ однѣ
 подслащенные слова и все какъ будто бы цвѣтами
 усыпанное, но бездушное. Воспитываемые такимъ об-
 разомъ не болѣе могутъ приобрести хорошаго вкуса,
 какъ и живущіе въ кухнѣ издавать приятнаго запа-
 ху. — Мужественное и сильное краснорѣчіе знамени-
 тѣйшихъ орапоровъ, будучи въ рукахъ Греческихъ
 риторовъ, обезображено было, какъ то я и показалъ
 уже, понкостями и хипросплетенными лжеумспова-
 ніями; а въ рукахъ Римскихъ вишійствователей оно
 сдѣлалось принужденнымъ и наполненнымъ повсюду
 острыми мыслями и прошивуположностями. Въ сочи-
 неніяхъ Сенеки упадокъ сей начинается уже быть ощу-
 шительнымъ. Онъ очевидно примѣтенъ въ похваль-
 номъ словѣ Траяну, которое сочинено Плиніемъ млад-
 шимъ и которое можно считать послѣднимъ напря-
 женіемъ силъ краснорѣчія Римскаго. Хотя сочинитель
 имѣетъ въ себѣ высокій даръ, но въ немъ нѣтъ ни
 легкости, ни натуральности. Вездѣ примѣтны усилія
 опличиться отъ обыкновеннаго образа мыслей и под-
 держатъ принужденную возвышенность.

При склоненіи Римской Имперіи введеніе Христіанства открыло новый источникъ краснорѣчія. Появились защитительныя рѣчи (апологіи), проповѣди и пастырскія посланія Св. опцевъ. Изъ Латинскихъ Св. опцевъ Лактанцій и Минуцій Феликсъ суть самыя знаменитѣйшіе по числотѣ слога и въ вѣкѣ не очень отдаленномъ славный Св. Августиинъ достигъ до высочайшей степени силы и важности. Съ претрѣяго и четвертаго вѣка ихъ способъ выраженія становился жесткимъ и вообще они заражены царствующимъ вкусомъ къ надушности, изысканнымъ мыслямъ и игрѣ словъ. Знаменитѣйшій изъ Греческихъ Св. опцевъ, по превосходству своего краснорѣчія, неоспоримо есть Св. Златоустъ. Языкъ его чистъ и преисполненъ красотою. Онъ приятенъ, изобиленъ и иногда спростъ; но онъ не изъяснъ опъ того упрека, который всегда относнся къ краснорѣчію Азіатическому. Его способъ, обыкновенно изобильный, доходитъ иногда до надушности. Чтеніе его однако можетъ быть полезнымъ для духовнаго краснорѣчія. Онъ не столько обремененъ ложными украшеніями, какъ другіе Св. опцы Латинскіе.

Не примѣчая болѣе ничего такого, что заслуживало бы вниманіе въ среднихъ вѣкахъ, я перехожу къ разсмотрѣнію состоянія краснорѣчія у новѣйшихъ. Безъ сомнѣнія ни одинъ изъ Европейскихъ народовъ не умѣлъ придавать публичнымъ рѣчамъ столько важности, какъ Греки и Римляне. Опъ невнимательности къ онымъ уменьшились и дѣйствія ихъ; и хотя возстановленіе новой должности, т. е. возстановленіе церкви и было поводомъ къ величайшему ободренію искусства орашорскаго, но вовсе уже почти преспали

успремляться къ высокому роду, который былъ въ силѣ во время древняго правленія. Казалось, что въ самомъ духѣ человѣческомъ произошла въ семь отношеній перемѣна. Два государства, въ которыхъ по справедливости болѣе можно было ожидать возрожденія краснорѣчія, суть Франція и Англія; Франція, по причинѣ народнаго вкуса ко всѣмъ свободнымъ искусствамъ и общественныхъ ободреній, коими пробуждали оныя, пому уже болѣе вѣка; а Англія, по причинѣ духа и способности ея обитателей и свободного ея правленія. Однако ни въ той, ни въ другой публичныя рѣчи не достигли до прежней степени краснорѣчія. И хотя въ другихъ произведеніяхъ высокаго дара, какъ въ прозѣ, такъ и стихахъ, они сравнились, а иногда даже и превзошли Грецію и Римъ; но до сихъ поръ еще Демосѣенъ и Цицеронъ не имѣли соперника, который бы дѣлалъ перевѣсъ надъ ними. Предосудительно и глупо было бы поспавлять какого либо оратора новѣйшаго на ряду съ ними или бы даже и въ незначущемъ оупъ нихъ разстояніи.

Можно бы особенно удивляться слабому блеску, который краснорѣчіе бросало даже до сихъ поръ въ Англіи, гдѣ оно долженствовало бы быть ободряемо смѣлостію народнаго духа. Изъ всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ одни Англичане имѣютъ народное правленіе и довольно многочисленныя собранія, доставляющія способъ могуществу краснорѣчія разпространять на него все свое вліяніе. Но не смотря на всѣ сіи выгоды, они въ разсужденіи всѣхъ отраслей краснорѣчія неоспоримо суть гораздо ниже не только Грековъ и Римлянъ, но въ нѣкоторыхъ частяхъ и ниже самыхъ Французовъ. Во всѣхъ почти наукахъ Англія имѣетъ

гораздо просвѣщеннѣйшихъ ученыхъ, нежели всякая, можетъ быть, другая страна; она имѣетъ философовъ, историковъ и пѣимовъ первой степени; но нельзя сказать, чтобы она была богата публичными ораторами и трудно было бы искать памятниковъ ихъ высокаго дара. Во всѣ почти времена случалось видѣть такихъ особъ, кои въ рѣчахъ Парламента приобрѣтали себѣ нѣкоторую славу, но это болѣе по ихъ благоразумію и опытности въ дѣлахъ, нежели по дарованіямъ ораторскимъ; и выключая немногія обстоятельства, въ которыхъ дарованія сіи испинно блеснули, рѣчи Парламента вмѣсто всякой выгоды производили только однѣ рукоплесканія для тѣхъ, кои приносили оныя. Хотя въ судебномъ краснорѣчьи безспорно мы имѣемъ искусныхъ въ сказываніи защитительныхъ рѣчей, но сіи рѣчи ихъ не почтены достойными, быть преданными потомству: онѣ равно забыты были какъ и тѣ дѣла, кои предметъ ихъ составляли. Во Франціи съ удовольствіемъ читаютъ защитительныя рѣчи Папрю, въ послѣднемъ вѣкѣ жившаго, такъ же Кошина и Дагессо, которые еще позже его говорили оныя. Французскіе кристики представляютъ ихъ за образецъ краснорѣчія. Тоже можно сказать и о духовномъ краснорѣчьи. Трудно было бы найти гдѣ нибудь произведенія столь исполненныя мудрости и разсудительности въ семь родѣ, какъ произведенія нѣкоторыхъ изъ духовенства Англійскаго. Мы имѣемъ проповѣди запечатлѣнныя и наполненныя благочестіемъ, чистою нравственностію и здравымъ смысломъ; но нельзя сказать, чтобы краснорѣчіе, убѣдительность, искусство привлекать и протасать сердце были соотвѣтственны издѣтельству сихъ

предметовъ. Я не думаю, чшобъ какое либо искусство было у насъ (Англичанъ) далѣе опъ своего совершенства, какъ искусство проповѣдыванія. Я буду имѣть случай показатъ тому причины. А дабы доказатъ дѣйствіе, довольно будетъ замѣнитъ, что Англійская проповѣдь, вмѣсто того, чшобъ быть рѣчью воодушевленную, прогашельною и убѣдительною, всегда почти сосшодитъ изъ длиннаго ряда увѣщаній хотя расшудительныхъ, но худо изложенныхъ. Между тѣмъ у Французовъ являлись Боссюэшь, Массильонъ, Вурдалу и Флешье, спремившіеся и часто достигавшіе такого превосходства въ краснорѣчїи, о каковомъ наши Англійскіе проповѣдники и понятїя, кажется, никогда не имѣли.

Состояніе, въ какомъ краснорѣчіе находишься у сихъ двухъ народовъ, различается тѣмъ, что Французы вообще снискали себѣ величайшія понятїя о силѣ нравиться и убѣждать, соединенной съ искусствомъ ораторскимъ; но что они не всегда съ успѣхомъ употребляли оныя: между тѣмъ какъ Англичане, не предпринимая простирашь до столь высокой степени краснорѣчїя, исправнѣе были въ употребленїи онаго. Во Франціи слогъ ораторовъ отважнѣйшими украшенъ фигурами; ихъ рѣчь простираннѣе и болѣе имѣетъ жару и возвышенности; ихъ сочиненіе часто имѣетъ великое изящество; но оно иногда слишкомъ обильно и не имѣетъ силы, которая сосшавляетъ главное могущество краснорѣчїя. Сей недостатокъ производитъ частїю, можетъ быть, опъ духа народа, который столько же обращаетъ вниманія на украшенія, какъ и на вещи; а частїю опъ свойства правленія, которое, оставляя краснорѣчію

весьма мало или и вовсе никакого вліянія на дѣла общественныя, опнимаешь у него самыя вѣрнѣйшія средства къ приобрѣтенію силы: и шакъ кафедра есть единственнѣйшій источникъ онаго. Члены Французской Академіи произносятъ, по случаю принятія ихъ въ оную, нѣкопорога рода рѣчи, въ копорыхъ виденъ иногда оппечатокъ высокаго дара; но по крайней скудости въ предметахъ, о копорыхъ можно бы разсуждать свободно, они принуждены ограничить себя безплоднымъ и скучнымъ поприщемъ однѣхъ похвальныхъ рѣчей.

Я замѣнилъ уже, что Греки и Римляне имѣли въ виду краснорѣчіе несравненно возвышеннѣйшее и важнѣйшее нынѣшняго. Оно было сильное и страшное. Они спремались воспламенить и увлечь воображеніе своихъ слушателей; они къ важности мыслей присоединяли и важность шѣлдвиженія: Цицеронъ научаешь насъ, что *supplisio pedis* и *percussio frontis et femoris*, ш. е. шопаніе ногою и удареніе о чело и о бедро, были шѣлдвиженія весьма полезныя въ краснорѣчій судебномъ. Во всякомъ другомъ мѣстѣ, кромѣ театра, онѣ показались бы намъ шеперь крайнимъ сумазбродствомъ. Краснорѣчіе новѣйшее есть шепеннѣе и скромнѣе, особливо въ Англии, гдѣ оно ограничено одною почти справедливостію доказательствъ. Это шопъ же почти родъ, копорой древніе крипики называли *tenuis vel subtilis*, копорый не шолько спремился возбудить спраспи, какъ преклонить наславляя, и никогда не оставляешь обыкновеннаго тона разсужденій или разговора. —

Многія причины могли опстановлять усилія краснорѣчія у новѣйшихъ народовъ; опчаспи перемѣну

сѣю должно, можешь бышь, приписать исправленію разума или мыслей, коимъ новѣйшіе изучились. Неоспоримо, что древніе Греки и Римляне провозили насъ въ нѣкоторыхъ усиліяхъ высокаго дара; но я не думаю, чтобъ мы въ точности и справедливости разсужденій о разныхъ предметахъ не имѣли явнаго преимущесства предъ ними. Со временемъ Философія усовершенствовалась и люди привыкли, особливо на сѣмъ оспровѣ, самымъ точнѣйшимъ образомъ приспособлять правила здраваго разума къ предметамъ всякаго рода. А отсюда и происходитъ, что мы относительно вліянія, производимаго изящнымъ выраженіемъ мыслей, бываемъ оспорожнѣе и къ стремленію обольстить насъ краснорѣчіемъ внимательнѣе. Наши ораторы, намѣреваясь поразить воображеніе или возбудить страсти, по необходимости бываютъ оспришельнѣе, нежели ораторы древніе; въ той же степени умѣреннѣе и высокій даръ ихъ, а можешь бышь и слишкомъ уже ослабленъ вліяніемъ господствующаго вкуса. Надобно однако признаться, что и сѣ самое дѣйствіе исправленія есть, большею частію, можешь бышь, слѣдствіе вялости и холодности нашихъ природныхъ дарованій; ибо кажется, что Греки и Римляне, а особливо первые имѣли въ такой степени живость и чувствительность, при которой они гораздо лучше насъ могли представлять себѣ и чувствовать всѣ красоты искусства ораторскаго.

Сверхъ сихъ замѣчаній, надобно еще разсмотрѣть и обстоятельство, относящіяся къ премъ родамъ рѣчей публичныхъ, коихъ краснорѣчіе между нами, кажется, упало. Хотя Парламентъ Англійскій нынѣ есть поприще обширнѣйшее и благороднѣйшее, какое

только Европа предсавить можеть орапору, однако краснорѣчіе въ нихъ никогда не производило такихъ же дѣйствій, какихъ виною было оно въ народныхъ собраніяхъ Греціи и Рима. Въ царствованіе нѣкоторыхъ предыдущихъ Государей все было спѣснено подъ жезломъ самодержавной власпи, а посаѣ всегда почти усиливалось вліяніе Миниспровѣ. Власпъ краснорѣчія хопя еще важная, однако рѣдко дѣлала перевѣсъ подъ пѣми двумя упомянутыми мною власпями, и потому натурально и учался оному съ меньшею ревностію и съ меньшимъ прилѣжаніемъ, нежели когда бы увѣрены были, что дѣйствія его на дѣла были надежны и непреоборимы.

Въ судебномъ краснорѣчіи мы имѣемъ великія невыгоды въ сравненіи съ древними. У нихъ судей вообще было весьма много; законы ихъ были просты и не столь многочисленны; справедливость и здравый разумъ по большой часпи всѣ дѣла рѣшали; это открывало обширное поле для краснорѣчія, которое называли они судебнымъ. Но у новѣйшихъ это идетъ совсемъ иначе; составъ законовъ (система ихъ) чрезвычайно сложенъ и познаніе оныхъ требуетъ труда столь долговременнаго и тягостнаго, что приказный человекъ принужденъ цѣлую жизнь свою преимущественно посвящать на оное. Искусство говорить есть только вспомогательное дарованіе, для котораго онъ можеть, и то весьма мало, употребить своего времени и старанія. Сверхъ того, краснорѣчіе судебное заключается гораздо въ пѣснѣйшихъ границахъ; ибо въ немъ, выключая весьма немногихъ случаевъ, объявы разсуждають спорого соображаясь съ законами; по-

средствомъ чего наставленіе сдѣлалось гораздо нужнѣйшимъ, нежели искусство ораторское.

Опшосительнo духовнаго краснорѣчія, обыкновеніе читали проповѣди, усилившееся въ Англіи, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы произносить оныя наизусть, есть безъ сомнѣнія великая невыгода; можетъ быть опшуда произошла большая почность, но это причиняетъ вредъ краснорѣчію: рѣчь, которую читаютъ, никогда не произведетъ такого впечатлѣнія на слушателей, какъ та, которую произносятъ наизусть; сочиненіе и произношеніе суть всегда весьма различны. Краснорѣчіе духовное померкло еще и опъ другаго обстоятельства. Прежде возстановленія онаго, еретики и суевѣры начали употреблять въ ученіи своемъ краснорѣчіе весьма сильное, а въ послѣдствіи сообщники ихъ продолжали опшичаться такимъ же и произношеніемъ. Ненависть, которой они подпали, была причиною, что въ возстановленной церкви, дабы уклониться опъ жару, который они простерли до крайности, ввели, какъ говорятъ, слишкомъ много холодности и единозвучія. И опшуда-то происходитъ, что искусство сказывать проповѣди, которое долженствовало бы быть искусствомъ убѣжденія, ограничивается въ Англіи однимъ холоднымъ наставленіемъ. Сія новость не только вредна была краснорѣчію духовному, но она же, приучивъ народъ къ такому роду хладнаго разсужденія, способствовала такъ же ко введенію сего способа и въ другіе роды рѣчей публичныхъ.

Я представилъ нѣкоторое общее обозрѣніе краснорѣчія новѣйшаго и старался изъяснить причины на- стоящаго его положенія; мы видѣли, что оно весьма много потеряло своего блеска, что изъ высокаго и

сильнаго оно сдѣлалось умѣреннымъ и единозвучнымъ. Однако оно представляеть еще обширное поприще, и слабость успѣховъ онаго происходитъ болѣе отъ недосыпашка ревности и прилѣжанія, нежели отъ недосыпашка способности или высокаго дара; можно еще приобрести славу, изучаясь оному и произвести дѣйствія весьма важныя. Можно подражать великимъ образцамъ, какіе мы имѣемъ, опасаясь только того, чтобы не проспёрть подражанія своего далѣе, нежели сколько вкусу и способу новѣйшихъ времявъ прилично.

V. РѢчь,

Произнесенная при открытіи Студенческаго Библейскаго Сотоварищества въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Харьковскомъ Университетѣ Студентами Ивановъ Золотаревыми 1821 года Мая 8 дня.

Недавно предъ симъ въ семь самомъ священицѣ наукъ, о сладостное воспоминаніе! пламенѣя живѣйшею любовію къ слову Божію, подъ руководствомъ почтеннѣйшаго и любимаго наставника нашего (*), мы собирались для составленія Студенческаго Библейскаго Сотоварищества. Нынѣ желаніе наше, одобренное высокимъ Начальникомъ нашимъ исполняется. Возблагодаримъ провидѣніе, что живемъ въ столь щасливое время, обильное великими событіями міра Политическаго и Нравственнаго, когда и мы можемъ по мѣрѣ силъ нашихъ, участвовать въ семь великомъ дѣлѣ, коего цѣль на краеугольномъ камени вѣры, воздвигнушь прочный храмъ щасія челоуѣка, возвѣстимъ всѣмъ, языкамъ единого, пришедшаго спасти всѣхъ истиннаго Бога, коего всѣ людѣ суть чада, соединимъ свяшою цѣнью вѣры и любви всѣхъ людей какъ братьей въ одно семейство, одушевленное однимъ духомъ, имѣющее одного пастыреначальника Іисуса Христа.

(*) Ректора Университета Вас. Яков. Джунковскаго.

Такова цѣль, къ коей стремятся всѣ библейскія общества и сотоварищества, разсѣянные по всѣмъ странамъ свѣта, подобно звенамъ цѣпи долженствующей нѣкогда обнять весь шаръ земной. Такова цѣль къ достиженію которой рѣшились и мы содействовать, сошавивъ среди себя библейское сотоварищество. Но что значить капля пущенная въ неизмѣримыя воды пространнаго Океана? что значать наши пожертвованія, замѣтные развѣ по усердію съ коимъ были приносимы, въ сравненіи съ пожертвованіями приносимыми важнѣйшими сословіями Государства, что они значать въ сравненіи съ приношеніями обширныхъ странъ и сильныхъ народовъ? Ничто. Чувствуя въ полной мѣрѣ ничтожность приношеній нашихъ, мы въ семъ только случаѣ жалѣемъ, что скудные сокровищами земными лишены средствъ въ полномъ сіяніи явить сіи чувства столь драгоценныя для насъ любви къ вѣрѣ и слову Божію. Но утѣшимся, незамѣтная по ограниченности силъ и средствъ на величественномъ поприщѣ дѣйствія библейскихъ обществъ ко благу всего рода человѣческаго, мы имѣемъ другое поприще ближайшее къ намъ, гдѣ можемъ съ полною свободою обнаружить всѣ драгоценныя чувствованія нашего сердца, поприще на которомъ увѣренъ я никто изъ васъ, о любезныя сотоварищи! не откажетесь дѣйствовать, ибо кто захочетъ отказаться отъ собственнаго счастья, которое будетъ ему наградою его занятій. Я говорю о занятіяхъ священнѣйшихъ, благороднѣйшихъ, какія только можемъ предпріять: способствуя всѣми силами къ достиженію цѣли библейскимъ обществамъ, и собираясь для того, по особенно установленнымъ для сего правиламъ, посвящая кромѣ того осо-

бенное время чпенію священнаго писанія, дабы соби-
раясь совокуцно подь руководствомъ одного изъ на-
шихъ наставниковъ, просвѣтитъ умъ свой истиннымъ
свѣтомъ слова Божія, напитать душу священными
испинами и высокими образцами, очистишь сердце
опъ всего земнаго и содѣлашь его вмѣстилищемъ не-
беснаго, божественнаго. Не буду говорить о пользѣ
предполагаемыхъ нами занятій и необходимости Хри-
стіанской Религіи, не буду доказывать того, что само
по себѣ ясно и гдѣ доказательства не могли бы при-
бавить ни чего. Что можетъ прибавить пусклой
свѣтъ свѣчи къ сіянію солнца сіяющаго въ полудни?
Что значить слабой голосъ мой предъ гласомъ всѣхъ
вѣковъ и народовъ? Раскройте Исторію вѣрную кар-
тину времени минувшихъ и вы изъ каждой страницы
ея извлечете несумнѣнную истинну, о которой осмѣ-
ливаюсь теперь говорить съ вами, истинну досто-
иную быть всегда главнымъ предметомъ нашихъ мыс-
лей, бесѣдъ и жизни, истинну подтвержденную всѣми
вѣками и народами; что единственно на камени вѣры
и опкровенія предсавленномъ въ Священномъ писа-
ніи, можетъ споять пвердо храмъ человѣческаго бла-
гополучія (а), что всякое иное основаніе храма сего,
есть основаніе на пескѣ, и сниде дождь и пріидоша
рѣки, и возвѣяша вѣтры и опрошася храминѣ той,

- (а) Сей есть камень (говоритъ Св. Пепръ о Іисусѣ
Христѣ въ первой проповѣди своей къ Іудеямъ.
Дѣя. гл. IV сп. 11) укоренный опъ васъ зижду-
щихъ бывый во главу угла, и нѣсть ни о единомъ
же иномъ спасенія; нѣсть бо инаго имени данна-
го подь небесемъ въ человѣцѣхъ; онемъ же подо-
баешь спасшися намъ.

и бѣ разрушеніе ея веліе (а). Блещущій разумъ, благодѣшныя науки, высокая добродѣшель супь драгоцѣнныя украшенія сего храма, но не могутъ бытъ его основаніемъ. Чпо значить разумъ безъ вѣры незаренный свѣломъ высшаго откровенія? Блескъ молніи озаряющей насъ на минуточку, чпобы погрузить попомъ въ большій мракъ; свѣтъ освѣщающей одно видимое, одни часпи природы, но слабый чпобы открыть ее въ цѣломъ, чпо бы обнаружили внутреннее, невидимое, духовное. Раскроемъ Исторію, тамъ увидимъ часпо на одной и той же страницѣ вѣрныя доказательствъ величія и вмѣстѣ слабости ума нашего. Греція драгоцѣнная колыбель наукъ и искусствъ украсившихъ ее своими плодами, гдѣ разумъ явился во всемъ своемъ блескѣ невѣдала истиннаго Бога и преклоняла колѣна предъ кумирами, въ то время когда Иудея едва знакомая съ первыми начатками наукъ и искусствъ, но озаренная свѣломъ высшаго откровенія поклонялась единому Іеговѣ, творцу всего видимаго и невидимаго.

Таковъ разумъ нашъ предоставленный собственнымъ силамъ, ненадежный вождь на спезѣ жизни, пускатель свѣщильникъ во мракѣ насъ окружающемъ, ибо освѣщеніе его, какъ изразилъ почтенный Авлоръ бесѣды разума съ вѣрою, есть только внѣшнее и для внѣшнихъ предметовъ, внутрь же челоуѣка къ вѣчной его душѣ, или ко внутреннему челоуѣку проникнуть не можетъ (b).

(а) Матѣ. Г. VI. ст. 26.

(b) См. мысли на досугѣ поучающагося истиннамъ вѣры смр. 31, 32.

И если разумъ не можетъ быть единственнѣйшимъ вождемъ на пути жизни, а поному главнымъ и единственнѣйшимъ предметомъ нашей жизни, то слѣдственно и науки. Науки, сей благодѣтельной плодъ ума, сїи вѣрныя хранилищницы его приобрѣщеній и сокровищъ, тогда наиболѣе достойны насъ, когда открывая природу, открываютъ съ тѣмъ вмѣстѣ болѣе средствъ принести пользы нашимъ согражданамъ, когда возвышаютъ духъ нашъ понятіемъ о Творцѣ, открывающемся ясно во всѣхъ частяхъ природы, которая есть единственный предметъ всѣхъ наукъ. Но если науки довольствуясь однимъ удовлетвореніемъ ума, служащимъ часно орудіемъ суешной гордости, непроникаютъ въ сердце, если ограничиваясь однимъ видимымъ, механическимъ разсматриваніемъ природы не возвышаютъ духа высокимъ чувствомъ удивленія и любви къ высочайшему виновнику ея, то это не науки, это ремесла; и Аспрономъ, измѣряющій равнодушно небеса и мїры безъ высочайшаго воспорага о мудромъ виновникѣ ихъ, есть существо достойное сожалѣнія! Но чпобъ науки могли воспламенить сердце наше любовью къ добру, должно взирать на нихъ не съ холодной точки ума, какъ на систематическое собраніе правилъ, но съ возвышенной точки вѣры, какъ на картину или прекрасный списокъ природы, гдѣ отражаются плѣнительныя черты высочайшаго ея виновника. Тогда каждая наука разкрывая нашъ умъ, будетъ вмѣстѣ и лучшимъ средствомъ къ образованію сердца. Ведя опъ познанія природы къ познанію Творца, она воспламенить любовь къ нему и желаніе ему угодишься, желаніе изъ котораго произтекаютъ всѣ добродѣтели. Тогда каждая наука, основанная на камени

вѣры будеть вмѣстѣ и наукою нравственности. Такъ подь руководствомъ только вѣры образованіе ума можетъ быть неразлучно соединено съ образованіемъ сердца.

Но если вѣра столь необходима для наукъ, если благодѣтельный свѣтъ ея столь нуженъ для блудящаго разума, то тѣмъ необходимѣе она для нравственности, которую напрасно хотять утвердить безъ вѣры. Что есть нравственность безъ вѣры, безъ откровенія Евангельскаго? слово безъ значенія; ибо на чѣмъ утвердимъ ее? на разумѣ? но онъ ограниченъ, слабъ, часто противорѣчитъ самъ себѣ и измѣняетъ намъ въ важнѣйшихъ истинахъ. На совѣсти? но спасительный гласъ ея не всегда дѣйствуетъ въ поврежденномъ челоуѣкѣ, не всегда бываетъ для него внятень. Одна вѣра въ высочайшее существо или справедливѣе, нѣкое темное понятіе объ ономъ всегда сохранявшееся въ сердцѣ падшаго челоуѣка, среди всѣхъ его заблужденій, среди самаго идолопоклонства предохраняло сердце челоуѣка отъ совершеннаго развращенія къ коему влекли его коварный умъ и мятежныя страсти. Такъ, сіе-то естественное понятіе о верховномъ существѣ было единственною причиною почему явчники поклоняясь порокамъ и спрашяемъ въ кумирахъ Боговъ своихъ, населивъ ими небо, обожали добродѣтель и ужасались порока. Почему нѣкоторые изъ философовъ ихъ, преподавая противныя начала нравственности удивляли примѣрною, добродѣтельною жизнью. Но сіе темное понятіе о верховномъ существѣ сія подобно искрѣ во тѣмъ ночи, не могло озарить глубокаго мрака покрывавшаго древнихъ, не могло показашъ роду челоуѣческому истиннаго пути, по

коему онъ долженствовало шествовать. Разумъ дви-
 жимый страстями владычествовалъ часто на помь-
 мѣшѣ, гдѣ бы одна Религія долженствовала дѣйстви-
 вать и производить ишѣ дѣянія проическія, коимъ мы
 удивляемся, но кои предъ строгимъ судилищемъ Хри-
 стианской нравственности разсмащивающей сокро-
 вѣннѣйшія побужденія сердца, перяютъ почти всю
 свою цѣну, ибо источникъ ихъ былъ мущень, онъ
 былъ человѣческой. Вѣра Христианская очистила сей
 источникъ и поставила добродѣтель на высочайшую
 степень совершенства, о коемъ прежде не смѣли и
 мечтать. Она отняла преграду раздѣляющую Бога съ
 человѣкомъ и явила Его въ лицѣ Спасителя нашего
 Иисуса Христа, сколько слабый человѣкъ вмѣстивъ
 могъ, показала мѣсто ушраченного человѣкомъ, его па-
 деніе, заблужденія, средство къ примиренію и будущее
 его высокое предназначеніе, и человѣкъ увидѣлъ цѣль,
 къ которой онъ долженъ опреститься, узналъ средство
 достигнуть ея, вѣруя во Христа, исполняя законъ
 его, законъ святѣйшій, на которомъ основано его ща-
 стіе, любить Бога паче всего, а ближняго какъ самаго
 себя. Только одинъ Богочеловѣкъ могъ открыть сей
 законъ, который возноситъ человѣка выше человѣка,
 только одинъ Богочеловѣкъ могъ открыть сей источ-
 никъ добродѣтелей, неимѣющій ничего земнаго. Что
 можешь быть величественнѣе, святѣе, божественнѣе
 сего ученія? любить добродѣтель, не изъ корысти
 или славы, но изъ любви къ Богу, который предста-
 вляетъ намъ ее какъ единственное средство прибли-
 зиться къ нему. Въ какихъ писателяхъ найдемъ пра-
 вила шоль божественныя, шоль драгоценныя? про-
 щать и любить враговъ, искашь добровольно напасть

униженія, изъ любви къ Богу. Правила неслыханныя никогда, что значать предъ вами надменные правила суемудрыхъ философовъ? Добродѣтели язычества, коимъ столь удивляемся, не разсмапривая ихъ источника, что значите вы въ сравненіи съ добродѣтелями Христіанства, когда безпримѣрная, неслыханная добродѣтель Сократа пожертвовавшаго жизнью за истинну, содѣлалась обыкновенною добродѣтелію Христіанъ, какъ представляеть намъ Исторія первыхъ временъ церкви? Такъ, книга Евангелія, сей камень вѣры нашей, есть божественная книга чистѣйшей нравственности, на которую мы должны обращать все наше вниманіе. Проспите мнѣ, что я, увлеченный предметомъ, осмѣлился предъ вами повторить то, что одинъ изъ почтеннѣйшихъ и любимыхъ наиболѣе нами наставниковъ (а) (вы уже отгадали о комъ я говорю), столь часто внушалъ намъ и столь превосходно изложилъ въ своихъ лекціяхъ Нравственной Философій.

И такъ если одно Евангеліе можетъ показать истинный путь, по которому должны мы шествовать, если при пособіи только вѣры свѣтъ ума получаетъ свое сіяніе, и науки коимъ посвящаемъ лучшее время жизни, приносятъ желаемую пользу, то что можетъ быть благороднѣе и полезнѣе предпріятія нашего посвятивъ особенное время чтенію Священнаго Писанія? Оно озаритъ умъ нашъ высокими истиннами, кои разольютъ свѣтъ на всю природу видимую и невидимую, возвысятъ духъ нашъ, согрѣетъ сердце любовію къ Божеству, единственному

(а) Андр. Иван. Дудровичъ П. О. Профессоръ Философій при Университетѣ.

источнику всякаго добра, совлечеть съ насъ вепхаго
человѣка, чптобы явилъ внушрнннго, возродилъ насъ,
и изъ чадъ живота и крови содѣлаеть чадами Божіи-
ми и наслѣдниками Царства Божія. Но съ сими ду-
ховными выгодами ожидающими насъ при членіи Свя-
щеннаго Писанія, мы вкусимъ всѣ выгоды мірской
мудрости. Чипая Священное Писаніе мы откроемъ
новый источникъ удовольствій, новую пищу уму, мы
ознакомимся короче съ древною Исторіею міра и че-
ловѣка выходящаго изъ младенчества, увидимъ первые
начатки наукъ и искусствъ, первыя соединяющіеся
Державы, встрѣнимъ примѣчательныя, драгоцѣнныя
черты Исторіи человѣка, незамѣченныя никакими
историками, найдемъ высокую, новую Философію со-
всемъ отличную отъ Греческой, Нравственность при-
мѣненную ко всѣмъ случаямъ и обстоятельствомъ жи-
зни, наконецъ вѣдѣство неуступающее ни Греческому,
ни Римскому, оригинальное, носящее печать божес-
твеннаго произхожденія, удивительное, подобно спра-
нѣ, гдѣ оно родилось, гдѣ произошло столько чу-
десъ, гдѣ совершилось столько переворотовъ; найдемъ
необыкновенный языкъ и всѣ роды слоговъ; будемъ
удивляться внимая величественному повѣствованію
Моисея, подобно Творцу міра спокойно производивше-
му міръ, спокойно описывающему его сотвореніе; бу-
демъ подобно орлу парящему къ солнцу вмѣстѣ съ
Давидомъ возноситься къ престолу Вышняго, чптобы
воспѣть достойную ему пѣснь предъ лицомъ вселен-
ныя; будемъ поражаться высокимъ духомъ Пророковъ;
вдыхать и жаловаться съ Іовомъ и плакать внимая
печальнымъ звукамъ лиры Іереміевой; но переходя къ
Новому Завѣсту, мы услышимъ новый голосъ пріяпнѣй-

шій всѣхъ прежнихъ. Здѣсь видимъ Бога уже непоражающаго спрашнымъ своимъ величїемъ, но въ образѣ челоуѣка, плѣняющаго насъ таинственною простотою и крошестїю, здѣсь внимаемъ сладостному гласу его, подобно гласу снисходительнаго отца, или нѣжнаго наставника, проникающему во глубину сердца и не можемъ удержатъ сладостныхъ слезъ умиленїя! Такъ съ каждою страницою Священнаго Писанїя, мы встрѣпимъ новое удовольствїе, если сердце наше не поперядо совершенно чувствва; но съ симъ удовольствїемъ получимъ и другую выгоду не менѣе существенную: ознакомимся лучше съ драгоценнымъ источникомъ, изъ котораго всѣ писатели обезсмертившіе нашу словесность, болѣе или менѣе почерпали, я говорю о языкѣ Славянскомъ; узнаемъ его силу, величїе, красоту; узнаемъ силу многихъ словъ измѣнившихъ нынѣ свое значенїе, или совсѣмъ уже умершихъ, и изъ языка книгъ Священнаго Писанїя, какъ вѣрнаго оппечатка народной образованности, будемъ судить о просвѣщенїи нашихъ предковъ. Такимъ образомъ книга Священнаго Писанїя, будучи для насъ книгою Вѣры, Нравственности, Исторїи, Словесности будетъ вмѣстѣ и лучшею книгою къ усовершенствованїю себя въ оппечесивенномъ языкѣ.

Такова польза ожидающая насъ при чтенїи Священнаго Писанїя; но къ чему говоримъ объ ней; опп насъ самихъ зависить получить ее въ большей или меньшей степени. Священное Писанїе подобно солнцу разливаетъ благодѣтельный свѣтъ свой на всѣхъ люддей равномѣрно, но каждой изъ нихъ пользуется имъ различно. Есть люди, на коихъ лучи его, подобно какъ на камни лучи солнца, не дѣйствуютъ; есть

люди для коихъ благодѣтельный свѣтъ его служа пищею одного любопытства; не оживляетъ ихъ, ето растлѣнїя, если можно пакъ сказать, міра нравственнаго; но есть люди, коимъ благодѣтельный свѣтъ Священнаго Писанїя, подобно свѣту солнца для человѣка, открываетъ природу во всемъ ея величїи, міръ духовный въ связи съ Физическимъ и въ нихъ какъ въ зеркалъ высочайшаго ихъ Творца. Внупись убо васъ есть Царствїе Божїе говоритъ Божественный нашъ Спаситель, въ насъ самихъ скрывается польза насъ ожидающая. Приступимъ къ чтенїю Священнаго Писанїя не для удовольствованїя суетнаго любопытства, не изъ гордости, чтобы высочайшїя тайны Творца испытывать на вѣсахъ слабаго ума нашего, не по наружности чтобы читая его сердцемъ далече описывать, но съ желанїемъ просвѣтитъ умъ свой лучами вѣры, согрѣтъ хладное сердце огнемъ любви къ Богу, какъ источнику всякаго добра, съ желанїемъ какъ прекрасно выразился сочинитель разсужденїя о пользѣ чтенїя Священнаго Писанїя: обратишь все написанное въ ономъ въ сокъ жизни, въ основанїе всѣхъ мыслей, желанїй и дѣянїй своихъ (а). Приступимъ къ чтенїю его не съ гордымъ умомъ, но съ сердцемъ чистымъ, покорнымъ, гошовымъ къ ириняшїю спасительныхъ его истинъ. Не будемъ испытывать великихъ таймъ, кои въ немъ сокрыты. Начнемъ вѣрою, ибо всякое земное даже ученїе начинается довѣремъ. Дитя не испытываетъ первоначально своего наставника, но слѣпо вѣришь ему и въ послѣдствїи уже вкушаетъ благодѣтельные плоды сего довѣрїя, въ послѣдствїи уже по-

(а) О пользѣ чтенїя Священнаго Писанїя стр. 35.

дѣлаемъ истину ему прежде внушеннаго; подобно и мы ужели отвергнемъ то, что съ перваго взгляда слабой разумъ нашъ понять не въ силахъ и что въ послѣдствіи содѣлается для насъ яснѣе (а)? Вѣра откроешь намъ то, что скрыто отъ очей ума, и гласъ сердца объяснишь намъ все, что напрасно стремимся постигнуть разумъ. И хотя бы мы недостигли сей высокой степени вѣры и Христіанской жизни, коея немногіе избранные здѣсь достигаютъ, степени, гдѣ все кажется яснымъ и понятнымъ, хотя бы встрѣтили для себя много непостижимаго, то читая Священное Писаніе будемъ взирать на него не такъ, какъ на произведеніе человѣческое писанное для одного настоящаго, имѣющее предметомъ земное, гдѣ не смотря на все то, мы часто колеблемся нѣсколько сполнѣній не смѣя отвергнуть какую нибудь гипотезу, не говорю уже истину, но какъ на слово самаго Бога, показывающее не одно земное но и небесное, писанную не для одного настоящаго, но и для будущаго, какъ на книгу которая предопредѣлена свыше приготовить родъ человѣчскій къ будущему высокому его состоянію, и заранѣе ознакомить съ высокими истиннами, кои содѣлаются для насъ совершенно ясными въ безсмертіи, книгу въ коей высокія истинны будущаго сокрыты таинственно еще въ сѣмени неразвернутыми (б). Удивительно ли что не всякой мо-

(а) Аще не будете аки дѣти не увидите въ Царствіе Божіе.

(б) Видимъ убо ихъ нынѣ якоже зеркаломъ въ гаданіи, тогда же лицомъ къ лицу; нынѣ разумѣю отъ часпи, тогда же познаю. Посл. къ Корин. Св. Павла Глава 13. сл. 12.

жешь постигнуть ихъ нынѣ? не всякой можешь познать ихъ умомъ земнымъ. Повторю еще, приступая къ чтенію Священнаго Писанія должно избрать въ вожака не гордый умъ, но покорную вѣру; съ первымъ пержаяся безпокойствомъ вездѣ найдемъ непоспозимое шайны и наконецъ заблудимся среди глубокаго мрака, съ послѣднею вкушая сладостное спокойствіе, плодъ довѣрія, мало по малу постигнемъ сердцемъ то, чего разумомъ постигнуть не могли (а). Поспавляя однако чтеніе Священнаго Писанія главнымъ предметомъ нашихъ особенныхъ занятій, пиная себя сею манною небесною, сею водою жизни, небудемъ безплодною землею, на кошорую семена небесныхъ падають вшунѣ. Да произрасшишь разумъ нашъ плодъ достойный сего сѣмени, пиная себя высокими истиннами Христіанства, или предметами нравственности, споль шѣсно соединенными съ благополучіемъ чловѣка. Пущь сочиненія, а наиболѣе переводы о предметахъ Христіанства и Нравственности совокупно съ чтеніемъ Священнаго Писанія содѣлаются любимымъ нашимъ занятіемъ. Да принесутся первые плоды нашего ума и успѣховъ на священный жертвенникъ вѣры. Приступая къ сему дѣлу чувствуемъ съ одной стороны великую пользу насъ ожидающую, а съ другою трудность его и ограниченность нашихъ силъ, чувствуемъ, что предоставленные собственнымъ силамъ, дѣйствуя одни на сѣмь скользкомъ и трудномъ пути, безъ путеводителя вѣрнаго, уважаемаго и люби-

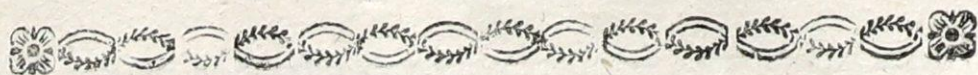
(а) Кпо бо вѣсть ошъ чловѣкъ яже въ чловѣцѣ шчю духъ чловѣка живущій въ немъ шакожде и Божія ништоже вѣшь, шчюю духъ Божій. Посл. Св. Павла къ Корин. гл. 2. ст. 11.

маго нами, легко можемъ заблудиться. Мы надѣемся, что высокій начальникъ нашъ, котораго лучшее удовольствіе есть дѣлать добро, любимое занятіе распространеніе слова Божія, котораго несмѣю хвалить, ибо слова мои были бы слабы выразить ваши чувства, неоставивъ насъ и въ семь святомъ дѣлѣ и еще болѣе усугубить любовь и благодарность наполнявшія всегда наши сердца; ибо мы живо чувствуемъ что все, чѣмъ можемъ похвалиться во все щасливое и благословляемое нами время управленія его Университетомъ, есть благодѣтельный плодъ нѣжныхъ его о насъ попеченій и спасительныхъ совѣтовъ, кои или непосредственно, или посредственно чрезъ наставниковъ нашихъ, желавшихъ вполне оправдать его довѣріе дѣйствовали на наши сердца.

Мы надѣемся, что почтеннѣйшій Ректоръ коему обязаны нынѣ сими щасливѣйшими минутами, отдавшій наши чувства и открывшій предъ нами сіе святое поприще, неоставивъ насъ и теперь своимъ руководствомъ и совѣтами, коихъ цѣну мы уже испытали. Зная его благородное сердце, готовое участвовать во всемъ, что только относится къ нашей пользѣ, мы не можемъ сомнѣваться въ семъ.

Въ заключеніи молимъ Тебя источникъ всякаго свѣта и добра безъ коего не можемъ пворити ниче- же, благослови наше предпріятіе и ниспосли свыше на насъ свящую Твою помощь, на семь пути жизни, вѣры и спасенія, Ты которой одинъ еси истинна, путь и животь (а).

(а) Азь есмь путь истинна и животь; никто же придетъ ко Отцу токмо мною. Иоан. г. XIV, еп. 6.

VI. О да

М и р ъ.

Студента Алексѣя Карасева.

Краса земли — вѣнецъ державы!
Царей, народовъ крѣпкій щитъ!
Источникъ чести, блеска, славы
Всего, что смертныхъ родъ ни чпитъ.
О мирь! о Божество святое!
О прочно щастіе земное
Тобой украшеннымъ душамъ.
Твоимъ величьемъ удивленный
Твоимъ блаженствомъ восхищенный
Даю порывъ моимъ мечшамъ. . . .

*

Какой-то силою чудесной,
Непостижимою уму
Ношусь я мыслью въ поднебесной!
Я зрю Эдемскую страну,
Опшоль — земные верхограды;
Гдѣ мира пронь, какъ пронь опрады
Стоишь дая щастія людей.
Гдѣ добродѣтели святыя,
Спругушь его, чтобъ страсти злыя
Не раскидали вокругъ сѣшей.

*

Тамъ крохотность — Ангельское свойство,
Тамъ милость — честь, краса сердце,
Терпѣнье — нравственно геройство,
Тамъ дружба — счастья вѣнецъ
И жалость слезы проливаетъ;
Тамъ правосудье возсѣдаетъ
И низитъ гордости кумирь.
Средь сихъ великихъ свойствъ душевныхъ,
Какъ будто бы въ лучахъ полдневныхъ
На тронѣ предсѣдаетъ мирь.

*

Куда десницу простираетъ,
Тамъ все творить, блюдетъ, крѣпитъ;
Изъ пепла царствы воскрешаетъ
И ихъ могуществомъ даритъ.
Богатствомъ — грады украшаетъ,
Обильемъ — веси наполняетъ
Вънчаетъ кущи пишиной.
Цари блаженствуютъ на тронахъ,
Зря ликованье въ миллионахъ,
Ведущихъ съ ними вѣкъ златой.

*

Гдѣ ты о мирь! о мирь блаженный
Довольны люди тамъ судьбой.
Тамъ дерзки варвары смягченны
Не льется кровь въ поляхъ рѣкой.
Потухли мщенія пожары
Умолкли смертные удары,
Всеобща радость на челахъ.
На лаврахъ храбрые герои,
Поконися оконца бои;
Въ пыли доспѣхи на сѣбѣнахъ.

*

Гдѣ ты — куряшся фиміамы
Въ знаменованье мирныхъ дней;
Тамъ музамъ воздвигаютъ храмы
Для просвѣщенія людей.
Тамъ мудрымъ слава, честь, почтение,
Наукамъ, знаньямъ уваженье,
Талантъ наградой поощрень;
Стремится Геній въ блескъ славы,
Образовать умы и нравы;
И трудъ безсмертью обречень.

*

Гдѣ ты — тамъ щастіе въ народѣ
Въ семьѣ ликуешь властелинъ;
Всякъ платитъ дань труду, свободѣ,
И рабъ тамъ полный господинъ.
Почтенны тамъ отцы сынами
Въ согласьи дщери съ машерями,
Не слышенъ страшный звукъ оковъ.
Тамъ земледѣль трудолюбивый,
Проводишь дни свои щастливы,
На полѣ радостномъ отцовъ,

*

Гдѣ ты — тамъ сиры и убоги,
Находятъ въ горести пріюсть;
Идутъ туда гдѣ полубоги
Земные щасливо живутъ:
Гдѣ состраданье обитаетъ
Гдѣ щедрость слезы опираетъ
И гдѣ невинныхъ не шѣснать.
Согласьемъ мыслей, чувствъ плѣненныхъ
Друзья другъ другу неизмѣнны,
Языкомъ сердца говорятъ.

*

Гдѣ ты — но какъ воспѣть возможно,
 Твои небесны красоты!
 Мое искусство будетъ ложно.
 Лишь взоръ на смертныхъ бросишь ты,
 То кажешься, что вѣкъ Аспреи
 Поставилъ вновь свои трофеи,
 На дышущей войной землѣ.
 Тираны кровь не проливаютьъ,
 Тамъ тигры агяцевъ охраняютьъ
 И жалость чувствуяютьъ въ алчбѣ.

*

Но часто за ничпожно слово,
 За мысль, за чувство, за предметъ,
 Уже возмездіе готово
 Уже въ крови дымится свѣтъ;
 И миръ презрѣнь, и злоба рыщетъ
 Какъ гладный тигръ добычи ищетъ;
 И зависть кривя мрачный видъ
 Язвить душою, сердцемъ правыхъ;
 А клевета въ словахъ лукавыхъ,
 Великихъ хочеть погубишь. . .

*

Какъ часто здѣсь въ печени вѣка
 Коварства, лести къ торжеству,
 Вмѣняютъ слабость челоука
 Что сродна всѣмъ по естеству,
 Въ безчестье или преступленье;
 Совѣтъ же дать иль наставленье
 Члупеть за фантомъ они пустой.
 Разсудокъ шѣхъ въ борьбѣ съ страстями
 Брань съ совѣстью, вражда съ мечтами
 Душа объята слѣпошой!

*

Нѣтъ въ свѣтѣ семь людей гнуснѣе,
Которы въ дружбѣ жить хопяшъ,
Чтобъ послѣ уязвить сильнѣе.
Словами, лаской задарятъ
Сѣи коварные Прошеи,
Душой же низки какъ Пигмеи,
И сердце въ нихъ Хамелеонъ.
Себя хвалятъ — есть ихъ стихія,
Червятъ другихъ, насмѣшки злыя,
Приняли въ жизни за законъ.

*

Ликуй отечество драгое!
Дни мира и любви храня,
Какъ время льется золотое.
Пускай берушь примѣръ съ тебя
Войнами царства утомлены;
Цари твои благословенны
Научашъ всѣхъ царей иныхъ,
Какъ должно царствовать на пронѣ,
Какъ милость, власть носить въ коронѣ
И счастье подданныхъ своихъ.

*

Издревле суждено судьбою
Тебѣ державы примиряшъ,
И миромъ ли или войною,
Ихъ въ равновѣсьи содержать.
Твой орлы, твои лишь силы
Миръ нѣ царствахъ буйныхъ водворили.
Миръ въ изумленьи отъ чудесь!
Въ Россію чуждые народы,
Текутъ какъ въ мирный храмъ природы,
Забышь бѣды — уняшъ шокъ слезъ!

*

Скажи о миръ! о сынь Сіона!
Гдѣ ты тогда, какъ на земли,
Облекшись въ смерть сама Беллона
Зажжешь враждебные огни;
И заревушь раздора грома
На крыльяхъ мщенія несомы,
Готова міру пльнь, напасшь?
Какая горняя планета
Тебѣ опшельнику изъ свѣта
Даетъ убѣжище и власть?

*

Когда духъ Генія великій
Злодѣю долженъ уступить;
На эшафотахъ Людовики
Должны поносу смерть вкусить.
Когда въ крови престолы понусть,
Когда въ презрѣнны люди спонусть,
Тиранъ не смотришь на позоръ!
И жалость сердца — ему рана!
Ему его величье сана
Пріятнѣе алмазныхъ горъ?

*

Гдѣ ты тогда — какъ алчность къ злату,
Вѣсы Фемиды покривить;
Когда уважать Героспрату
А обвинишья Арисидъ?
Гдѣ ты? — о горестны примѣры!
Здѣсь безъ пристанища Гомеры;
Названы слезы въ ссылкѣ льютъ;
А Тассъ младенцемъ — въ започеньи! . . .
Отъ рока, отъ людей въ гоненьи,
Недчасшье дней своихъ поютъ.

*

Невинность плачетъ безъ покрова,
Сиротство стонетъ безъ защиты!
Гдѣ ты тогда — какъ гласъ злослова
Сильнѣе истинны гремишь?
Какъ добродѣтели высоки
Унизить селятся пороки?
А буйство, зависть, подла лесть,
Умы сноровивые плѣняють,
Къ дѣяньямъ низкимъ возбуждающѣ
И зашмѣвають славу, честь.

*

Гдѣ ты величье, слава смертныхъ!
Когда наполнять свѣтъ бѣды?
И на поляхъ труда зачѣпныхъ
Лежатъ кровавые слѣды.
Гдѣ ты тогда — о житель неба!
Какъ пропасть страшная Эреба
Взятъ поглотить огнемъ?
Лишь нѣшь себя — зажглись крамолы,
Вдругъ опрокинулись престолы,
И вся вселенна подъ ножемъ!

*

О миръ владѣй людей сердцами!
Веди къ своимъ ихъ олшарямъ;
Прельщай небесными дарами
Вѣщай народамъ и царямъ:
Что всѣ дѣянья мрачной злобы
Не красятъ смертныхъ пышны гробы;
Потомки ненавидятъ зло,
И сердцемъ не блажатъ Неронозъ.
Винникамъ печалей споноровъ
Даютъ проклятіе одно.

*

*

Сойди къ намъ миръ отъ странъ Эфира!
Живи въ умахъ, щеки въ крови!
И поселясь на лонѣ мѣра
Свяжи союзомъ всѣхъ любви.
И здѣсь пребудь ты вѣчно съ нами,
И нареки ты всѣхъ сынами.
Къ тебѣ почтеніемъ горя,
Всѣ будущъ жишь благополучно,
И щастье будешь неоплучно,
Отъ земледѣльца — до Царя!

VII. Клятва Мессіи и обѣтъ Бога.

(Изъ Мессіады Клопштока) (а).

Студента Савостьянова.

На востокѣ отъ Іерусалима святаго
Къ небу вздымаясь, спойшь гора, на вершинѣ которой
Какъ во свящилищѣ Бога сокрытый, Ходамай небес-

ный,
Зримый Отцемъ, въ безмолвныя ночи часто молился,
На сію гору идетъ Иисусъ. Іоаннъ лишь единый
Шествуешь съ Нимъ до мѣста, гдѣ прахъ почѣтъ

пророковъ,
Другу Божественному подражая, въ молитву скло-

нишься.
Но Спаситель отшолъ на вершину горы воспекаетъ.
Тамъ отъ Моріи Его окружаетъ сіяніе жертвы,
Коей доселѣ вѣчный Отець примиряется съ міромъ.
Пальмы въ прохладу Его принимаютъ. Ликъ Его

вѣтры,
Вѣяню благости Бога подобныя, тихо ласкаютъ.
И Серафимъ ко Христу въ услуженіе на землю по-

сланный,
Названный въ небесахъ Гавріиломъ, въ поржествен-

(а) Посвящено почтеннѣйшему наставнику И. Я. Кронебергу.

Между двух кедров спояль, размышляя людей о
блаженствѣ

И о пріумфѣ безсмертныя славы — и се Искупитель
Вспрѣчу Отцу Своему его въ молчаньи проходить!
Зналь Гавріиль, что время спасенья уже наступило.
Духъ его, сладоснымъ блескомъ высокихъ идей озаренный,

Таешъ въ восторгѣ; Онъ тихотрепещущимъ гласомъ
вѣщаетъ:

„Хочешь въ моленьи, о Ты, Божественный! ночь
проводить здѣсь?

Или Твое упомянутое нѣбо желаетъ покоя?
Долженъ ли я для главы Твоей приготоюить воз-
главье?

Зри, уже отрасль усердная кедровъ зеленыя вѣтви
И кустарникъ бальзама обьявля къ Тебѣ прости-
раюшь!

Тамъ окрестъ могилы пророковъ въ тихой прохладѣ
Мохъ разоспмался, дружно сядешаясь со лакомъ
душистымъ.

Долженъ ли я, о Божественный! ложе Тебѣ изгото-
вить?

Ахъ, Искупитель! сколь упомяну Ты! какъ много
Ты терпишь

Здѣсь на землѣ изъ горячей любви къ поколѣнью
Адама!“

Такъ вѣщала Гавріиль, — и Ходатай дарить его
взоромъ

Съ благословеніемъ радость въ сердце лющимъ, и
полный

Важности, спалъ на вершину горы сопредѣльных
небу. —

Гамь въ высотѣ свѣтлозарной Творецъ. Туда Онъ
молился.

Сладкіе звуки земля подъ стопами Его издавала,
И проникали лепящіе клики веселья до самыхъ безд-
ны,

Внемлющей въ глубинѣ Его гласу могущества, силы.
Гласъ сей, землю услышанный, не былъ потъ гласъ
отверженья,

Бури въ порывахъ и въ страшныхъ ударахъ громовъ
возвѣщенный;

Благословящаго она внимала глаголамъ,
Кто восхотѣлъ обновить ее красотою безсмертной.
Холмы окрестные сумракомъ тихимъ уже облекались,
И вѣчаясь цвѣтами Эдема, въ воздухъ чистомъ
Запахъ душистый они растворяли. Спаситель гла-
голь.

Онъ и Отецъ безпредѣльность глаголовъ своихъ
разумѣли.

Токмо сіе лишь можешь сказашъ человѣческой голосъ:
„Отче Божественный! ужъ приближаются дни
искупенья

И союза предвѣчнаго, дни величайшаго дѣла,
Нежели цѣлый сей мѣръ, Тобою и Сыномъ созданный.
Дни сіи славы блистаньемъ, красюю своей шѣмъ по-
добны,

Въ кои мы зрѣли порядокъ времянь, и когда дни
грядущи,

Взоромъ Моимъ озаренны, пѣнишельнымъ блескомъ
сіяли.

Ты, Мой Отецъ, Я и Духъ Святыи искупенье тогда
положили.

Вѣчность безмолвная Насъ окружала, не было тварей,

Мы пребывали. Исполнены пламенем Нашей лю-
бови,

Зрѣли Мы человековъ, еще къ бытію непризванныхъ.
Дѣти святыя Эдема, ахъ, наше созданье! какъ бѣдны,
Бѣдны были они, бессмертные нѣкогда, нынѣ
Тьмою грѣха омраченны. Отець Мой! я видѣлъ ихъ
бѣдность. —

Слезы ланиты Мои орошали. Ты рекъ Милосердый:
Образъ Божественный вновь сотворимъ, сотворимъ
въ человекъ.

Такъ назначали Мы таинство Наше, кровь прими-
ренья

И человековъ, по образу вѣчному обновленныхъ.
Самъ здѣсь избралъ Я Себя совершить высокое дѣло!
Вѣчный Отець! извѣстно Тебѣ, небеса это знаютъ,
Сколько Я послѣ совѣта желалъ Моего униженья!
О земля! сколь часто въ своемъ отдаленіи печаль-
номъ

Ты была возлюбленной цѣлюю Моею! Сколь часто,
О Ханаанъ, Священное мѣсто! Сколь часто скло-
нялся

Взоръ мой въ любви, въ умиленіи нѣжномъ на холмъ,
гдѣ Я зрѣлъ ужъ

Кровь разліяну союза, будившую жизни блаженство!
Сколько препещеть сердце мое въ кипѣннѣ восторга!
Я давно уже человекъ, много собралось
Вкругъ Меня праведныхъ и скоро весь родъ человековъ
Мнѣ посвятится! Здѣсь Я лежу, Божественный Отец!
И еще украшаетъ Меня человеческій образъ;
Въ немъ Я молюсь предъ Тобою. Но скоро, скоро
свершится

Грозный Твой судъ и Я обезславленъ, смертию по-
кроюсь!

Ты ужь идешь! я слышу Тебя вдали, Вседержитель!
И тишина, и неумолимость Тебя окружаетъ!

Трепещь меня проникаетъ, невѣдомый жителямъ неба
Даже тогда, когда бы разиль Ты ихъ бурю гнѣва!
Вижу — уже предо мною садъ нощи лежить! Я скло-

няюсь

Въ прахъ униженья, молюся къ Тебѣ, и хладомъ объ-
емлюсь.

Зри! се Я предъ Тобою, Отець мой! Желаю, желаю
Гнѣва могущество, судъ Твой выдержишь кротко.

Вѣчень Ты! кто изъ конечныхъ духовъ чувствовалъ
силу

Божія гнѣва и представлялъ Безконечнаго, смертию
Вѣчной разящаго? Богъ лишь могъ быть примирителемъ Бога!

О Судя всего мѣра, воздвигнись! Ты зришь во мнѣ
Сына!

Смерть мнѣ пошли — и вѣчная жертва моя да пре-
будеть

Въ знакъ Твоего примиренья! Еще Я свободенъ, мо-
лившу

Можно еще къ Тебѣ возсылать мнѣ. Такъ, свѣпное
небо

Мнѣ откроется съ сонмами Серафимовъ прекрасныхъ
И вознесешь меня въ шоржествѣ, при кликахъ вос-
торга,

Къ шрону, Отець, Твоему для вѣнца лучезарная
славы!

Такъ свершится! но прежде хочу я срадашь —
Херувимы

И Серафимы въ своихъ размышленьяхъ сего не по-
стигнуть! —

Будучи вѣчень, хочу Я спрдашь ужасною смертью.

И продолжая глаголатъ, Онъ рекъ: „къ Небесамъ
возвышаю

Я главу Мою, въ облака Мою длань и клянуся
Мною — Я Богъ какъ и Ты, и хочу искупить чело-
вѣковъ.„

Рекъ Исусъ и возсталъ. Въ Его ликѣ являлась
высокость,
Духа покой, и важность, и милость, какъ былъ Онъ
предъ Богомъ.

Но неслышимо ангеламъ, лишь Себѣ и Сыну
Внятно вѣщаль, превѣчный Отець, Свой ликъ обра-
тивши

На Избавителя: „Я главу въ Небесахъ простираю,
Мышцу мою чрезъ всю безконечность, реку: Я есмь
вѣчень!

Сынъ Мой! Тебѣ я клянуся: Я прощу согрѣшенья.„

Такъ Онъ вѣщаль и умолкъ. Во время глаголовъ
Превѣчныхъ

Благоговѣйный трепешъ проникъ всю природу.

Души лишь только рожденныя, съ мыслью еще не-
знакомы,

Вострепетали и ощутили первое чувство.

Сильный страхъ Серафима объемлетъ, бьется въ
немъ сердце

И въ ожиданіи робкомъ окрестъ пребываетъ без-
молвный

Кругъ его міра, подобно землѣ предъ грозящею бурей.
Только лишь души будущихъ Христіанъ ощутили

тихій восторгъ и прелестъ чувства безсмертныя
жизни.

Но лишеныя чувствъ, опчаянья мукой помимы
И невозможностью скованны — мыслишь что про-
шивъ Бога,

Духи тьмы въ бездну съ престоловъ спадаютъ: Въ
паденьи надъ каждыиъ
Вихремъ несется скала, подъ каждыиъ пропасть
зіяетъ,

И спозвучно громъ раздается въ Таршарѣ мрачномъ.

VIII. Храмъ смерти.

(Подражаніе Г. Нарушевичу).

Въ льдистыхъ пустыняхъ, гдѣ крошкѣй лучъ Феба
И въ полдень безплодныхъ полей не зашипитъ
Ангелу жизни — посланнику неба

Тамъ неприступный лежишь

Островъ гранитный на озерѣ смрадномъ.
Филинь угрюмый средь мершвой шиши
Сѣтуешь съ ворономъ хищнымъ печально
Мрачнаго лѣса въ глуши.

Мертвые доли гробами покрыты,
Травы поблекшія ядомъ дышатъ;
Нѣтъ тамъ отъ лютаго хлада защиты;
Жизнь тамъ должна умирать.

Льются кровавые съ горъ водопады
Съ воємъ печальнымъ и стономъ влача
Въ мутномъ печеніи труповъ громады
Кости объ кости спучають.

Тамъ надъ пучиной подъ грозной скалою
Видится мракомъ густымъ окружень
Храмъ Судьбы вѣчной воздвигнуть рукою
Вмѣстѣ съ началомъ времени.

Башни зубчатые, врага въ немъ желѣзны,
Всѣмъ частямъ свѣта отверзъ въ него входъ,
Тихо влекутся шуда изнуренны
Югъ, Востокъ, Западъ и Нордъ.

Общей памь всё подвергаются долѣ,
Роскошь и гладь обрѣпають предѣль.
Рабъ и кто нѣкогда былъ на престолѣ
Равный пріемлють удѣль.

Входъ наполняютъ памь фуріи люпы
Скорби, болѣзни, опчаянье, страхъ
Косми ихъ кожей змѣиной покрыты
Змѣи шипящъ на главахъ!

Черною спѣны обипы корою
Смраднымъ сполбы покрываюцца мхомъ
Тѣмяцца огни погребальныя мглою,
Коей наполненъ весь домъ!

Тамъ обипаешь драконъ кровоглавый
Тронъ свой желѣзный средъ безднъ утвердилъ
Съ злобой улыбною взоръ свой кровавый
Къ жертвамъ спраданій склонилъ.

Смерть ему имя! предъ нимъ все пренецетъ
Гибнешъ какъ въ ярыхъ песчинка волнахъ
Всюду гдѣ грозный онъ взоръ свой ни мещетъ
Все низвергается въ прахъ!

IX. Отрывокъ изъ Иліады.

Смерть Патрокла.

(Вольной переводъ).

Студента Петровскаго.

Тюю порою Божественный, грозный Патрокль,
величаво
На колесницѣ сѣдящій, бразды попустивши отваж-
нымъ,
Быстрымъ конямъ, спремился, лепишь по простран-
ному полю —
И опъ него убѣгающихъ гонишь Троянь и Ликіянъ.
Но непредвидящій рока, совѣшовъ оиъ друга непо-
мншь.
Оный могущій Юпитерьъ, предъ коимъ и мудрость и
сила
Смершныхъ ничшожны, кто всемъ управляетъ, кому
все покорно,
Оный Юпитерьъ вливаетъ въ сердце Патрокла горяч-
ность
Храбросши, гнѣва — да ею влекомый, спремился на
гибель.
Вождь именишый! Кто первый упаль подъ мечемъ
швоимъ остримъ?
Кто послѣдній низвержень, швоею десницею мслящей,
Самой судьбою къ убійству, къ пролишю крови воз-
дванной?

Первый Адресъ, а потомъ Автоной бездыханей по-
вержень;

Послѣ Электій и Перимъ Мегадъ простилися съ
жизнью;

Очи Еписпора и Меланиппа, навѣки сомкнулись;
Эласъ и Мулій собою умножили груду убитыхъ;
Послѣ сихъ и Пилартъ, въ беззаботное посланъ жи-
лице;

Прочіе сбиты, разсыпаны, въ бѣгствѣ спасенія ищутъ.
Подъ его сокрушительной мышцей упалабъ и Троя,
Еслибы Фэбъ лучезарный, сего священнаго града
Не былъ защитой. Трикрапы Папрокъ подступалъ
ужъ подъ оный —

Но прикрапы отражень, блестящей егидою Фэба.
Онъ покушается снова — но вдругъ передъ нимъ изъ
за облакъ

Голосъ, превыше голоса смертныхъ, громомъ раздался:
„Богopodobный Папрокъ! удержиися отъ пылко-
сти гнѣва!

„Слѣны сіи хранимыя Богомъ, тебя презираютъ!

„Имъ покоришься еще несужденно — и пусть самъ
храбрѣйшій

„Другъ швой Ахиллъ ополчится — Трои разрушишь
не можешь!“

Тако сказалъ Аполлонъ, немерцающимъ свѣтомъ
сіявшій —

И усрашенны имъ Греки, обратно отъ Трои спре-
мятся.

Гекторъ въ то время, у Скейскихъ вратъ удер-
жалъ своихъ быспрыхъ,
Дышущихъ бранью коней. Въ нерѣшимости онъ
остаелся —

Снова ли въ поле на брань полетѣть, иль разбитой
дружинѣ

Дать повелѣнье, собратся въ стѣнахъ, окружающихъ
городъ.

Такъ размышляяль онъ еще — но ему вдругъ видѣнне
свыше:

Фебъ небожипель предсталъ предъ него въ подобьи
Азія —

Сына Екавы, Диманша. Онъ былъ молодой, горделивой,
Смѣлой, величественъ, пакъ говорящій: „о стыдъ!
поношенье!

„Тыль убѣгаешь Гекторъ опъ брани? Когда бы рав-
нялась

„Силой съ швоею десница моя — тогда бы мгновенно

„Мечъ сей тебя разувѣрилъ, въ поспыдномъ швоемъ
нерѣшеньи.

„Въ поле, на брань возвратися! Слѣши — куда при-
зываетъ

„Слава шебя; слѣши — и омой стыдъ свой, кровью
Папрокла.

„Вѣрь! Аполлонъ увѣнчаетъ успѣхомъ, швои ратобор-
ства —

„И подъ швоимъ копѣемъ, горделивый падеть швой
проливникъ!“

Такъ сказалъ предъ нимъ Богъ сей — и сердце
Троянъ воспаливши

Пламенемъ брани, пускается въ сонмище ратей Ахей-
скихъ.

Гекторъ тогда Кебрѣону — возницѣ даетъ повелѣнье —
Быспру его колесницу, направилъ на спанъ сопрошив-
ныхъ.

Кони помчались, скачуть, спучають колесницы колеса.

Гордый Палпроклъ обратился, стоить и ждетъ съ не-
перпѣняемъ

Встрѣшилъ пропивника. Въ шуйцѣ его копѣе, а въ
десницѣ

Камень, съ одной спороны припупленный, съ пропив-
ной же оспрый —

Мраморный камень, птяжелый. Онъ вержетъ его на
пропивныхъ

Махомъ могучей руки — и громада сѣя успремилась
Съ воемъ на воздухъ, лешить — и сражаетъ главу
Кебрѣона,

Очи и брови его и чело, разлѣшающся всюду,
И зрочки пошемнѣвшѣе, съ брызгами крови на землю
Падающъ, какъ дождевыя капли. Возница изъ мерш-
выхъ

Рукъ бразды выпускаетъ, валился спремглавъ съ ко-
лесницы —

И въ то время, какъ духъ его къ тѣнямъ умершихъ
опходитъ,

Гордый Палпроклъ, побѣдитель, надъ смертью его такъ
смѣется:

„Зри! какъ поспѣшно, будто на дно съ поверхно-
еши моря,

„Сей упадетъ въ песокъ съ колесницы: ройся ищи
шамъ —

„Въ нѣдрахъ подземныхъ, раковинъ, камней — искус-
ный Троянинъ!“

Тако сказавши, онъ вдругъ успремляется къ шѣлу
возницы,

Члобы совлечь съ него бранны доспѣхи. Онъ быстръ,
безбоязненъ,

Люшый какъ Левъ, кошорой еспада и поля расхищая

Грозно рыкаемъ, доколѣ пронзенный въ безстрашное
сердце,

Не падеть и лодь тяжестью собственныхъ силъ не
погибнешь.

Въ эпоже время спѣшишь съ колесницы Божественный
Гекторь.

Онъ защищаетъ тѣло убитаго — и вызываетъ
Къ единоборству Патрокла. Тако два алчные пигра
Съ равною яростью спорящъ въ лѣсу, о поверженной
лани;

Ревъ ихъ далеко несется. Патрокль схвативши за
ноги

Мертвое тѣло, а Гекторь за голову — сидюся съ
равнымъ

Жаромъ испоргнуть его, какъ побѣду, одинъ у другаго.

Какъ въ глубинѣ угрюмаго лѣса, сомкнуты горами
Бурные, прошивудышущи вѣтры, ревуть и бушуютъ—
И оппорженны лисья и вѣлви и даже деревья
Вихремъ несущя на воздухъ; какъ толстые дубы и вязы
И масшиные кедры, гнутся, прещаль и сплетаясь
Вѣлвьями — движущъ, колеблющъ и потрясающъ другъ
друга,

И возмущенный лѣсъ будто сражается самъ межъ со-
бою —

Тако съ подобною силой, съ подобнымъ спремлемьемъ
и шумомъ

Оба смѣшавшіяся воинства рапують — брань пламе-
нѣнъ:

Копья встрѣчаяся съ копьями, сильнымъ дождемъ
упадающъ

Вкругъ Кебрїонова тѣла: упругими вверхъ летивами
Брошены стрѣлы, лучей свистящъ по воздуху всюду:

Камни въ слѣдъ камнямъ лепящъ; тяжелѣйшіе здѣсь
упадають

Съ шумомъ на землю — другіе спучають по щипамъ
тамъ желѣзнымъ.

Сколько однакожь брань ни свирѣпсшвуешь, сколь ни
жесткоа —

Мощный правитель коней бездыханень лежиць — и
навѣки.

Онъ неслышиць гремящихъ, вокругъ его, громовъ
ужасныхъ

И ужъ недумаешь больше онъ, править своей колес-
ницей.

Долго по своду небесному, раяное солнце кашилось
Надъ главою сражавшихся рашей — долго и буря
Брани кипящей дышала, съ обоихъ сторонъ, равно-
сильно:

Тучи стрѣль мѣшкихъ, съ обоихъ сторонъ, равно по-
вергали

Воиновъ храбрыхъ: когда же свѣтило сіе приближалось,
На вечерней своей колесницѣ, къ поверхности моря —
То побѣда вѣсы наклонила, въ пользу Ахеянъ.

Съ шумомъ, съ торжественнымъ кликомъ они, Троянъ
отражають

Отъ Кебріонова плѣла, уносять его — и доспѣхи
Бранны съ него свлекають. Тогда Пампрокъ быспро-
ногій,

Яростью новой кипяцій и дышущій новымъ убій-
ствомъ,

Храбро впоргаешся въ соимиче рашей Троянскихъ. —
Трикрашы

Онъ нападаешъ какъ Марсъ, на толпы ихъ сгущен-
ны — и въ каждомъ

Онъ нападенъи, прикрапы проихъ вождей убиваетъ.
Снова спремится — но здѣсь, настаешь конецъ его
славы!

Грозный, безжалостный рокъ, драгоцѣнную нить пре-
рываетъ

Жизни его споль известной, геройскими мѣру дѣлами.
Богъ Аполлонъ навѣкъ препинаешь, его нушь гигап-
скій —

И на погибель его, небеса согласуются сами.

Богъ Аполлонъ, сокрытый во облакъ мрачномъ, при-
шекши

Съ пылу къ нему и поднявши свою всемогущу десницу,
Тяжкѣй свершаетъ ударъ, поражающѣй сильныя плечи
И запылокъ героя. Тогда изъ очей его искры
Сыплются, и обуяныя чувства, объемлются мракомъ;
Шлемъ далеко оплещѣвшій, стучитъ по равнинѣ капяся;
Окровавленно Ахилла перо, пресмыкается въ прахѣ.
Эпо перо, никогда неупадавшее прежде на землю,
Долгое время бѣлѣвшееся грозно на поприщѣ брани,
И осѣнявшее важно главу, безсмертнаго мужа —
Эпо перо (Юпитерь судиль такъ), пусть помаваетъ
Нынѣ, на шлемѣ Гектора: но онъ недолго перомъ симъ
Будешь гордиться. Папроклово крѣпко копые и ужасно,
Въ щелы дробится; широкѣй съ руки его щитъ упа-
даетъ;

Спелелся перевязъ полемъ злая; колчанъ, опдѣлив-
шись

Опъ удивленной груди его, вержешся долу; вся збруя
Бранна на немъ, какъ исчезла; всѣ члены его оиѣмѣли;
Поколебался онъ, оцепенѣлъ и спойтъ неподвижно.

Сполько шо, божеской сила десницы, превыше силъ
смершныхъ.

Смѣлый Ефорвъ, знаменитый Троянскій юноша, родомъ
Опъ поколѣнїя Панпова, всадникъ отличный, искусный,
Мѣлкій бросатель копья, неподобный въ rispали-
щахъ конскихъ —

Двадцать пропивниковъ, равныхъ себѣ, ниспровергъ
съ колесницы,

Въ оное время, какъ бранну искусству сему обучался.
Мѣлко копье его перво, дерзнуло Палпроклову кровь
пить.

Онъ имъ ударилъ и ранилъ его — но больше несмѣетъ;
Видишь героя, хопя и лишеннаго бранныхъ доспѣховъ,
Но усрашается грознаго взора его. Онъ поспѣшно
Изъ него испоргаетъ, длинно копье и спремился
Съ онымъ въ средину дружины своей — да сокроется
тамо!

Божеской силой, Палпрокъ и равно копьемъ пораженный
Смертнаго, спрахомъ объемлется, робко назадъ оп-
ступаетъ,

Ищетъ защиты Ахеянъ — но тщетно онъ хочетъ
избѣгнутьъ

Участи грозной своей, обреченной ему небесами?
Гекторъ узрѣвши его, обогрѣннаго собственной кровью,
Быстро изъ кругу своихъ испоргается рашей, спре-
мился

Въ слѣдъ ему — и сражаетъ его, копьемъ смертонос-
нымъ.

Онъ упалъ — земля задрожала и рапи Ахейски,
Будто всѣ вмѣстѣ сраженны ударомъ симъ — духомъ
упали.

Какъ иногда въ песчаной степи, близъ прохладна потока,
Дышущи смерщью, встрѣчающся сильный левъ въ гри-
вѣ космашой,

И пусынный, щепинистый венрь — и помимые
жаждой

Оба они о попокъ спорящъ, свирѣно дерупся;
Челюсти ихъ окрѣвѣнны, очи огнемъ ихъ сверкають;
Левъ наконецъ побѣждаетъ — и жажда горячаго венря
Съ жизнiю вмѣстѣ его погашается. Такъ и Папрокль
сей,

Сполько вождей низложившiй и сполько изъ плѣ
душъ испоргшiй —

Здѣсь наконецъ дыханье послѣднее, самъ испускаеть.
Гекпоръ на распроспершаго въ прахъ, у ногъ своихъ,
важно

Взоры бросая, торжественнымъ гласомъ къ нему такъ
зываетъ:

„Спи здѣсь, Папрокль! — и съ побою да спишь,
швое сладко мечпанье;

„Праздновать Трои падшей погибель, взирать на
объятый

„Пламенемъ нашъ Илiонъ и увидѣть женъ нашихъ,
влекомыхъ

„Въ плѣнь швой постыдный! О легкомысленный! Я
охраняю,

„Сильнымъ моимъ оружіемъ градъ сей — и милый,
прекрасный

„Въ немъ обитающiй полъ — я спасаю опъ плѣна,
неволи.

„Жребiй швой — пищею бышь вранамъ. Ахиллъ швой
немогъ тебѣ руку

„Помощи дашь и спасенья! Съ какою, я думаю, вѣрой,

„И съ какою надеждой, тебя онъ отправилъ, и сколько

„Здѣлалъ тебѣ порученiй! Невозвращайся, о храбрый

„Другъ мой! Невозвращайся — доколѣ неснимешь,
ужасныхъ,

„Кровью омытыхъ доспѣховъ, съ убилаго Гектора —
пако

„Думаю рекъ пшой Ахиллъ — и Патроклъ повинуетъ
ся, въ поле

„Бранно печать — и вопъ какъ вельнѣе онъ испол-
няетъ!..

Витязь Ахейскій, хребтомъ своимъ землю гнѣ-
шущій, поднявши

Къ небу свой дикой взоръ, тихимъ, прерывнымъ оп-
вѣстивуетъ гласомъ:

„Смолкни тщеславный! — и божеску силу познай
надо мною!

„Громовержець и Фебъ, а не ты, ниспослали мнѣ ги-
бель!

„Волей небесъ я низвержень — и бранныхъ лишень я
доспѣховъ!

„Не присвояй по себѣ, что нездѣлано вовсе побою!

„Двадцать бы смертныхъ, тебѣ равнявшихся силой,
я славно

„Самъ опразилъ — и всѣ бы они отъ руки моей пали!

„Первый сразилъ меня Фебъ, шамъ Ефоръ, а здѣсь
ты уже третій!

„Вопъ что побою свершенно! Но вспомни меня, гор-
деливецъ!

„Слушай послѣднн слова мои! Богъ самъ, въ меня ихъ
внушаетъ,

„Да возвѣщу я тебѣ, пвою собственну гибель! Такъ!
скоро

„Эпо руганье пвое надо мною — къ тебѣжъ обратишься!

„Черная смерть ужъ виситъ надъ побою — и бли-
жися часъ пвой!

„Вижу тебя, на краю находящагось пропасти, вижу —
„Ты въ нее упадешь, ниспровержень рукою Ахилла!“

Силы его угасають! Душа оставляя съ печалью
Столько прекрасное, но безъ нее, увы! обращенно
Въ глыбу земли, Патроклово пѣло, душа — обнаженна,
Робкая странница мѣра, задумчива, томная, — тихо,
Тихо паритъ къ безопаснымъ, унылымъ брегамъ Ахе-
рона.

Гекторъ тогда по немногомъ молчаньи, свой взоръ на-
сыщая

Блѣднаго труна видѣнемъ — тако къ нему возгла-
шаетъ:

„Что за глаголы пророчески — мнѣ возвѣщающи
гибель?

„И почему, только мнѣ? Почему не Ахиллу погибнуть
„Подъ копьемъ пвоимъ Гекторъ? Кто знаетъ судьбу
назначенье?

Такъ рекъ! Угрюмъ и задумчивъ, онъ попираетъ
ногами

Грудь бездыханну: желѣзо смертельно изъ ней извле-
каетъ —

И опмешаетъ во прахъ опъ себя, охладѣвшее пѣло.
Послѣ копьемъ, еще кровью дымящимся, хочешь по-
вергнушь

Конеправителя, мощна, Патроклова — Авпомедонна —
Но попустивъ сей бразды, колесами спучишь и несется
По пространному полю: быслры, безсмертные кони,
Благо Боговъ — уносятъ его и спасають опъ смерти.

Р Ъ Ч Ъ

при открытіи Черноморской Гимназіи
въ г. Екашеринодарѣ, говоренная 1820 г.

Мая 17 и посвященная

ВОЙСКУ ЧЕРНОМОРСКОМУ

Исправляющимъ должность Директора, Закона
Божія Учишелемъ, Ученаго Общества при ИМПЕ-
РАТОРСКОМЪ Харьковскомъ Университетѣ Чле-
номъ, и Высочайше утвержденного С. Пепер-
бургскаго Вольнаго Общества любителей Россій-
ской Словесности Членомъ-Корреспондентомъ, Вой-
сковымъ Протоіеремъ и Кавалеромъ

Кириллоидъ Россійскимъ.

С 17667

Рѣчь,

Объ успѣхахъ просвѣщенія въ округѣ войска Черноморскаго.

Объемля разсужденіемъ 28 лѣтнее время поселенія въ семь краѣ Черноморскаго войска, войска вновь преобразованнаго (1), войска, разные нравы и обычаи всегда согласующаго, не лѣзя не опадать справедливости шѣмъ благомыслящимъ сочленамъ онаго, коимъ обязано бытіемъ своимъ настоящее торжество — сіе вѣрное знаменіе извѣстной уже степени просвѣщенія вашими лаврами, доблестные воины! приосѣняемаго: ибо возможно ли быть равнодушными свидѣтелями успѣховъ онаго, когда безпристрастно вникнемъ въ печеніе дѣлъ и обстоятельство, сопутствующихъ симъ премъ, еще не совершившимся, десятилѣтіямъ, копорыя представляющъ намъ дивное преображеніе пустыхъ и дикихъ степей Кубанскихъ во власть благоустроенную (2), наравнѣ съ прочими споспѣшествующую славу и благодѣянію Россіи, спавшей на чреду царствъ сильныхъ и великихъ!

Область сія воспріяла начало свое въ послѣднихъ осеннихъ и зимнихъ мѣсяцахъ 1792 года (3). Новые, но упомянутые переселеніемъ, пришельцы, должны сповали помышлять вдругъ — въ одно и тоже время — и о защищеніи себя отъ суровостей непогодъ

годоваго времени, и объ удержаніи границы отъ нападеній хищныхъ Закубанскихъ сосѣдей своихъ: — съ очевидными врагами и съ противоборствующею Природою раповать имъ надлежало. Этого мало: отряды полковъ въ Польшу (4) и вскорѣ потомъ въ Персію (6); приведеніе къ благочинію внутреннихъ распорядковъ, едва ли избѣжныхъ въ каждомъ ново-образующемся обществѣ (6); повсемѣстное умыніе отъ вкравшейся изъ за-границы моровой язвы (7); житейскія нужды въ содержаніи себя собственнымъ провіантомъ (8); не близкое разстояніе отъ прежде усвоенныхъ провинцій (9); необходимѣйшія занятія всѣхъ и каждаго по части хозяйственной — не суть ли причины, препятствовавшія заботиться первѣе о заведеніи публичныхъ училищъ? — Кто образуетъ верхоградъ, не пріуготовивъ деревъ къ насажденію? Кто разукрашаетъ голову, не имѣя приличнаго одѣянія? Кто ищетъ сладостно-пишательныхъ яствъ, нуждаясь въ насущномъ хлѣбѣ? — При всемъ этомъ, богоспасаемые обитатели края сего не малодушествовали, но всегда порывались усердіемъ и ревностію явить себя достойными сынами Отечества не по однимъ токмо доблестямъ воинственнымъ; но и по всегдашнему попеченію своему о введеніи и распространеніи Просвѣщенія въ кругъ своего сословія. —

П. П. П. П! Драгоценное вліяніе предмета сего на улучшение физическаго и нравственнаго бытія гражданскихъ обществъ, достойно обратили на себя ваше вниманіе: изслѣдуемъ исторически наши успѣхи въ ономъ. —

Едва благотворный лучъ просвѣщенія, почти повсемѣстно въ наше время распространяющагося, про-

никъ и въ сей отдаленный край полуденной Россіи (10); какъ уже всеобщее поревнованіе обилшателей онаго, къ чести и славъ народнаго образованія, готовило умы и сердца принести ему на жертву. — Мысль о заведеніи публичныхъ училищъ, занимала многихъ благонамѣренныхъ Черноморцевъ еще до 1803 года (11). Уже были призваны изъ Московскаго Университета первые Училища, положившіе начало произвольному, — а потомъ въ 1806 году систематическому ученію. Сей годъ достопамятенъ еще въ Исторіи Черноморскаго войска началомъ сооруженія въ Екатеринодарѣ дома для Уѣзднаго Училища (а), по присланному изъ Университета плану. На содержаніе онаго тогда же определено оппускать изъ Войсковыхъ доходовъ ежегодно по 1500 руб. Сумма сія по благорасположенію Его Превосходительства, бывшаго Войсковаго Атамана, Федора Яковлевича Бурсака, съ 1805 года навсегда отчислена въ пользу возникавшаго заведенія. Сверхъ того, училище имѣло счастье видѣть въ 1806 году довольные опыты усердія и расположеніе къ себѣ благороднаго Дворянства и многихъ благонамѣренныхъ Козаковъ, въ добровольномъ для него пожертвованіи, проспирающемся свыше чепырехъ тысячъ рублей деньгами (12).

Ученіе по правиламъ, предписаннымъ въ Высочайше утвержденномъ Уставѣ учебныхъ заведеній, открыто въ семь училищъ съ началомъ 1807 года. Въ продолженіи онаго училищная Библиотека получила немаловажное основаніе, поступленіемъ книгъ изъ Войсковой Канцелярїи, Межигорской ризницы (13) и опъ

(а) Въ семь домѣ пригошовлена Гимназія къ открытію.

равныхъ благотворитель, такъ, что въ концѣ года соспавилось до 210 помовъ, кромѣ двухъ глобусовъ; число же учениковъ было 81.

Въ послѣдствіи времени количество учащихся, по мѣстнымъ обстоятельствомъ, по возрастало, по умалось: библіотека ежегодно пріумножалась и сумма увеличивалась; каковой въ 1809 году поступило въ непосредственное училищное вѣдомство, 10,079 руб. 73 $\frac{1}{4}$ коп.

Вопь соспояніе училищной въ Черноморіи части по 1812 годъ! — Но прозрачные воды не выходятъ ли иногда изъ водоемовъ своихъ для напоенія прилежащихъ къ нимъ равнинъ, жаждущихъ насытиться влагою оныхъ? — Такъ и сѣмя наукъ, принятое въ нѣдро града сего, такъ сказавъ, со востодомъ своимъ награждаетъ уже насъ опраслями, кои единостное рвеніе къ пользамъ общественнымъ не замедлило приши ко градамъ и всямъ окрестнымъ. — Въ 1812 году, появились Приходскія Училища. Въ городѣ *Тамани*, въ мѣстечкѣ *Щербиновкѣ* и въ селеніи *Брюховецкой*, а въ 1815 и въ мѣстечкѣ *Гривиноль*. Почти черезъ два года, именно въ 1817, находимъ таковыя въ селеніи *Рогвсколь* и въ мѣстечкѣ *Темрюкѣ*; а въ 1819 — Общества: *Медвѣдовское*, *Куцовское*, *Леушковское*, *Пластучовское* и нѣкоторыя другія, ознаменовалися рвеніемъ, учреждая у себя столь полезнѣйшія заведенія и возбуждая къ тому ревностъ прочихъ селеній.

Свидѣтельствуя торжественную признательность первымъ, и упомянувъ съ должнымъ вниманіемъ о другихъ, можемъ ли мы прейти молчаніемъ достохвальное дѣяніе почтеннѣйшаго благотворителя, Курскаго

первой гильдіи аккредитованнаго купеческаго сына, Сергѣя Васильевича *Антимонова*, который, споспѣшествуя воспитанію юношества, принесъ въ даръ чепыремъ Приходскимъ Училищамъ, 6500 руб. наличными деньгами? Незабвенна пребудешь память паковыхъ благотворителей! —

Другія Приходскія Училища содержатся на иждивеніи сельскихъ Обществъ по мѣрѣ возможныхъ къ тому способовъ. Для помѣщенія ихъ иными уже пожертвованы, а другіе изъявили желаніе принести въ жертву приличные дома, кромѣ тѣхъ выгодныхъ зданій, которыя отъ щедротъ Войска отданы имъ въ собственность Таманскому Приходскому Училищу (14). При томъ Войсковое начальство, всегда покровительствуя учебной части въ предѣлахъ своей области, во оправданіе благихъ своихъ намѣреній, предполагаетъ, какъ существующія уже, такъ и вновь еще устроиться имѣющія Приходскія Училища, содержать на всегда изъ общихъ Войсковыхъ доходовъ, дабы тѣмъ прочнѣйшее положитъ для нихъ основаніе и облегчитъ членовъ своего сословія, почти безпрестанно занятаго службою.

Изъ сихъ учебныхъ заведеній Екаперинодарское болѣе всѣхъ всегда было ободряемо щедротами Войска. Значительныя пожертвованія незабвенныхъ благотворителей, подавая ему твердую руку помощи, примѣннымъ образомъ извлекали его, такъ сказать, изъ колыбели. Уже въ 1811 году удостоено было оно позволеніемъ отъ своего начальства, сверхъ уѣздно-училищныхъ предметовъ, прибавилъ Гимназическій классъ, для преподаванія возрастающимъ юношамъ Математики и Физики, а въ 1813 году и другой классъ для

обогащенія спбющихъ умовъ — любилелей изящнаго просвѣщенія, знаніемъ Словесности. Училищели сихъ обоихъ классовъ первоначально довольствовались жалованьемъ изъ процентовъ на экономическую сумму.

Ко утвержденію и возвышенію сихъ Училищныхъ заведеній, а паче Уѣзнаго Екатеринодарскаго, отъ вышшей власти разрѣшено производить изъ казны штатную сумму, по 1,250 руб. ежегодно; нынѣ же — благодареніе Богу! къ славѣ начальства, къ чести всего Войсковаго сословія — Училище сіе имѣеть безнужное содержаніе, довольствуясь оными отъ щедротъ Монаршихъ и отъ усердія Войска. Экономическая сумма онаго, простираясь до 25,000 рублей, составившихся большею частію отъ благотвореній, очевидно обезпечиваетъ его въ случаѣ непредвидимыхъ надобностей для благоустройства Училищнаго.

Весьма нужно и полезно пріумножить хорошими училищными пособіями нашу библіотеку, въ которой до сихъ поръ собралось уже болѣе семи сотъ томовъ (15). — Число учащихся въ Екатеринодарскомъ Училищѣ также было очень посредственно: рѣдко когда-либо умножалось оно до ста человѣкъ. И трудно разрѣшить: самое ли младенчествующее еще въ семь краѣ просвѣщеніе, мѣстныя ли обстоятельство, частный ли нѣкоторыхъ вкусъ въ наукахъ, или недавнее укорененіе Войска сего на мѣстахъ, шеперь имъ населяемыхъ — тому причиною?..... Но нынѣ число учениковъ въ Екатеринодарскомъ Училищѣ возросло болѣе ста шестидесяти, въ подвѣдомственныхъ ему Приходскихъ Училищахъ болѣе 200, а всѣхъ до 400.

Самое заведеніе и распросраненіе Училищъ, положеніе содержанія для оныхъ, значительныя пожертвованія, соспавленіе экономической суммы, учрежденіе библіотеки и пріобрѣшеніе другихъ пособій, а паче постепенное пріумноженіе учащихся — не суть ли доказательства благороднаго рвенія богоспасаемыхъ Черноморцевъ къ распросраненію Просвѣщенія?

Двадцать восемь лѣтъ пропекло — и необитаемыя мѣста населены градами и весями (16); 28 лѣтъ — и пустыя поля усѣяны многочисленными спадами и испещрены тучными нивами, яко источниками общесвѣннаго блага; 28 лѣтъ — и кромѣ благолѣпной монашеской пустыни (17), воздвигнутой для пріятія въ нѣдра смиренія уклоняющагося отъ мѣрскихъ суетностей, пятьдесятъ-два храма (18) иѣснословятъ имя Христово устами семействъ вашихъ, П.П. П.П! Сверхъ того, когда, кому отказывали въ какихъ-либо пособіяхъ богоспасаемые обитатели края сего? Требуется ли того Опечесство? — Въ числѣ первыхъ готовы они явить всю ревность и усердіе (19). Нужно ли благосиѣществованіе въ челоуѣколюбіи? — Не опспаюль они отъ другихъ въ жертвованіяхъ (20). Ищутъ ли дальнѣе соотечественники ихъ милосердія? — Изъ послѣднихъ пожитковъ своихъ отдѣляюль имъ возможное подаяніе съ сердечнымъ расположеніемъ (21). Но проливая щедроты свои на другихъ, себѣ спяжали большія: — благоволеніе Неба, нынѣ нами созерцаемая! — Едва тринадцать послѣднихъ лѣтъ уклонились въ вѣчность, какъ свѣтлая заря наукъ показалась на небосклонѣ нашемъ; и зарево Просвѣщенія являетъ уже намъ ясное утро (22); тринадцать лѣтъ — и нечувствовавшій надобности въ ученіи находимъ

удовольствіе въ пріобрѣшеніи свѣдѣній и встрѣчаеть необходимость въ распространеніи познанія Наукъ; 13 лѣтъ — и одно малое Училище раждаетъ другихъ десять, а само образуется въ вышнее. — Это слѣдствіе избытка добрыхъ сердець и правовѣрныхъ душъ здѣшняго Сословія!

Но кто не вѣдаетъ, сколько въ сіи немногіе современные намъ годы было и наспоить заботъ для Войска. Ему надлежитъ содержать границы въ безопасности отъ ежечасныхъ набѣговъ; оно обязано укрощать дерзкихъ Ордынцевъ, — по многократными преслѣдованіями ихъ опрядовъ, по нарочитыми походами въ самые ихъ аулы (23); ему должно занимать-ся, и нужно занимать-ся, — собственнымъ хозяйствомъ для своего содержанія, а въ засвидѣтельствваніе дѣятельности и вѣрной службы снаряжать полки, по на Дунай (24), по въ Крымъ, на Южный берегъ къ Черному морю (25), по для защищенія и подкрѣпленія за Кубанью прежде устроенныхъ бапарей (26), по на Западъ противъ общаго врага Европы (27), по на границу Польскаго Царства (28), при всегдашней гоуповности и впредь къ отправкѣ оныхъ, если бы того надобность потребовала. — Нужно было также оному со всѣхъ сторонъ охранять предѣлы бдительнѣйшею спражею отъ внесенія заразительной болѣзни (29) и въ продолженіи не малаго времени облегчать нужды многихъ десятковъ тысячъ переселенцовъ (30). Должно было вновь формировать изъ Войска опрядъ конной Гвардіи (31), преобразовать оный въ эскадронъ, пополнять, снабждать всѣми потребностями, поддерживать его и въ поже время образовывать необходимую, уже опличающуюся, Артиллерію (32). Надобно было

заботиться оному о сооруженіи различныхъ заведе-
ній (33), объ успроеніи фабрикъ и заводовъ (34), объ
учрежденіи почповыхъ станцій (35), объ исправленіи
переѣздовъ, и споспѣшествовань общей пользѣ успрое-
нѣемъ карантинныхъ (36), военного госпиталя (37), ла-
заретовъ (38), больницъ (39) — и пецись о снабженіи
оныхъ всѣмъ нужнымъ. О многихъ другихъ заботахъ,
развлеченіяхъ и непомѣрныхъ издержкахъ, бывшихъ
и всегда необходимыхъ — или для благоустройства
и порядка, или для засвидѣтельствованія усердія и
общаго человеколюбія — умалчиваю; не описываю про-
спраннѣйшаго разсѣянія жилищъ и отдаленія оныхъ
отъ Екатеринодара, даже между собою отдѣленныхъ
болотами, или пустою степью, или опасностію отъ
Закубанскихъ злодѣевъ; не говорю о перемѣщеніи
многихъ селеній отъ Кубани (40); не напоминаю о
бывшихъ неоднократно болѣзняхъ, свойственныхъ
здѣшнему климату, не мало отнимавшихъ бодрость
духа и ослаблявшихъ тѣлесныя силы; о частныхъ без-
покойствахъ отъ злодѣйственныхъ сосѣдовъ, нерѣдко
заспавляющихъ, бросивъ перо, принимаешь за ору-
жіе, отложивъ собственное, или порученное дѣло —
спѣшить на защищеніе семействъ, а иногда оставивъ
домъ, цѣлые мѣсяцы и почти цѣлую зиму, бывъ въ
ежечасномъ вооруженіи и готовности на сопротивле-
ніе злодѣямъ, для котораго принуждены вооружаться
юноши, едва могущіе поднять оружіе, или еще дол-
женствовавшіе бы занимать ученіемъ. О смертно-
сти же отъ начала поселенія до 1817 года похищав-
шей, рѣдко менѣе того сколько рождалось (41), испор-
тавшей воиновъ во цвѣтѣ лѣтъ, которые могли бы еще
бодрствовать, умножать число дѣйствователей и спо-

спѣшниковъ общему благу — сказать не смѣю; скажу только необинуясь: всѣ обстоятельства сїи не могли ли быть въ семь краѣ препятствующею причиною успѣшнѣйшему ходу просвѣщенія?

Да и много ли здѣсь обитателей? По первой за 1797 годъ ревизїи было ошь Генерала до послѣдняго Козака 19,858; а нынѣ по прїумноженїи переселенцами съ малолѣтними, изувѣченными и дряхлыми, включая и духовенство, 39,103 души мужеска пола (42); количество, даже шротивъ уѣздовъ очень умѣренное; умѣренны и доходы Войсковые, копорые еще въ 1804 простирались только до 71,000 рублей (43); нынѣ же сїя оспрасть хотя съ году на годъ увеличивается; но умножающя и надобности, почти превышающїя доходы. Однако за всѣмъ шѣмъ обитатели Войска сего не только не оспрають ошь староустроенныхъ обществъ въ усердствованїи къ полезнѣйшимъ заведенїямъ; но едва ли не превосходятъ иѣкопорыхъ. — Сословіе сїе весьма охотно и со благоговѣнїемъ повинуется предержащей власпи, и всегда внимлетъ гласу Правосудїя, призывающему оное къ собственному его благополучїю.

При умѣренныхъ доходахъ, при множайшихъ еже-частныхъ развлеченїяхъ, при сильнѣйшихъ трудахъ и общихъ заботахъ, въ немногіе годы устрояются полезнѣйшїя заведенїя, и неоскудѣваетъ ревность къ распространенїю просвѣщенїя. Малый разсадникъ при насажденїи другихъ разведенїй возраспаетъ въ верпоградъ: Малое Училище, при многихъ Приходскихъ, образуется нынѣ въ Гимназію, копорая хотя и имѣетъ въ назначенїи для себя ошь щедротъ Высокo-монаршихъ по 5,800 руб. ежегодно; однакожь чело-

вѣколюбивые благотворители отъ избытка усердія своего, въ незабвенную память свою, на успроеніе при ней Сиропо-пишашельнаго дома, записало уже въ пожертвованіе болѣе 15,000 рублей; въ томъ числѣ Гг. полковые Есаулы: *Бондаревскій*, болѣе пяти тысячъ пяти сотъ рублей; а *Сѣменко* 1,050 рублей; да на покупку Физическаго для Гимназіи прибора упомянутый Г. *Антимоновъ* 500 рублей. При томъ Войсковое Правительствво предположило содѣйствовать усовершенствованію оной всѣми возможными пособіями. И шакъ все сіе, не есть ли доказательство любви Черноморскаго Сословія къ распространенію просвѣщенія?

Да возрадуются сердца благодарующихъ въ семь Богоугодномъ дѣлѣ! и радость сію да ощущаютъ (паче всѣхъ начальствующихъ, отъ коихъ зависитъ исполненіе Высочайшей воли! —

Благодареніе Промыслу Вышняго, управляющему вся во благое! Благодареніе благости Его, движущей сердцами добромыслящаго Начальства и распоряющей упробы благодарителей милосердіемъ, ведущей насъ извѣстными Ему путями къ нашему блаженству! Слава Пресвятому имени Его, расплагающему насъ къ точнѣйшему служенію Отечеству — для собшвенной нашей чести и славы!

Сыны Отечества! истинные друзья человечества! теперь только остаеся намъ-удержать въ своемъ духѣ священнѣйшую ревность о усовершенствованіи начинаемаго дѣла; теперь только остаеся намъ благопризирать на сіи общепользные заведенія: тогда какихъ успѣховъ ожидать должно! — — —

Многимъ опверзть будущъ входъ въ храмъ славы; множайшіе будущъ благословлять жребій свой, иногда

одинъ, по мѣрѣ пріобрѣтенныхъ имъ свѣдѣній, можетъ быть полезенъ для всѣхъ; одинъ оправдаетъ всѣ издивенія; одинъ можетъ сославить честь и славу всѣхъ: — какое будетъ увѣнчаніе общественныхъ печеній! Какое удовольствіе душъ и сердецъ всѣхъ и каждаго! — Имѣніе наше перейдетъ въ руки другихъ; честь же и слава пребудетъ съ ними вѣчно! —

Но сіе устроеніе имѣетъ нужду въ покровительствѣ благомыслящаго Начальства, чрезъ что болѣе и болѣе будетъ приходить оное въ лучшее совершенство. Въ немъ учащійся, безъ сомнѣнія, можетъ получить всѣ способы къ образованію своего ума и сердца и къ достиженію истиннаго благополучія: здѣсь онъ Словомъ Божіимъ и добрыми наставленіями утвержденъ будетъ въ Христіанствѣ и благонравіи; здѣсь онъ можетъ научиться нужнымъ языкамъ, для разумѣнія иностранныхъ писемъ и разговоровъ; здѣсь познаетъ свойство Природы и чудесныя явленія оной, — не для простаго токмо удивленія, но для благоговѣнія къ Міродержцу; здѣсь можетъ познать нужные способы къ пріобрѣтенію чести и славы, сколько оружіемъ, столько и челоуѣколюбивымъ поведеніемъ своимъ противъ покоряющихся его геройству; здѣсь можетъ пріобрѣсти свѣдѣнія о народномъ правленіи и умноженіи общаго блага; здѣсь получить свѣдѣнія, нужныя для праведнаго судіи и безкорыснаго правовѣдца; здѣсь можетъ научиться правиламъ порядочнаго домоупроительства, удобренія нивъ съ облегченіемъ прудовъ земледѣлія, улучшенія скотоводства, умноженія промышленности, упонченія общественныхъ чувствъ, сохраненія своего здоровья, посвященія себя на служеніе общей пользѣ: и тако исполняется Высоко-

монаршія намѣренія, прославится имя Всебѣдущаго и совершится всѣхъ и cadaго благополучіе.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я .

1) Войско Черноморское предъ войною съ Портою Опшманскою начало въ 1787 году собираться изъ оставшихся Запорожцевъ. Первымъ Апаманомъ Кошевымъ былъ опредѣленъ Полковникъ Сидоръ *Бѣлый*, который въ 1788 году весною во время шеремичи подъ Очаковомъ убитъ Турками; на мѣсто же его избранъ Кошевымъ *Захарій Челѣга*.

2) Во время войны, по завоеваніи Бессарабіи, назначена была имъ земля для поселенія между Бугомъ и Днѣпромъ по берегу Чернаго моря и по дороге Бендерскую; но въ 1792 году, по ходатайству Депутатовъ отъ Войска, преимущественно же Войсковаго Судьи, Бригадыра и Кавалера *Антоня Головатаго*, предприимчиваго, смѣлаго, веселонравнаго, опиважнаго и рѣчиспаго, отъ Императрицы *Екатерины II*. Всемилоствѣйше дарована земля съ островомъ Таманью до Лабы; а къ Сѣверу отъ Кубани по берегу Азовскаго моря до р. Еи; на что жалована Высочайшая грамота; а съ нею вмѣстѣ подарены тогда же, 1792 года Юля 13 дня, серебряное и вызолоченое блюдо, съ таковою же солонкою, и хлѣбомъ, для церкви свяшый попиръ со всемъ приборомъ, суповызолоченныя и глазшныя ризы со спихаремъ и со всемъ облаченіемъ, а также и для Войска большое бѣлое знамя, серебряныя лшавры и двѣ серебряныя трубы.

3) При Кубани было нѣсколько лѣсу, и нынѣ находится очень не много; — прочія мѣста степныя, изрѣдка покрытыя камышемъ; воды прѣсныя и мало годныя для употребленія, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вовсе нѣтъ, или горькія.

4) Въ Польшу ходили въ 1794 году два полка пѣписные, подъ командою Кошеваго Бригадира *Захарія Челѣги*, который тогда пожалованъ Генераломъ.

5) Въ Персію опряжены были 1796 года два полка пѣписные, подъ командою Бригадира *Антоня Головатаго*, который по смерти Челѣги, назначенъ былъ Войсковымъ Ашаманомъ; но до полученія Высочайшаго повелѣнія въ 1797 году на островѣ Каспійскаго моря, *Колышевинѣ*, въ 250 верстахъ за Дербеншомъ, умеръ.

6) По смерти Головатаго, въ томъ же 1797 году, пожалованъ Войсковымъ Ашаманомъ Войсковый Писарь Полковникъ *Тимофей Котляревскій*, но возвратившіеся изъ Персіи, до полученія еще о семъ повелѣнія, сообразно старому обычаю, желали избрать Кошеваго по своей волѣ; по какимъ причинамъ Котляревскій погожъ года въ послѣднихъ числахъ Августа ѣздилъ ко Двору, гдѣ пробылъ одинъ годъ и чепыре мѣсяца, и пожалованъ Генераломъ. Но поелику онъ былъ слабъ здоровьемъ, по, командуя съ небольшимъ годъ, испросилъ себѣ пріемника, Подполковника *Федора Яковлевича Бурсака*, коему по Высочайшему повелѣнію и здаль Ашаманство 1800 года въ Генварѣ мѣсяцѣ, а самъ погожъ года въ половинѣ Февраля мѣсяца умеръ.

7) Чума 1796 съ Марта мѣсяца изъ Анапа вкрасьлась чрезъ Бугазъ въ Тамань, разнеслась по всему по-

чти Войску и въ Августѣ того же года прекращена нарочитымъ Караншиномъ въ селеніи Брюховецкомъ, особенно же спараніемъ Главнаго Таврическаго Штабъ-Доктора *Годфелда*.

8) Войску при Грамотѣ Высочайше пожаловано изъ казны по двадцати тысячъ рублей ежегодно, для жалованья: Войсковому Апаману, на войсковую Канцелярію, 40 Куреннымъ Апаманамъ и соборному Духовенству. Провіантъ же сначала былъ собственный; попомъ съ 1806 года велѣно было отпусканъ казенный; но съ 1810 году таковой отпускъ прекращень, и опять началъ заготовляться отъ Войска; для чего въ 1813, 1814 и 1815 годахъ, по причинѣ дороговизны хлѣба, издержано Войскомъ 475,232 руб. 57 коп.

9) Отъ Екаперинодара до Роспова и Черкаска болѣе 300 верстъ, отъ Крыму за морями и болотами 250; отъ Кавказской же Губерніи (а), коюрой граница отъ Екаперинодара въ 47 верстахъ, были пусто-порожійя степи.

10) Высочайшій Манифескъ о народномъ просвѣщеніи состоялся 1803 года. Харьковскій Университетъ открытъ 1805.

11) Войсковой Апаманъ Копляревскій еще посылалъ двухъ сыновей своихъ въ Крымъ для наученія грамотѣ. Умершаго Протоіерея *Порохни* два сына въ 1802 году отправлены были въ Харьковскій Коллегіумъ.

(а) Въ семь 1820 году Черноморія отъ Таврической Губерніи отчислена къ Губерніи Кавказской, а по воинской части отъ Херсонскаго Военнаго Губернатора подъ команду Генерала отъ Инфантеріи *А. П. Ермолова*, пребывающаго въ Грузіи.

Войсковый Апаманъ Ѳедоръ Бурсакъ въ 1803 году послалъ двухъ сыновъ своихъ въ Черкаскую Гимназію и еще въ 1803 году приглашены были изъ Московскаго Университета для Учительства студентъ Иванченко и Гимназистъ Поляковъ.

12) Периодическаго сочиненія 1806 г. No XIX.

13) Межигорской Кіевскій Монастырь снабждался опъ Запорожцевъ, коимъ ежегодно былъ присылаемъ изъ онаго въ Сбчъ, для опправленія Богослуженія, одинъ Геромонахъ. Ризница, по упраздненіи онаго находившаяся въ Полтавѣ въ ризницѣ Архіерейской, въ 1798 году съ Каѳедрою Архіерейскою перевезенная въ Новомиргородъ, по Высочайшему повелѣнію поступила въ Черноморское Войско. Она была испрошена у Государя Павла I. Апаманомъ Копляревскимъ и нѣкоторыя вещи изъ оной въ 1799 году изъ С. Петербурга привезены Подполковникомъ (нынѣ Генералъ) Ѳ. Я. Бурсакомъ; принята же въ Новомиргородѣ, 1804 года, Войсковымъ Судіею Подполковникомъ Евпихіемъ Чепѣгою, и роздана Войсковою Канцеляріею, — преимущественнѣйше въ Екаперинолебежскую монашескую Пустыню и въ Екаперинодарскій Соборъ, а по часпямъ и по надобностямъ во всякую Черноморскую церковь; Гражданскія же книги и нѣсколько Церковныхъ поступили въ училищную Библіотеку.

14) Въ Щербиновкѣ выстроень для училища домъ изъ Войсковаго лѣса, оппущеннаго бывшимъ Войсковымъ Апаманомъ Г. Бурсакомъ; но неприведенный еще въ окончаніе замѣненъ на шаковый же во всей исправности Г. В. Апаманомъ Малѣвевымъ, принадлежавшій Ейскому Земскому Сыскному Начальству, кошорое въ

1817 году изъ Щербиновки переведено въ селеніе Кушовку.

15) Въ 1817 году пожертвовалъ Войсковый Апаманъ Бурсакъ 15 экземпляровъ; въ 1811 Г. Невзоровъ, изданія своего: *Друзь Юношества*, полные чепыре года; въ 1819 ошъ Г. Спалскаго Совѣтника *Каразина* получено 15 помовъ разныхъ книгъ; ошъ разныхъ Благошворителей по одной: всего до 200 помовъ.

16) Городовъ 2: Екашеринодаръ и Тамань; мѣстечекъ 3: Щербиновка, Гривина и Темрюкъ; селеній 42, заселковъ 6.

17) Екашеринодарская Пущыня заложена Архимандришомъ Теофаномъ 1796 года и въ ней деревянная церковь; кирпичнымъ же зданіемъ большая церковь о 5 престолахъ заложена Архимандришомъ Товією 1804 года Августа 6 дня; въ Киновіи кирпичнымъ же зданіемъ церковь во имя Всѣхъ Святыхъ заложена 1806 года Мая 27, а освящена 1809 Августа 1 Митрополишомъ Хрисанеомъ.

18) Въ Екашеринодарѣ Соборная большая деревянная пререспольная церковь освящена 1800 года; Екашерининская придѣльная 1813; на кладбищѣ, до выспройки церкви, въ Богадѣльнѣ, положенъ свяшій Аншиминсъ для священнослуженія 1817; а Димитріевская, вновь приходская, изъ церкви, Архимандришомъ Товією на подворьѣ своемъ выспроенной, освящена 1819 года.

19) Частныхъ пожертвованій на милицію было до 20 тысячъ; — особо изъ Войсковыхъ доходовъ послано сто тысячъ; но сіи, по причинѣ довольнаго усердія Войска по службѣ, — возвращены.

20) На погорѣлую Казань въ 1815 году собрано по Духовной части деньгами и вещами на двадцать-одну тысячу семьдесятъ-восемь рублей тридцать-пять копѣекъ.

21) Въ Аѳонской горѣ содержится оупъ милостей Войска Ильинскій монастырь, для коего въ Черноморіи при Азовскомъ морѣ имѣется рыболовный заводъ, и ежегодное бываетъ оупъ Благотворителей подаваніе.

22) Екаперинодарское училище Высочайше утверждено 1806 года Декабря 14 дня; прибавка классовъ Гимназическихъ учинена 1811; Гимназію предназначено открытъ 1819 года, — приведено въ исполненіе 1820 Мая 17 дня.

23) Черноморскія Войска ходили за Кубань, для наказанія и усмиренія Черкесь: 1800, 802, 804, 807, 809, а 810 и 811 пять разъ; въ томъ числѣ два раза для взятія Анапа 807 и 809 годовъ.

24) На Дунай откомандированъ полкъ на флотиліи 1807 года, подъ командою Подполковника *Палмвуды*, который подъ мѣспечкомъ Приславомъ убили Турками; на мѣсто его посланъ изъ Войска Войсковый Полковникъ Григорій Кондрапьевичъ *Матвеевъ*, нынѣшній Войсковый Апаманъ. По окончаніи же войны съ Портою посланъ оный полкъ пѣшій въ Армію противъ Французовъ; но опшуда въ 1813 году съ Войсковымъ Полковникомъ П. *Бурсакомъ* возвратился съ тѣмъ, что на смѣну онаго посланъ другій конный, подъ командою Полковаго Есаула *Плохого*, который по окончаніи войны съ Французами, возвратился въ 1814 году съ тѣмъ же полкомъ Подполковникомъ.

25) Въ Крымъ посланъ былъ полкъ 1807 года, подъ командою Войсковаго Полковника *Ляха*.

26) На Черкесской сторонѣ устроены были двѣ батареи подь распоряженіемъ Графа *Рошешуара*: 1 противъ Александринскаго Кордона за Кубанью, въ 10 верстахъ отъ Екатеринодара, 1810, а 2 за 15 верстъ отъ оной подь горами при рѣкѣ *Афинсѣ*, 1811 годовъ: обѣ же упразднены 1812 года.

27) Кромѣ посыланныхъ полковъ, означенныхъ подь числомъ 24, при вторичномъ смятеніи во Франціи послѣ побѣга Бонапарте съ острова Эльбы 1815 года посланы были 4 полка конныхъ, подь командою Подполковника *Дубоноса*.

28) Въ Польское Царство снаряженъ конный полкъ, во всемъ новомъ снаряженіи, подь командою В. Спаршины и Кавалера *Стринскаго* 1819 года!

29) Въ концѣ 1812 и въ 1813 году, въ разсужденіи заразы, вокругъ Черноморіи содержима была стража: съ запада отъ Крыму и чрезъ Азовское море отъ Екатеринославской Губерніи, съ Сѣвера отъ Ростовскаго Уѣзда и Донскихъ предѣловъ; съ Воспока отъ Кавказской Губерніи, отъ коей съ того времени и до нынѣ содержится стража и Карантинъ; съ Юга отъ Закубанцевъ, отъ коихъ и прежде была и всегда быть нужна.

30) Съ 1809 по 1811 годъ по Высочайшему повелѣнію изъ Малороссійскихъ Губерній переселилось мужеска пола 22,306 душъ, женска 19328, для пособія коимъ издержано отъ Войска 153,607, руб. 66 $\frac{1}{2}$ коп.

31) Первый разъ 1811 года снаряженіе и отправка Гвардейской сотни стоила войску 25,585 р. 56 к.; добавка людей и всего нужнаго въ 1816, 1818 и 1819 годахъ 27,957 р. 9 $\frac{1}{2}$ коп.

32) Образованіе Артиллеріи послѣдовало 1813 года и въ началѣ стоило Войску 37,480 р. 80 к; ежегодное исправленіе оной болѣе 5 тысячъ.

33) Въ крѣпости 40 Куреній кирпичныхъ начаты 1811 года, а кончены 1819 годовъ, и стоять Войску 220,180 р. 95 к.

34) Суконная фабрика заведена 1814 года, и стоила Войску при заведеніи 44,440 р. 14 $\frac{2}{3}$ к., а ежегодно до 7,424 р. 42 к. Лошадиный заводъ начатъ 1812 года и стоилъ при заведеніи 61,248 р. 31 $\frac{3}{4}$ к., ежегодно до 7,000 р.; а овчарный начатъ съ 1816 и стоилъ 19,229 р. 35 к. а ежегодно до 4,000 р.

35) Почшвыя спанціи ежегодно стоить для Войска до 22,450 р.

36) Карантинъ ошъ Кавказской Губерніи учрежденъ 1809 года, и съ прочими Карантинами стоилъ 16,912 р. 40 $\frac{3}{4}$ к.

37) Главный Гошпигаль назначень 1812 года, и принялъ свое дѣйствіе и видъ 1816 года, и стоилъ Войску 87,317 р. 99 $\frac{1}{2}$ к., а ежегодно до 3,000 р.

38) Лазаретны: въ селеніяхъ Полтавскомъ и Брюховецкомъ, и мѣсячкахъ: Темрюкѣ и Щербиновкѣ.

39) Богадѣльня въ городѣ Екатеринодарѣ.

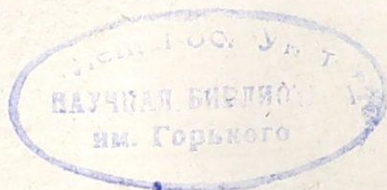
40) Обиватели берговъ Кубани начали съ 1807 года переходить внутрь Черноморіи цѣлыми селеніями, какъ по: 1) Донское и Пласпуновское, которыя поселились вмѣстѣ при рѣчкѣ Кочепяхъ; 2) Роговское, состоящее нынѣ при рѣчкѣ Кирпилахъ; 3) Поповичевское переселилось на правую сторону рѣчки Ковуры; 4) Величковское поселилось въ 15 верстахъ по выше оного; 5) Тимошевское поселилось надъ устьемъ Кирпильцовъ; 6) Мышастовское перешло надъ

рѣчку Кочети; 7) Ново-шипаривское при рѣчкѣ Ко-
нурѣ, которе населено изъ жипелей своего курен-
наго селенія изъ хупоровъ и изъ городскихъ жипе-
лей; 8) Нижестеблѣевское, перешедши отъ Ивонивки
къ пропючкѣ Ангелинкѣ, составило особое новое селе-
нїе по прежнему своему названїю; 9) вышедшіе изъ
Джерелѣвки за рѣчку Кирпили по правую спорону
выше пропючкѣ Рогивскаго съ хупорами и переселив-
шимися къ нимъ переселенцами составили селенїе
Ново-Джерелѣевское; 10) отъ Корсунскаго такимъ же
образомъ составилось по правой споронѣ р. Бейсужка
селенїе Ново-Корсунское; 11) подобнымъ образомъ отъ
Ивонивскаго между Конурскими Лиманами состави-
лось селенїе Ново-Ивонивское.

56760
41) Съ 1794 до 1817 по всей Черноморїи родилось
мужеска 18,644, женска 17,698, обоого пола 36,342 ду-
ши; умерло мужеска 23,716, женска 17,028, обоого
40,744: слѣдовательно болѣе родившихся умерло 4,402
души; а съ 1817 по 1820 родилось мужеска 5,725,
женска: 5,513, обоого 11,238; умерло: мужеска 3,446,
женска 2,569: слѣдовательно родилось болѣе, нежели
умерло мужеска 2,279, женска 2,944.

42) Въ 1819 году съ Генераломъ Шшабъ и Оберъ-
Офицеровъ 899, Козаковъ 37,892 ихъ женска пола
26,703; Духовенства мужеска 312, женска 328.

43) Въ началѣ доходы были малые: въ 1804, кромѣ
получаемыхъ ежегодно изъ казны по Высочайшей Гра-
мотѣ 20 тысячъ, было 71,784 р. а въ 1818 съ оными
416,404 р. 23 $\frac{3}{4}$ коп.

[10p]

С П 6 Г У